

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

ПОЛИТОЛОГИЯ

2022. Том 16. № 4

Редакционная коллегия

Л. А. Фадеева (гл. редактор), Н. В. Борисова, И. М. Бусыгина,
В. Я. Гельман, И. В. Мирошниченко, П. В. Панов, В. Н. Руденко,
И. С. Семенов, А. В. Стародубцев, К. А. Сулимов
Ответственный секретарь – Н. М. Беляева

Редакционный совет

Бусыгина Ирина Марковна, д.полит.н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург)
Бушар Мишель, профессор, Университет Северной Британской Колумбии (Канада)
Малинова Ольга Юрьевна, д.филос.н., профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)
Морозова Елена Васильевна, д.филос.н., профессор, Кубанский государственный университет
Мацузато Кимитака, профессор, Центр славянских исследований университета Хоккайдо (Япония)
Росс Камерон, профессор, Университет Данди (Великобритания)
Саква Ричард, профессор, Кентский университет (Великобритания)
Сморгунов Леонид Владимирович, д.филос.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Фадеева Любовь Александровна, д.и.н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет
Филиппов Михаил Георгиевич, профессор, Университет штата Нью-Йорк в Бингемтоне (США)

Выпускающий редактор К. А. Сулимов

© Редакционная коллегия, 2022

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свид. о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-68264 от 27 декабря 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Политические институты, процессы, технологии

<i>Балакина Ю. В., Соснин А. В., Туманова М. В.</i> Стратегии легитимации и поддержания имиджа в дискурсе российских губернаторов во время пандемии COVID-19	5
<i>Miroshnichenko I. V., Kolba A. I., Atanesyan A.V.</i> Destructive practices of youth communities in the context of youth policies (regional perspective)	17
<i>Шевцова И. К., Гилев А. В.</i> Недисциплинированные муниципалитеты: сбой централизации и локальная автономия в России в 2010-е гг.	29
<i>Сурсанова Ю. В.</i> Телеобраз Украины как зеркала российской политической самости на этапе формирования современной государственной политики идентичности	40
<i>Кирьянов И. К., Панов П. В.</i> Историческая специфика регионов России: инструментарий для анализа гетерогенности политического пространства	53
<i>Асхадуллина Э. И., Кононов Д. А., Куличкова М. И., Михеев А. К., Романов М. П.</i> Анализ эффективности волонтерских организаций в Пермском крае в период COVID-19	64
<i>Баландин Ю. А.</i> Патронаж как ключевой предиктор ротации губернаторов: факторы устойчивости глав регионов России после возвращения губернаторских выборов в 2012 г.	73
<i>Козьмин Д. А.</i> Когда авторитарные выборы конкурентны? Случай выборов в Законодательное собрание г. Санкт-Петербурга	85
<i>Ушпаров И. А.</i> Депортация северокавказских народов в публичном пространстве: случаи Республики Чечня и Республики Ингушетия	94

Международные отношения

<i>Myasnikov S. A.</i> Legitimation of Russia's special foreign policy operations: strategic narratives of Russian officials	105
--	-----

Обзоры и рецензии

<i>Зубарев Н. С.</i> Социально-психологические факторы массовой поддержки автократий: обзор исследований	118
К сведению авторов	127

Bulletin of Perm University. Political Science

“**Bulletin of Perm University. Political Science**” is a peer-reviewed academic journal that sees its mission in sustaining a high level of academic discussion, which corresponds with the international political sciences standards. The journal publishes research articles, reviews of current issues in both English and Russian languages, which have not been published previously and are not under consideration for publication elsewhere.

Since 2010 the Bulletin is on The list of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences should be published (list of Higher Attestation Commission).

The Bulletin is included in the national information and analytical system "Russian Science Citation Index" (RSCI) and is available in the E-library.

Editorial Board

Editor-in-Chief – Lyubov A. Fadeeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science, Perm State University

Members of Editorial Board:

Nadezhda V. Borisova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Irina M. Busygina – Doctor of Political Sciences, Professor, Higher School of Economics – Saint Petersburg

Vladimir Ya. Gelman – Candidate of Political Sciences, Professor, European University at Saint Petersburg and University of Helsinki

Inna V. Miroshnichenko – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Petr V. Panov – Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Research Fellow, Department of Research on Political Institutions and Processes, Perm Federal Research Center, Ural Branch of RAS

Viktor N. Rudenko – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Corresponding Member of RAS, Director of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS

Irina S. Semenenko – Doctor of Political Sciences, Corresponding Member of RAS, Deputy Director for Scientific Work, IMEMO RAS

Andrey V. Starodubtsev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Applied Political Science, Higher School of Economics – Saint Petersburg

Konstantin A. Sulimov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Executive Secretary – Natalya M. Belyaeva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Perm State University

Editorial Council

Busygina Irina (Higher School of Economics – Saint Petersburg, Russia)

Bouchard Michel (University of Northern British Columbia, Canada)

Malinova Olga (INION of Russian Academy of Science, Higher School of Economics, Russia)

Matsuzato Kimitaka (Slavic Research Center of Hokkaido University, Japan)

Morozova Elena (Krasnodar University, Russia)

Ross Cameron (Dundee University, United Kingdom)

Sakwa Richard (Kent University, United Kingdom)

Smorgunov Leonid (Saint Petersburg University, Russia)

Fadeeva Lyubov (Perm State University, Russia)

Filippov Mikhail (State University of New York at Binghamton, USA)

CONTENT

Political institutions, processes, technologies

<i>Balakina Ju. V., Sosnin A. V., Tumanova M. V.</i> Strategies of legitimation and maintaining the image in the discourse of Russian governors during the Covid-19 pandemic	5
<i>Miroshnichenko I. V., Kolba A. I., Atanesyan A. V.</i> Destructive practices of youth communities in the context of youth policies (regional perspective)	17
<i>Shevtsova I. K., Gilev A. V.</i> Undisciplined municipalities: malfunction of centralization and local autonomy in Russia in 2010s	29
<i>Sursanova Iu. V.</i> TV image of Ukraine as a mirror of the Russian political self at the formation stage of the modern state identity policy	40
<i>Kiryaynov I. K., Panov P. V.</i> Historical specificity of Russian regions: an instrument for the analysis of political space heterogeneity	53
<i>Askhadullina E. I., Kononov D. A., Kulichkova M. I., Mikheev A. K., Romanov M. P.</i> Analysis of the effectiveness of volunteer organisations in Perm krai during Covid-19	64
<i>Balandin Yu. A.</i> Patronage as a key predictor of governor's rotation: factors of stability of the heads of Russian regions after the return of the governor's elections in 2012	73
<i>Kozmin D. A.</i> When are authoritarian elections competitive? The case of St. Petersburg's legislative assembly elections	85
<i>Ushparov I. A.</i> The deportation of north caucasian peoples in the public perception: cases of the Republic of Chechnya and the Republic of Ingushetia	94

International relations

<i>Myasnikov S. A.</i> Legitimation of Russia's special foreign policy operations: strategic narratives of Russian officials	105
--	-----

Reviews

<i>Zubarev N. S.</i> Socio-psychological factors of mass support for autocracies: literature review	118
---	-----

Information for the authors	131
--	-----

Политические процессы, институты, технологии

УДК-323:353(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-4-5-16

СТРАТЕГИИ ЛЕГИТИМАЦИИ И ПОДДЕРЖАНИЯ ИМИДЖА В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

Ю. В. Балакина, А. В. Соснин, М. В. Туманова

Балакина Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент департамента фундаментальной и прикладной лингвистики,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Нижний Новгород.

E-mail: julianaumova@gmail.com (ORCID: 0000-0002-4942-5953. ResearcherID: O-8009-2014).

Соснин Алексей Владимирович, доктор филологических наук, доцент департамента фундаментальной и прикладной лингвистики,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Нижний Новгород.

E-mail: asosnin@hse.ru (ORCID: 0000-0003-2823-6309. ResearcherID: K-8455-2015).

Туманова Мария Валентиновна, магистр лингвистики,

ООО «Селдон 2», Россия, Нижний Новгород.

E-mail: pashukovamariya@inbox.ru (ORCID: 0000-0003-4567-4423. ResearcherID: AFV-6032-2022).

Аннотация

Актуальность представляемого исследования обусловлена, в первую очередь, новыми вызовами власти, связанными с пандемией COVID-19, а с другой стороны, растущей популярностью социальных сетей как платформы политической коммуникации. Цель работы – изучение стратегий легитимации власти и поддержания имиджа в блогах руководителей регионов во время пандемии COVID-19. Методологической основой исследования послужила классификация стратегий и тактик речевого поведения О.Н. Паршиной (2005), а также классификация стратегий легитимации власти Т. Ван Левена (2008). Наряду с качественным контент-анализом авторами был использован корреляционный анализ данных. Результаты исследования показывают, что стратегии поддержания имиджа являются неотъемлемой частью дискурса легитимации. Наивысшая сила корреляции была выявлена между стратегией формирования эмоционального настроения адресата (стратегия поддержания имиджа) и стратегией моральной оценки и апелляции к авторитету (стратегии легитимации). Кроме того, в дискурсе губернаторов, участвующих в исследовании, не отмечено статистически значимых отклонений в использовании стратегий и тактик, что позволяет, вероятно, говорить о некой формирующейся тенденции в российском политическом дискурсе на фоне пандемии.

Ключевые слова: пандемия; социальные сети; губернатор; политический дискурс; легитимация; имидж; самопрезентация.

Введение

Пандемия COVID-19 оказала беспрецедентное влияние на жизнь социума по всему миру. Изменения затронули не только межличностное общение, но и функционирование социальных институтов. С 2020 г. из-за локдауна и закрытия границ Интернет стал, по сути, единственным доступным средством общения, в том числе и в России. Во время самоизоляции привычные оффлайн-занятия (получение образования, работа, походы за покупками, досуг) вынужденно переместились в онлайн-пространство (Малышева, 2020). В данном контексте особо стоит отметить изменения взаимодей-

ствия власти и общества (Alamsyah, Zhu, 2021), в котором ведущая роль была отдана онлайн-коммуникации, в частности, общению в различных социальных сетях (Chen et al., 2020; Haman, 2020; Zeemering, 2021). Известно, что коммуникация в кризисных и чрезвычайных ситуациях (CERC), инициируемая федеральными лидерами, должна быть своевременной, прозрачной, точной и заслуживающей доверия (Reyes Bernard et al. 2021:8). Связь правительства с общественностью посредством социальных сетей служит важным каналом не только для своевременной передачи жизненно важной информации об общественном здравоохранении и ответных мерах на пандемию, следуя принципам CERC, но и для привлечения общественности к сотрудничеству в борьбе с COVID-19 (Zeemering, 2021).

Руководствуясь принципами CERC, власти регионов РФ сделали выбор в пользу социальных сетей как одного из наиболее эффективных инструментов взаимодействия с населением. Кроме того, в блогах – канале неформальной коммуникации – существует возможность оперативной обратной связи, что позволяет нивелировать коммуникативную дистанцию между властями и обществом (cf.: Зимова et al., 2020; Сизоненко et al., 2021). Результаты исследования О.Ю. Шмелевой (2021: 155) на примере Нижегородской области показывают, что расширение каналов коммуникации, а именно выход власти (преимущественно региональной) в социальные сети, получил положительную оценку опрошенных.

Российский политический дискурс пандемии также изучался в работе Е. В. Андреевой и М. П. Архиповой (2021). Авторы исследовали приемы речевого воздействия и манипуляции, используемые для установления контроля за ситуацией во избежание общественной паники в Республике Саха (Якутия) на примере выступлений главы региона. Результаты исследования подтверждают эффективность социальных сетей как канала коммуникации. К похожим выводам приходят Н. С. Зимова с соавторами, заключая, что «социальные сети наряду с традиционными каналами взаимодействия, являются новым важным инструментом коммуникации общества и власти. Игнорирование социальных сетей или их неумелое использование крайне негативно сказывается на уровне доверия населения к представителям государственной власти, а также на их карьере» (Зимова et al., 2020: 169). Взаимодействие региональных властей и общества в социальных сетях во время пандемии также было рассмотрено в работе А.Ю. Сизоненко и соавторов. Исследователи приходят к выводу, что региональным лидерам необходимо уделять больше внимания вопросам, актуальным среди населения их городов, так как «большая часть людей в онлайн-пространстве подвержена влиянию лидеров мнений, чьи установки не всегда совпадают с позицией самого политика» (Сизоненко et al., 2020: 108).

Необходимо также отметить тот факт, что в период распространения коронавирусной инфекции власти были вынуждены принимать непопулярные решения, которые негативно влияли на рейтинг и имидж политических деятелей (Lalot et al., 2020). В Российской Федерации руководители регионов были наделены полномочиями вводить те или иные ограничительные меры, что привело к росту числа негативных отзывов и критике со стороны населения. Как отмечают в своей работе С. А. Панкратов и С. И. Морозов, «диспозитив доверия между властью и обществом во многом выстроился по линии ограничения / необходимости соблюдения политических и гражданских прав, обусловленных эпидемиологической обстановкой» (Панкратов, Морозов, 2021: 176). Наряду с этим, в контексте пандемии руководители регионов были вынуждены оперативно решать вопросы, связанные не только с эффективной коммуникацией с населением, но также поддерживать собственный имидж, негативное влияние на который неизбежно оказывали последствия внедряемых ограничительных мер.

Таким образом, с учетом растущей популярности социальных сетей как канала политической коммуникации в период пандемии, цель приводимого исследования заключается в выявлении возможных закономерностей в одновременном использовании стратегий легитимации власти (обусловленных необходимостью принимать непопулярные решения) и стратегий поддержания имиджа в блогах глав субъектов Российской Федерации.

В работе ставятся следующие исследовательские вопросы:

1. Являются ли стратегии поддержания имиджа неотъемлемой частью дискурса легитимации власти в период пандемии? Какие субстратегии и тактики преобладают?
2. Существует ли положительная корреляция между стратегиями поддержания имиджа и легитимации?

Исследование основывается на классификации стратегий и тактик речевого поведения О.Н. Паршиной (2005), а также классификации стратегий легитимации власти Т. Ван Левена (2008).

Легитимация в политическом дискурсе

Согласно Д. Битаму (Beetham, 1991), легитимность проявляется в определенном соответствии между установленными правилами, или обоснованиями, основанными на убеждениях, и действиями. В контексте кризисного дискурса пандемии также стоит отметить позицию Ф. Шарпфа (2006), которая видится особенно актуальной в период введения ограничений: «... легитимация представляет собой те аргументы, которые приводит власть, чтобы устранить последствия своей неэффективности и обосновать нарушение прав».

Говоря о стратегиях легитимации политических деятелей, в рамках представляемого исследования, мы понимаем легитимацию как стратегию адаптации политического решения власти (изначально не принятого обществом) как необходимого в сложившейся ситуации в конкретном социуме (cf.: Колмогорова 2018; Фалькина, 2016).

В политическом дискурсе легитимация может быть реализована на двух уровнях. На макроуровне – посредством определенных тем и топосов; на микроуровне – с помощью разнообразных лингвистических средств (лексических, семантических, прагматических и др.) (Screti 2013: 212). Средства микроуровня используются для реализации определенных дискурсивных стратегий. В нашей работе мы будем опираться на классификацию Т. Ван Левена (2008), где четыре основных дискурсивных стратегий включают определенные субстратегии, а именно:

- 1) стратегия апелляции к авторитету:
 - апелляция к личному авторитету;
 - апелляция к «безличному» авторитету некоторой структуры, общественного института, правилам, законам;
 - апелляция к экспертному мнению;
 - апелляция к авторитету «популярной» личности, чаще всего деятельность таких персон широко освещается в массмедиа;
 - апелляция к авторитету традиции;
 - апелляция к авторитету большинства;
- 2) стратегия моральной оценки:
 - оценочность (описательная субстратегия);
 - абстрагирование;
 - аналогия характеристик объекта легитимации с характеристиками другого объекта, который имеет неопровержимую ценность и значимость в данном социальном обществе;
- 3) стратегия рационализации:
 - целевая;
 - инструментальная;
 - результативная;
 - «определение»;
 - «разъяснение»;
 - «предсказание»;
- 4) мифопоэтическая стратегия:
 - нравоучительный рассказ;
 - предостерегающий рассказ;
 - повествование с одной ярко выраженной сюжетной линией;
 - символическое или инвертированное повествование.

Следует, однако, отметить, что наряду с использованием стратегий легитимации для принятия обществом заведомо непопулярных, но необходимых решений и мер, политические деятели одновременно прибегают в контексте пандемии к другим дискурсивным стратегиям воздействия на общественное мнение для поддержания собственного имиджа в глазах электората, привлечения внимания, убеждения в личной правоте и надежности (Скиперских, 2007).

Коммуникативные стратегии поддержания имиджа

Вслед за О. Н. Паршиной под коммуникативной стратегией будем понимать «определенную направленность речевого поведения в данной ситуации в интересах достижения цели коммуникации» (Паршина, 2005: 19).

Одной из ведущих стратегий, оказывающих влияние на формирование позитивного имиджа политика, является стратегия самопрезентации. Ее можно определить как позиционирование и кон-

струирование положительного образа себя в общественном сознании (Arkin, Baumgardner, 1986). О. С. Иссерс (2006) отмечает, что формирование имиджа политика как важнейшего элемента на пути к успешной политической карьере невозможно без корректного использования стратегий самопрезентации.

Обобщив итоги российских и зарубежных исследований, Е. В. Михайлова заключает, что рекомендации по управлению впечатлением аудитории могут быть поделены на две группы: конструирование говорящим определенного образа в конкретном социальном контексте на основе собственного жизненного опыта, или предварительный анализ контекста с целью выявления наиболее потенциально успешного образа и дальнейшее его воплощение (Михайлова, 2006:34).

Однако возможности применения стратегии самопрезентации в кризисном дискурсе несколько ограничены контекстом. Поэтому представляется целесообразным включить в группу стратегий поддержания имиджа манипулятивную и агитационную стратегии, стратегии формирования эмоционального настроя адресата, а также стратегии самозащиты и удержания власти.

По мнению О. Н. Паршиной, успех речевого воздействия, в том числе с целью поддержания имиджа, определяется набором используемых тактик, совокупность которых формирует коммуникативные стратегии. Тактики же в свою очередь, конструируются посредством определенных лингвистических средств (Паршина, 2005). Таким образом, в настоящем исследовании из классификации стратегий, предложенных исследовательницей, мы выделили группу стратегий, используемых региональными лидерами для поддержания собственного имиджа, а также рассмотрели соответствующие им тактики, реализуемые посредством определенных лингвистических средств.

Программа исследования

В ходе исследования были проанализированы пять официальных страниц в социальной сети Инстаграмм¹ руководителей регионов Российской Федерации: Калининградской области – Антона Алиханова; Московской области – Андрея Воробьева; Ленинградской области – Александра Дрозденко; Краснодарского края – Вениамина Кондратьева; Нижегородской области – Глеба Никитина.

Для отбора материала использовался метод сплошной выборки с учетом следующих критериев:

- более 100 публикаций и более 10 000 подписчиков;
- срок на занимаемой должности более 1 года;
- место в топ-20 рейтинге самых цитируемых губернаторов-блогеров по итогам 2020 г. (Медиалогия, 2020).

Всего было отобрано 1 792 поста, опубликованных в период с 28 марта 2020 г. по 28 марта 2021 г. (1 325 111 знаков с пробелами).

На втором этапе исследования был выполнен качественный контент-анализ с помощью программы «Atlas.ti» на предмет выявления стратегий поддержания имиджа в соответствии с классификацией О. Н. Паршиной и субстратегий легитимации власти Т. ван Левена.

В результате кодирования материала (Страусс, Корбин, 2001) был создан словарь, в который вошли 10 тактик поддержания имиджа и 19 субстратегий легитимации. Далее была проведена статистическая обработка данных и интерпретация результатов качественного анализа.

На завершающем этапе исследования с помощью IBM SPSS Statistics был применен корреляционный анализ данных с целью выявления наиболее устойчивых взаимосвязей определенных стратегий поддержания имиджа и легитимации.

Стратегии легитимации власти и поддержания имиджа

Качественный контент-анализ постов губернаторов позволил определить преобладающие стратегии легитимации и поддержания имиджа. Результаты представлены в табл. 1.

¹ Социальная сеть Инстаграмм запрещена в России.

Субстратегии легитимации и тактики поддержания имиджа в блогах губернаторов

	Стратегия	Глеб Никитин	Антон Алиханов	Андрей Воробьев	Александр Дрозденко	Вениамин Кондратьев
Легитимация власти	Рационализации	70	242	106	150	152
	Моральной оценки	27	50	35	39	39
	Апелляция к авторитету	112	272	136	183	214
	Мифопоэтическая	44	123	70	51	105
Поддержание имиджа	Самопрезентация	243	594	416	472	502
	Формирование эмоционального настроения адресата	49	101	48	33	55
	Агитационная	225	467	289	477	519
	Манипулятивная	89	168	122	161	203
	Удержания власти	19	15	13	15	13
	Самозащиты	28	32	14	2	12

Основываясь на представленных в таблице данных, можно заключить, что для смягчения негативных последствий для собственного имиджа в условиях необходимости принятия ряда непопулярных мер губернаторы в большинстве случаев пытаются переложить ответственность на третьих лиц, прибегая к стратегии апелляции к безличному авторитету и экспертному мнению, что кажется вполне обоснованным на начальном этапе пандемии. В ситуации неопределенности представляется очевидным, что решения относительно защиты жизни и здоровья граждан должны принимать специалисты, и именно они несут ответственность за внедряемые меры и их последствия. Губернаторы же предстают в роли исполнителей решений.

Так, губернаторы чаще всего апеллируют к экспертному мнению:

«По данным нашего минздрава, более 90% вновь заболевших пренебрегали маской». (Г.Никитин).

«Совместно с главврачами краевых клиник, специалистами...», «все должно определяться позицией профессионалов – наших докторов...» (В.Кондратьев).

«...который выработаем вместе с санитарным врачом региона на основании рекомендаций Правительства России». (А.Алиханов)

Также стоит отметить апелляцию к безличному авторитету посредством отсылки к нормативным актам, социально-правовым институтам («так положено по закону»; «согласно Конституции РФ») и апелляцию к авторитету большинства. Данные стратегии также позволяют сместить фокус ответственности с помощью следующих средств:

- определительные местоимения, указывающие на обобщенный признак предмета («все», «весь», «всякий», «каждый», «любой»);

- описание явления как массового («множество», «многие»; «большинство»; «все так делают»).

«...Всех волнует возвращение ограничений». (Г.Никитин)

«Как вы все знаете, период с 1 по 11 мая объявлен в нашей стране нерабочими днями». (А.Алиханов)

«Все единогласно выступили за то, что ограничительные мероприятия необходимо сохранить». (В.Кондратьев)

Однако в свете того, что стратегия самопрезентации является ведущей стратегией поддержания имиджа, в своих постах губернаторы используют субстратегию апелляции к личному авторитету, тем самым пытаясь, по крайней мере, создать видимость контроля над ситуацией. Данная субстратегия реализуется с помощью вводных конструкций («по моему мнению», «я считаю»).

Тактики отождествления и солидаризации в дискурсе призваны продемонстрировать единение с народом в борьбе с новой коронавирусной инфекцией, а также сбалансировать негативное впечатление от демонстрации ограниченного контроля над ситуацией и перекладывания ответственности за принятие большинства непопулярных решений на третьих лиц.

Тактика отождествления реализуется с помощью личных местоимений 1 лица мн. ч. «мы», а также притяжательных местоимений 1л. мн. ч. «наш», «наше», «нас»:

«Нам снова нужно мобилизоваться и дисциплинироваться (Г. Никитин)».

«Мы не можем обнулить все, что было сделано в крае за 1,5 месяца (В. Кондратьев)».

«В наших силах противостоять распространению коронавирусной инфекции (А. Алиханов)».

Тактика солидаризации подразумевает использование таких лексических единиц, как «понимаю», «согласен», «я читаю также», «разумеется», «естественно», «конечно».

«Знаю, что вы тоже этим обеспокоены (Г. Никитин)».

«Понимаю, как сложно это сделать при такой теплой погоде и близости Балтийского моря (А. Алиханов)»

Обращение к общим ценностям также играет значимую роль в дискурсе губернаторов. Посредством стратегии формирования эмоционального настроения адресата губернаторы смещают акцент с негативной информации о вводимых ограничениях на общие цели и ценности, во имя которых необходимо терпеть определенные неудобства. Стоит отметить, что чаще всего губернаторы апеллируют к «семье» как ценности, а также к традициям:

«...и защитит себя, близких и окружающих... Берегите себя и близких» (Никитин)

«В этом году для безопасности близких, для преодоления эпидемии нам приходится жертвовать привычным укладом, обычаями и традициями, которые мы свято чтим» (Дрозденко)

«Берегите своих детей и родителей» (Воробьев)

Субстратегии рационализации направлены на разъяснение, снятие возможного недопонимания со стороны населения. Так, губернаторы применяют целевую субстратегию («я поступаю так, чтобы добиться X»):

«Наша задача – не дать медицине захлебнуться...» (А. Воробьев).

Субстратегия определения предлагает развернутое объяснение:

«..вынужденный отказ не только от массовых мероприятий, но от встреч с дорогими нам людьми — не означает отказа от веры...» (А. Дрозденко)

Субстратегия разъяснения представляет собой обоснованную аргументацию («поскольку», «потому что», «из-за того, что...», «поэтому»):

«В этом году для безопасности близких, для преодоления эпидемии нам приходится жертвовать привычным укладом» (А. Дрозденко)

«Для этого карантин» (А. Воробьев)

«Поэтому мне было важно выслушать всех и принять решение...» (В. Кондратьев)

В то же время субстратегия предсказания используется для очерчивания неких положительных перспектив развития событий («если..., то...»):

«Если наберемся терпения, вирус, беда, болезни отступят» (А. Воробьев)

Мифопоэтическая стратегия играет особую роль в дискурсе губернаторов. Как уже было отмечено выше, в ситуации неопределенности манипулирование массовым сознанием основывается на источниках, вызывающих наибольшее доверие среди населения. К ним относятся, в первую очередь, специалисты, к авторитету которых губернаторы апеллируют в своих постах. С другой стороны, положительное влияние также могут оказывать примеры, демонстрирующие накопленный опыт по данной проблеме и благополучное разрешение ситуации. Здесь губернаторы прибегают к историям из собственного опыта или опыта других регионов:

«Мы при госпитализации проводим опросы. Половина пациентов причиной своего заражения с высокой вероятностью называют: был без маски в общественном месте, в транспорте или торговом центре. Маски, может, и раздражают, но они спасают. Это уже факт» (А. Воробьев)

Соответственно, предоставив объяснения и доказательства необходимости соблюдения ограничительных мер, следующая задача – побудить граждан к совершению определенных действий. Здесь задействуется агитационная стратегия через тактику призыва, а также манипулятивная стратегия.

Например, тактика призыва реализуется с помощью глаголов повелительного наклонения, эксплицитно выражающих призыв к действию («соблюдайте», «несите», «ограничьте», «оставьте»):

Берегите своих детей и родителей. Соблюдайте социальную дистанцию, в магазинах и в общественном транспорте носите маски. (А. Алиханов).

Манипулятивная стратегия реализуется через маркеры интеграции и акцентирование положительной информации или посредством предостережения.

«*Наша неусидчивость дома уже дает первые результаты*». (А. Алиханов)

«*Мы не можем обнулить все, что было сделано в крае за 1,5 месяца*». (В. Кондратьев)

Для акцентирования положительной информации и для мотивирования граждан также используется стратегия удержания власти:

«*Практика показывает, что меры работают! Они не бесполезны!*» (Г. Никитин)

Мы преодолеем все невзгоды этого трудного времени! В этом нет никаких сомнений! (А. Дрозденко)

Поэтому мне было важно выслушать всех и принять решение, которое позволит краю дальше жить и развиваться. (В. Кондратьев)

Основная функция стратегии удержания власти в данном контексте – указание на перспективу и конечность вводимых ограничений.

Стоит также отметить, что в некоторых случаях в персуазивном дискурсе руководителей встречаются примеры стратегии самозащиты через тактику оправдания. Губернаторы признают свои недоработки, ошибки, декларируют бессилие и дают обещания исправить ситуацию:

«**К сожалению**, много сложных пациентов». «**Меньше всего я хочу этого**, учитывая, с каким трудом мы все открывали» (Г. Никитин).

«**Прошу меня извинить**, времени не хватает» (А. Алиханов).

Среди стратегий легитимации наименее популярной является стратегия моральной оценки. Основная ее функция заключается в оценке объекта легитимации, в нашем случае – это вводимые коронавирусные ограничения. Здесь используются оценочные прилагательные, призванные подчеркнуть необходимость и неизбежность принимаемых мер. В некоторых случаях вводимые ограничения получают однозначно негативную оценку (что подчеркивает солидарность губернатора с мнением населения), и в этих примерах мы видим также использование стратегии рационализации (разъяснение, определение и т.д.):

«..вчера мы говорили о новых мерах, которые **необходимы**, чтобы более решительно бороться с эпидемией, в том числе об электронных пропусках. Понятно, что это мера **вынужденная, приятного здесь мало**... Необходимо исключить ненужные, лишние контакты людей и, конечно, осуществить контроль за передвижениями. Сегодня это **необходимо и может радикально снизить угрозу**». (А. Воробьев)

Корреляционный анализ выявленных стратегий легитимации власти и поддержания имиджа

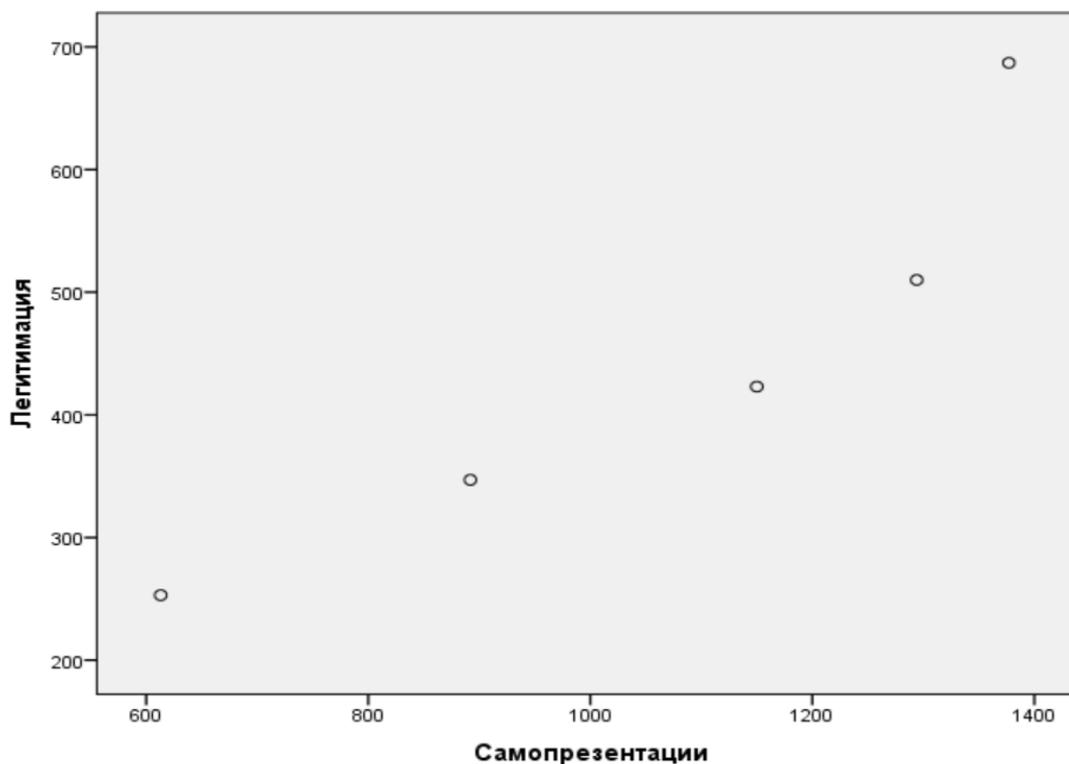
Для ответа на исследовательский вопрос о наличии возможной положительной корреляции между стратегиями поддержания имиджа и легитимации был рассчитан коэффициент корреляции Пирсона. На первом этапе был проведен анализ частотности, результаты которого представлены в табл. 2.

Таблица 2

Частотность использования губернаторами стратегий поддержания имиджа и легитимации

Губернатор	Стратегии легитимация	Стратегии поддержания имиджа
Глеб Никитин	253	653
Антон Алиханов	687	1377
Андрей Воробьев	347	902
Александр Дрозденко	423	1160
Вениамин Кондратьев	510	1304
ВСЕГО	2220	5396

На следующем этапе исследования данные из табл. 2 были обработаны в программе SPSS. На рисунке демонстрируется корреляционная зависимость между стратегиями поддержания имиджа и легитимации, а также представлены результаты корреляционного анализа данных из табл. 3.

Корреляции

		Легитимация	Самопрезентации
Легитимация	Корреляция Пирсона	1	,928*
	Знач. (двухсторонняя)		,023
	N	5	5
Самопрезентации	Корреляция Пирсона	,928*	1
	Знач. (двухсторонняя)	,023	
	N	5	5

*. Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Результаты корреляционного анализа данных: а) график рассеяния; б) коэффициент Пирсона

В целом, можно заключить, что существует высокая степень корреляции между использованием губернаторами в блогах стратегий легитимации власти и поддержания имиджа.

На следующем этапе обработки данных был проведен их корреляционный анализ с целью установить возможную взаимосвязь отдельных стратегий поддержания имиджа и легитимации власти. Результаты представлены в табл. 3.

Результаты корреляционного анализа стратегий поддержания имиджа и легитимации

	Рационализация	Моральная оценка	Апелляция к авторитету	Мифопоэтическая
Формирование эмоционального настроения адресата	0,952 (0,013)	0,968 (0,007)	0,962 (0,009)	0,816 (0,092)
Самопрезентация	0,911 (0,032)	0,916 (0,029)	0,884 (0,047)	0,927 (0,023)
Агитационная	0,751 (0,143)	0,755 (0,140)	0,828 (0,083)	0,618 (0,267)
Манипулятивная	0,690 (0,197)	0,708 (0,181)	0,796 (0,107)	0,704 (0,185)
Удержания власти	0,560 (0,320)	0,472 (0,422)	0,489 (0,403)	0,386 (0,521)
Самозащиты	0,202 (0,744)	0,118 (0,851)	0,173 (0,781)	0,352 (0,561)

На основании представленных в таблице данных можно заключить, что наивысшая сила корреляции (статистически значимая ($p < 0,01$)) существует между субстратегиями моральной оценки и апелляции к авторитету (стратегии легитимации) и тактикой формирования эмоционального настроения адресата (стратегия поддержания имиджа) и – 0,968 и 0,962.

Заключение

В период пандемии COVID-19 в целом – и особенно на начальном этапе жестких ограничений – региональные власти столкнулись с новыми беспрецедентными вызовами. Они были вынуждены принимать непопулярные, но необходимые на тот момент меры по сдерживанию распространения инфекции, что определенным образом повлияло на властный дискурс. Во-первых, взаимодействие политиков с народом перешло полностью в онлайн-режим, преимущественно в социальные сети, а во-вторых, кризисный дискурс был направлен как на информирование и легитимацию действий и решений, так и на поддержание политического имиджа, который оказался под ударом. Соответственно, в настоящем исследовании последовательно доказывается, что стратегии поддержания собственного имиджа являются неотъемлемой частью дискурса легитимации власти.

В результате проведенного исследования были даны ответы на поставленные исследовательские вопросы:

1. Стратегии поддержания имиджа являются неотъемлемой частью дискурса легитимации власти. В целом, было выявлено превалирование стратегий поддержания имиджа над стратегиями легитимации, что позволяет сделать вывод о том, что личные страницы в социальной сети во время пандемии использовались руководителями регионов, в первую очередь, с целью пиара, а не как каналы кризисной коммуникации. Чаще всего губернаторы прибегали к использованию стратегий самопрезентации и агитационной, что также является подтверждением сформулированного выше вывода.
2. Стоит также отметить, что в исследовании не было выявлено статистически значимых отклонений в использовании стратегий руководителями разных регионов. Все губернаторы делают ставку на одни и те же стратегии. Так, например, использование личных местоимений «мы», «нас», «все», «всех», «всем» позволяют губернаторам создать имидж сочувствующего руководителя, информированного о проблемах населения.
3. В условиях распространения пандемии COVID-19 высокая корреляция существует между использованием тактики формирования эмоционального настроения адресата и субстратегий моральной оценки и апелляции к авторитету, что, вероятно, обусловлено необходимостью предупреждения волнений среди населения посредством демонстрации личной заинтересованности в положительном исходе ситуации. Кроме того, указанные приемы призваны подчеркнуть тот факт, что основная цель вводимых вынужденных ограничений и правил – забота о населении и предотвращение распространения инфекции.

Список литературы / References

- Андреева, Е. В., Архипова, М. П. (2021) 'Речевое манипулирование как метод воздействия на общественное мнение в период пандемии COVID-19', *Филология: научные исследования*, 6. URL: https://nbpublish.com/library/read_article.php?id=35922 (дата обращения: 13.12.2021). [Andreeva, E. V., Arkhipova, M. P. (2021) 'Speech manipulation as a method of influencing public opinion during the COVID-19 pandemic' [Rechevoe manipulirovaniye kak metod vozdeistviya na obshchestvennoe mneniye v period pandemii COVID-19], *Philology: Research*, 6 (In Russ.)].
- Зимова, Н. С., Фомин, Е. В., Смагина, А. А. (2020) 'Социальные сети как новый канал взаимодействия общества и власти', *Научный результат. Социология и управление*, 6 (2), сс. 159–171. [Zimova, N. S., Fomin, E. V. & Smagina, A. A. (2020) 'Social networks as a new channel for interaction between society and government' ['Sotsial'nye seti kak novyy kanal vzaimodeistviya obshchestva i vlasti], *Research result. Sociology and management*, 6 (2), pp.159–171 (In Russ.)].
- Иссерс, О. С. (2006) *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Москва: КомКнига. [Issers, O. S. (2006) *Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech* [Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoi rechi] Moscow: KomKniga (In Russ.)].
- Колмогорова, А. В. (2018) 'Легитимация как социополитический феномен и объект дискурс-анализа', *Политическая лингвистика*, 1. URL: <https://www.politlingvistika.ru/jour/article/view/5/5> (дата обращения: 18.02.2021). [Kolmogorova, A. V. (2018) 'Legitimation as a societal phenomenon and an object of discourse analysis' [Legitimatsiya kak sotsiopoliticheskii fenomen i ob"ekt diskurs-analiza], *Political Linguistics*, 1 (In Russ.)].
- Мальшьева, Г. А. (2020) 'Социально-политические аспекты пандемии в обществе цифровой сетевизации: российский опыт', *Вестник Московского государственного областного университета*, 3, сс. 60–74. [Malysheva, G. A. (2020) 'Socio-political aspects of the pandemic in the society of digital networkization: Russian experience' ['Sotsial'no-politicheskie aspekty pandemii v obshchestve tsifrovoy setevizatsii: rossiiskii opyt'], *Bulletin of the Moscow State Regional University*, 3, pp. 60–74 (In Russ.)].
- Михайлова, Е. В. (2006) *Обучение самопрезентации*. Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ. [Mikhailova, E. V. (2006) *Teaching self-presentation* [Obuchenie samoprezentatsii]. Moscow: HSE (In Russ.)].
- Панкратов, С. А., Морозов, С. И. (2021) '«Дистант» коммуникации: трансформация взаимодействия российского общества и власти в эпоху глобальной пандемии', *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*, 26 (3), сс. 172–181. [Pankratov, S. A., Morozov, S. I. (2021) "'Distant" Communication: Transforming the Interaction between Russian Society and Government in the Era of a Global Pandemic' [«Distant» kommunikatsii: transformatsiya vzaimodeistviya rossiiskogo obshchestva i vlasti v epokhu global'noi pandemii], *Science journal of volgograd state university. History. Area studies. International relations*, 26 (3), pp. 172–181 (In Russ.)].
- Паршина, О. Н. (2005) *Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... докт. фил. наук*. Саратов. [Parshina, O. N. (2005) *Strategies and tactics of speech behavior of the modern political elite of Russia* [Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoi politicheskoi elity Rossii]. Dr. Diss. (Fil.). Saratov. (In Russ.)].
- Сизоненко, А. Ю., Гнедаш, А. А., Катермина, В. В. (2021) 'Сетевой дискурс и российский мэр: формирование цифровой социально-политической повестки дня в социальных сетях (опыт сетевого и лингводискурсивного анализа)', *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*, 3 (112), pp. 100–111. [Sizonenko, A. Yu., Gnedash, A. A., Katermina, V. V. (2021) 'Network discourse and the Russian mayor: the formation of a digital socio-political agenda in social networks (the

- experience of network and linguo-discursive analysis) [Setevoi diskurs i rossiiskii mer: formirovanie tsifrovoi sotsial'no-politicheskoi povestki dnya v sotsial'nykh setyakh (opyt setevogo i lingvodiskursivnogo analiza)], *Bulletin CHGPU I. Yakovlev*, 3 (112), pp. 100–111 (In Russ.).
- Скиперских, А. В. (2007) 'Механизм политического текста в легитимации власти', *Власть*, 10, pp. 55–59. [Skiperskikh, A. V. (2007) 'Mechanism of political text in the legitimation of power' [Mekhanizm politicheskogo teksta v legitimatsii vlasti], *Authority*, 10, pp. 55–59 (In Russ.).]
- Страусс, А., Корбин, Дж. (2001) *Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники* / Пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой, Москва: Эдиториал УРСС. [Strauss, A., Corbin, J. (2001) *Fundamentals of Qualitative Research: Grounded Theory, Procedures, and Techniques* [Osnyu kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, protsedury i tekhniki]. Moscow: Editorial URSS (In Russ.).]
- Фалькина, Т. Ю. (2016) 'Легитимация власти как фактор ее стабильности', *Вестник Уральского юридического института МВД России*, 4, сс. 18–21. [Falkina, T. Yu. (2016) 'Legitimation of power as a factor of its stability' [Legitimatsiya vlasti kak faktor ee stabil'nosti], *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 4, pp. 18–21 (In Russ.).]
- Шмелева, О. Ю. (2021) 'Пандемия covid-19 и восприятие современного государства российской молодёжью (на материале нижегородской области)', *Вестник Московского государственного областного университета*, 2, сс. 149–165. [Shmeleva, O. Yu. (2021) 'The covid-19 pandemic and the perception of the modern state by Russian youth (on the example of the Nizhny Novgorod region)' [Pandemiya covid-19 i vospriyatie sovremennogo gosudarstva rossiiskoi molodezh'yu (na materiale nizhegorodskoi oblasti)], *Bulletin of the Moscow State Region University*, 2, pp. 149–165 (In Russ.).]
- Alamsyah, N., Zhu, Y-Q (2022) 'We shall endure: Exploring the impact of government information quality and partisanship on citizens' well-being during the COVID-19 pandemic', *Government Information Quarterly*, 39(1), DOI: 10.1016/j.giq.2021.101646.
- Arkin, R. M., Baumgardner, A. H. (1986) 'Self-Presentation and Self-Evaluation: Processes of Self-Control and Social Control'. In: Baumeister, R. F. (eds) *Public Self and Private Self. Springer Series in Social Psychology*. New York: Springer.
- Beetham, D. (1991) *The Legitimation of Power*. Basingstoke: Macmillan.
- Chen, Q., Min, Ch., Zhang, W., Wang, G., Ma, X., Evans, R. (2020) 'Unpacking the black box: How to promote citizen engagement through government social media during the COVID-19 crisis', *Computers in Human Behavior*, 110, DOI: 10.1016/j.chb.2020.106380.
- Haman, M. (2020) 'The use of Twitter by state leaders and its impact on the public during the COVID-19 pandemic', *Heliyon*, 6 (11), DOI:10.1016/j.heliyon.2020.e05540.
- Lalot, F., Heering, M. S., Rullo, M., Travaglino, G. A., Abrams, D. (2020) 'The dangers of distrustful complacency: Low concern and low political trust combine to undermine compliance with governmental restrictions in the emerging Covid-19 pandemic', *Group Processes & Intergroup Relations*, 25(1), pp. 106–121, DOI: 10.1177/1368430220967986.
- Reyes Bernard, N., Basit, A., Sofija, E., Phung, H., Lee, J., Rutherford, S., Sebar, B., Harris, B., Phung, D., Wiseman, N. (2021) 'Analysis of crisis communication by the Prime Minister of Australia during the COVID-19 pandemic', *International Journal of Disaster Risk Reduction*, 62, DOI: 10.1016/j.ijdrr.2021.102375.
- Scharpf, F. W. (2006) 'Problem solving effectiveness and democratic accountability in the EU', (Reihe Politikwissenschaft / Institut für Höhere Studien, Abt. Politikwissenschaft, 107). Wien: Institut für Höhere Studien (IHS), Wien. <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-245820> (дата обращения: 30.01.2021).
- Screti, F. (2013) 'Defending Joy against the Popular Revolution: legitimation and delegitimation through songs', *Critical Discourse Studies*, 10 (2), pp. 205–222.
- Van Leeuwen, T. (2008) *Discourse and Practice: New tools for critical discourse analysis*. Oxford: Oxford Univ. Pr.
- Zeemering, E. S. (2021) 'Functional fragmentation in city hall and Twitter communica-

tion during the COVID-19 Pandemic: Evidence from Atlanta, San Francisco, and

Washington, DC', *Government Information Quarterly*, 38 (1), pp. 101–539.

Статья поступила в редакцию: 13.04.2022

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 22.07.2022

Статья принята к печати: 30.07.2022

STRATEGIES OF LEGITIMATION AND MAINTAINING THE IMAGE IN THE DISCOURSE OF RUSSIAN GOVERNORS DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Ju. V. Balakina, A. V. Sosnin, M. V. Tumanova

Ju. V. Balakina, PhD, Associate Professor, Fundamental and applied linguistics department, National Research University Higher School of Economics, Russia, Nizhny Novgorod.
E-mail: julianaumova@gmail.com (ORCID: 0000-0002-4942-5953. ResearcherID: O-8009-2014).

A. V. Sosnin, Dr. habil., Associate Professor, Fundamental and applied linguistics department, National Research University Higher School of Economics, Russia, Nizhny Novgorod.
E-mail: asosnin@hse.ru (ORCID: 0000-0003-2823-6309. ResearcherID: K-8455-2015).

M. V. Tumanova, Master of linguistics
LLC “Seldon 2”, Russia, Nizhny Novgorod.
E-mail: pashukovamariya@inbox.ru (ORCID: 0000-0003-4567-4423. ResearcherID: AFV-6032-2022).

Abstract

The timeliness of the present study is explained, first, by the new challenges the authorities face during the COVID-19 pandemic, and by the growing popularity of social networks as a platform for political communication. The purpose of the presented research is to study the legitimation strategies and the strategies for maintaining the image in the blogs of regional leaders during the COVID-19 pandemic. The methodological basis of the study constitutes the classification of strategies and tactics of speech behavior by O.N. Parshina (2005), as well as the classification of legitimation strategies by T. Van Leeuwen (2008). Along with qualitative content analysis, the authors employed correlation analysis of data. The results of the study reveal that image maintenance strategies are an integral part of the discourse of legitimation. The highest correlation was found between the strategy of forming the emotional state of the addressee (the strategy of maintaining the image) and the strategies of moral assessment and appeal to authority (the strategy of legitimation). In addition, there were no statistically significant deviations in the use of strategies and tactics in the discourse of the governors participating in the study, which probably allows us to speak of a certain emerging trend in Russian political discourse amid the pandemic.

Keywords: pandemic; social networks; governor; political discourse; legitimation; image; self-presentation.

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-4-17-28

DESTRUCTIVE PRACTICES OF YOUTH COMMUNITIES IN THE CONTEXT OF YOUTH POLICIES (REGIONAL PERSPECTIVE)

I. V. Miroshnichenko, A. I. Kolba, A. V. Atanesyan

Miroshnichenko Inna Valerievna, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of Public Policy and Public Administration,

Kuban State University, Russian Federation, Krasnodar.

E-mail: mirinna78@mail.ru (ORCID: 0000-0002-2650-6662. ResearcherID: Q-7280-2016).

Kolba Alexey Ivanovich, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Public Policy and Public Administration,

Kuban State University, Russian Federation, Krasnodar.

E-mail: alivka2000@mail.ru (ORCID: 0000-0002-7663-8890. ResearcherID: AAZ-5062-2021).

Atanesyan Artur Vladimirovich, Doctor of Political Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor of the Faculty of Sociology,

Yerevan State University, Armenia, Yerevan.

E-mail: atanesyan@yandex.ru (ORCID: 0000-0001-8458-2447. ResearcherID: AAZ-9173-2021).

Abstract

The authors discuss the emergence of destructive socio-political practices in the youth communities of the Krasnodar Region, Russia, and make recommendations to reduce their negative impact at the regional level in terms of the youth policy. The study lays in conceptual frames of life strategies of youth (developed by Yu. A. Zub and V. I. Chuprov), of the humanistic concept of youth (I. M. Ilinsky), and the ladder of participation of the youth (R. Hart). The paper represents the comprehensive study conducted in two stages resulting in revelation and characterization of youth communities. The groups are characterized according to their life strategies of self-determination typical for different semantic cultures coexisting in the youth environment of Russia. In the communities of young people revealed in the study, the two major types of socio-political behavior and attitudes are emphasized: openly and directly destructive forms of public behavior, and indirectly destructive behavior limiting the potential of development and application of youth policies. Tackling imitating forms of public conduct and increasing the level of actual participation of young people in the implementation of the youth policies together with older generations for the joint solutions will contribute to minimizing risks of destructive practices and the development of the constructive potential of the youth.

Keywords: young people; youth politics; social profiles of youth; destructive practices; conflicts; Krasnodar region.

Introduction

In Russia, as in many other countries, the potential and problems associated with youth participation in the public political agenda constantly increase. The younger generation participating in the political process joining various groups and organizations (including marginal ones), and in different forms (including conflict behavior), might serve as a leading social group with its essential impact on the development of society if being included in the implementation of large projects associated with the state and civil society institutions. Stimulation of social and civil activity of young people through synchronization of their needs with priorities of social and youth policies might help wider involve youth in constructive public activities jointly with other age groups but within their specific needs and potential.

At the same time, there are risks and threats to society associated with conflicting potential and destructive models of youth public activism. The youth environment is traditionally considered to be a space of

in-group and intergroup conflicts determined by the growth and socialization of young people. Traditional opportunities for young people to participate in the public life of the society, combined with narrowing space of their conventional practices, often leads either to expanding protest component of political participation or to a latent passive-conformal style of behavior of the younger generation. The social-political conduct of youth imitates the visual side of public participation without its functional impact and content. The need to involve young people in public policy development and implementation includes policy tools mobilizing their positive conflict potential and minimizing destructive practices of young people.

In the paper, we discuss the role of state and non-state institutions in mobilizing the potential of youth as main actors of policy initiatives through their involvement in publicly tangible projects. The empirical component of the study includes the data of the comprehensive research study conducted in 2021 in the Krasnodar Region of Russia.

Conceptual approaches to the problem and its current state

Conflicts in the youth environment, and public policies toward decreasing the destructive role of conflicts among youth through the integration of young people in constructive social practices, are interconnected but considered to be separate and specific research topics.

Several publications are devoted to conflict studies and conflict management linked to the youth environment. In English language literature, these issues are considered mainly in broader terms of conflict resolution and peacebuilding models and initiatives involving young people (Sommers, 2006; Barber, 2014). The sociological tradition of conflict studies in the youth environment in Russia is widely known as based on the "Risk Society" theory developed by Ulrich Beck (Beck, 2000). In frames of this direction, the forms and representation of conflict behavior among youth, and conflict management are studied (Cherkasova, 2006; Chuprov, Zubok, 2009). The recent study summarizing the international and domestic academic approaches to the issue conducted in Russia is to be mentioned (Ushamirsky, Ushamirskaya, Babintsev, 2021).

In frames of political science and political sociology, the studies on public participation issues are focused on forms and determinants of political participation of youth (Avtsinova, 2015; Franz, 2019), including conflict models of youth activities (O'Brien, Selboe, Hayward, 2018) and radical forms of protesting behavior (Smyslova, 2017; Bečević, Dahlstedt, 2021). Both traditional (offline) and virtual (online) forms of protest activities of youth (Atanesyan, 2019; Bareev, Kachurina, 2019) are in the scope of the prospective studies. Online platforms such as social network sites and virtual communication technologies are viewed as determining factors and instruments used in terms of public (protest) participation of youth (Brodovskaia, Khuang, 2019; Kiriukhina, 2014). Another framework of studies includes looking at political participation of youth through institutional structures and developing policies necessary for the elimination of destructive youth activities (Revisiting youth political..., 2005; Saud, Ida, Mashud, 2020).

In the paper, we consider destructive social practices of youth in terms of structural functionalism and conflict studies (Allan, 2007: 211–241) as actions directly or indirectly damaging the system of social relations. In particular, destructive social practices disrupt social connections, stimulate tension and hostility, directly or indirectly violate social/legal rules, deviate from socially valuable activities, demonstrate escapism, etc. The destructive civil activism of young people might stem from social injustice and inequality. Through instrumentalization of socio-political tension young activists try to oppose the current state of affairs and transform them in a wishful way, using collective and individual discourses, open protests, resistance, extremism, both explicitly indispensable but latently approved in the society (Loginova, Shcheblanova, 2019: 104).

Zubok and Chuprov (Zubok, Chuprov, 2019; Zubok, 2020) identify social profiles and life strategies of Russian youth, defining the constructive and destructive potential of youth activities. According to them, in the active phase of self-determination young people "follow own ideas about a successful and happy life, and validate those ways and methods which would in their opinion lead to achieving their goals" (Zubok, Chuprov, 2019: 6). The profile characteristics of youth communities are defined through semantic cultural types of innovative, hedonistic, and adaptive personalities (Zubok, 2020: 174–176).

The humanistic concept of youth developed by Ilinsky (Ilinskii, 2001) formulates the criteria for determining the subjectivity of young people in the multi-level system of youth policy. According to this concept, the assessment of the status of young people and of the mechanisms used by youth to establish their position in modern society is carried out through the processes of self-identification, self-awareness, and implementation of their interests in everyday life and via appropriate youth policies. Accordingly, youth policies are assessed as effective if considering youth as a valuable resource to be further developed (Roth,

Brooks-Gunn, 2003) and addressing their subjective perceptions and specific needs (Lerner, 2017) through the establishment and application of functional and supportive institutional forms and conditions (Social state..., 2020).

As an analytical framework for studying youth participation in public problem-solving, Roger Hart's Ladder of Young People's Participation concept is applied here (Hart, 2008; Hart, 1997). The model represents eight forms of youth involvement in public initiatives, constructed according to the gradual increase of the inclusion of young people in joint solutions with adults. The model allows comparing and synchronizing the initiatives of public involvement which have been developed by groups of youth themselves, with those produced from the top in frames of youth policies. In turn, this makes it possible to develop instruments and mechanisms for minimizing destructive participation, transforming it into constructive behavior in a conflict. It is also important to provide various formats for youth involvement which the model allows, covering representatives of different age subgroups and their behavioral types in the age cohort of youth.

The empirical component

The Krasnodar region of Russia is complex due to its multicultural characteristics, and interesting as a research case. It is characterized by peculiar geographic location and comparatively high socioeconomic indicators. Young people constitute almost one-third of the total population of the region (27%). The subgroups of the youth in the region vary by their geographic, socioeconomic, sociocultural, and other parameters.

The methodology applied in terms of the empirical component of the study have political-psychological and sociological backgrounds; it combines quantitative, quantitative methods and projective techniques of data collection, analysis, and interpretation. At the first stage of the fieldwork (June-July 2021), we conducted fourteen focus-group interviews with young people. Focus-group interviews carried out in the regional municipalities with typical socio-economic and socio-cultural characteristics¹, included the Northern economic zone (Kanevskaya district), the Central economic zone (Timashevsky district), the Eastern economic zone (Tikhoretsky district), the Black Sea economic zone (Tuapse district), Krasnodar agglomeration (Krasnodar city), the Foothill economic zone (Belorechensky district), and Sochi agglomeration (city of Sochi). The focus-group discussions included binary comparison; the young participants were asked to compare and assess the role of the major institutional actors involved in youth policy-making in the region (as subjects) and of the excluded actors of the regional municipalities (as objects).

We conducted twelve expert interviews with representatives of the regional institutional structures dealing with youth policy-making and implementation, including administrators supervising education, communication, culture, and sports programs for youth.

At the second stage (November 2021), we conducted an online survey with young people (14–35 years old) of the Krasnodar Region; the randomly selected respondents include 1661 young people, representing all significant sociodemographic subgroups of the general aggregate (sex, age, place of residence - rural or urban, level of education) and reflecting the relevant characteristics of the youth of the Krasnodar Region. The online survey made it possible to differentiate the Kuban youth's evaluations regarding institutional practices of youth policy. In sum, the empirical data collected and analyzed enables identifying and characterizing destructive practices of young people. It helps assess the potential of institutional mechanisms of youth policy that could convert the negative representations into functional and constructive youth activities.

Social Profiles of Youth: Regional Projections

As a result of the qualitative component of the study, we characterize social profiles of young people by four key elements compared on the binary scale: a) according to the social orientation of young people toward own personality (concentrating on own development and self-representation, solving own problems), and toward others (being interested in others and helping others), and b) according to the potential of leadership among youth (activists and followers).

Based on these characteristics, we divided the regional youth into four ideal types (consumers and converters, leaders and followers) and into mixed hybrid groups combining those characteristics (activists-

¹ On the strategy of socio-economic development of the Krasnodar Region until 2030. The Law of the Krasnodar Region of December 21, 2018, N 3930-KZ, available at: <https://docs.cntd.ru/document/550301926> (accessed: 09.02.2022). (In Russ.)

converters, activists-consumers, followers-converters, and followers-consumers). The representatives of these hybrid groups have the potential for constructive and destructive social and political practices to be further assessed.

We characterize the **consumers'** profile by the need of young people of this category for a high level of income, high quality of life, and a comfortable lifestyle. These needs are more or less inherent for other types of youth too, but the consumers put them as their priority. As participants of the focus-group discussions explain the way of life of their peers, *"Young people are concentrated only on their benefits and put them above all"*. Or: *"a person should take care not only of himself but be a part of a group sharing others' interests. All my friends and acquaintances used to think only about themselves all the time ..."*. Or: *"all young people want to earn a lot, but nobody is going to help others"*.

The high income allows young people fulfilling other significant priorities such as self-development, comfortable leisure, and diverse communication. On their way to economic sustainability, the young people are ready to get engaged in entrepreneurial activities with support from the state, allowing the institutional structures to involve economically active young people in the state projects.

The young people, belonging to the type of a **converter**, are different from consumers because of being socially orientated and interested in problem-solving of other people, communities, and territories. Both categories of consumers and converters are focused on personal economic growth; while consumers tend to use self-development for their self-representation and own needs, converters invest personal success in social, economic, ecological environments through involvement in public activities and supporting innovations. For the converters, self-development and personal sustainability are not only objectives but ways to improve and innovate the community life. Converters work on increasing their competencies and stimulate similar growth in their surrounding: *"This approach creates a kind of confidence in the future. It looks like life orientation with certainty in where to go and what to do next"* (opinion expressed during focus group discussions).

Activists are characterized by an active life position typical for both converters and consumers, and demonstrated by the high level of inclusion in public communications with various social groups, by gaining popularity among youth and becoming either formal or informal leaders in their groups. However, the converters and consumers perceive the potential of activism differently; as for the participants of the focus-group discussions, the difference is in values and goals. For those young people belonging to the type of consumers, leadership means striving for career goals occupation of formal, administrative positions allowing them to influence others horizontally, from top to bottom. For example, consumers would see themselves in leading positions if getting involved in student councils, youth departments, state and non-state organizations. Consumers accommodate available institutional structures dealing with youth affairs to achieve their own goals. They demonstrate public activity *"to get promoted for an administrative position and to use it for having all necessary resources to do sports, have fun, and live comfortably, as well as earn some money"* (opinion expressed during focus group discussions).

Converters perceive leadership as inspiration for positive, innovative changes and achievements: "Real" youth leaders have superior professional and personal competencies and are always ready to take responsibility for their teams, supporting others toward joint achievements. "The real leader inspires others; whenever you apply to him with an initiative, he is always ready to listen and understand, so that if we can do it, we do it by all means. This is a leader-supervisor"(opinions expressed during focus group discussions).

As young participants of the focus-group discussions mentioned, "Nowadays there is a lack of competent leaders. There are a lot of people officially appointed for administrative positions, but in fact, unable to do anything. Many of them are afraid of taking responsibility".

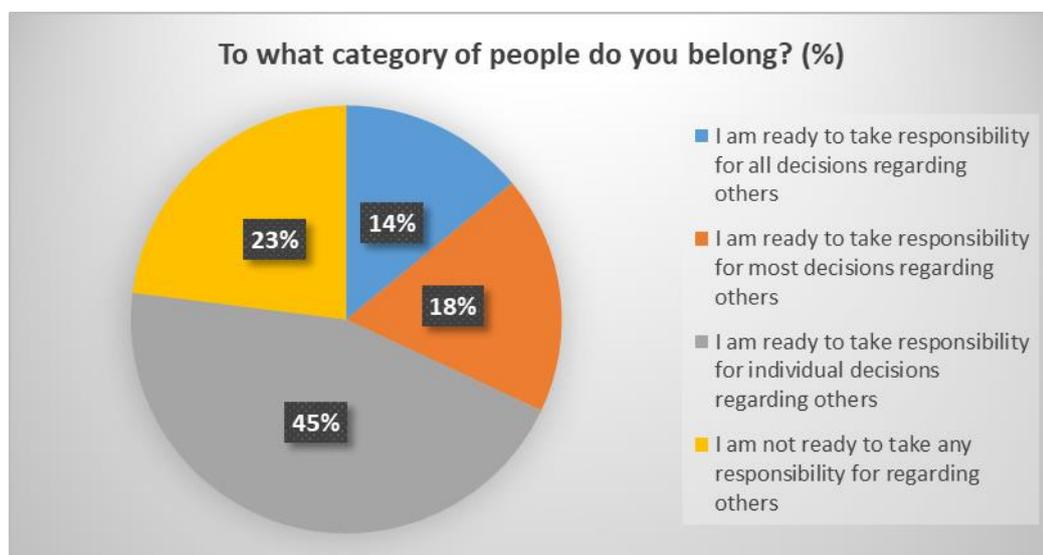
For instance, participants of the focus-group discussions stress the flourishing of "fake leaders" whose main activity is to speak out publicly, make noise using mass communication channels and social media platforms, and play a leadership instead of leading. The modern fake leaders (also "digital leaders") used to gain popularity by drawing public attention to inessential events and objects exaggerating their importance (hying strategy). They promote demonstrative attitudes of consumerism and even deviant behavior to construct personal media image: "Modern opinion leaders are showmen who simply entertain young people. They are neither innovative nor helpful".

We describe the type of **followers** as those young people whose needs and values are still indefinite, and life position is passive. However, if creating certain conditions for their self-development and self-expression, the followers are ready to get involved in the joint projects and group activities: *"This kind of passive guys always need an example to follow"*, *"We need real people with their real activities, resources, and results to follow. It is not enough to hear about them, they must be visible so that we could communicate*

with them and have concrete evidence that they make it work..." (opinions expressed during focus group discussions).

The empirical data of the online survey demonstrates that the pure types of young people with concrete attitudes toward leadership are met among about twenty percent of the young respondents in Krasnodar Region. Other 80% of the respondents represent hybrid profiles.

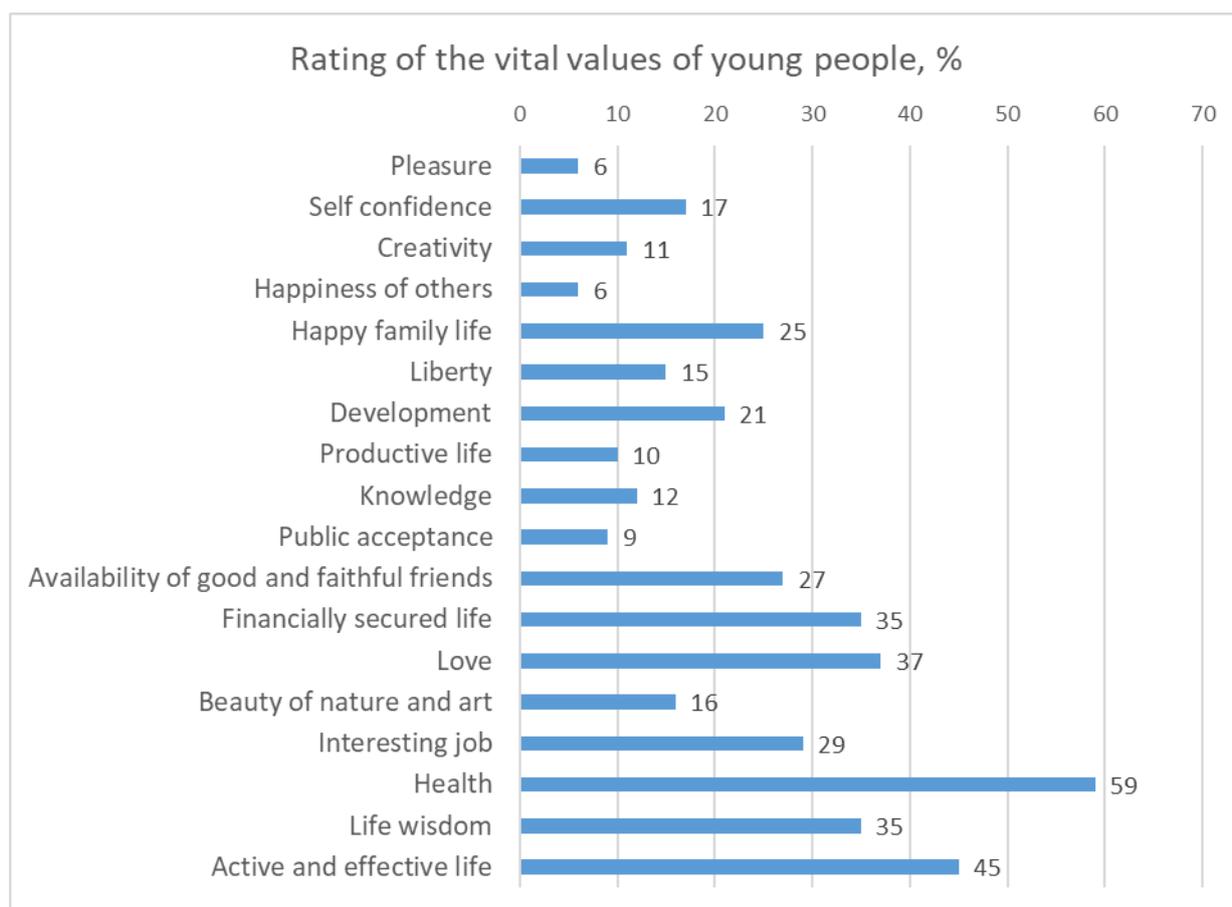
The survey results also show that visible forms of active position are rarely accompanied by functional activity. Among 82% of the respondents who confirmed to be ready to help others in their problem-solving, only 32% are ready to take responsibility for others' decisions and joint solutions (pic. 1).

Picture 1. The degree of responsibility of young people for solving problems of others (on the results of the online survey with young people in Krasnodar Region, November 2021, %)

The majority of the respondents (85%) determine their life position as active and involved in affairs with other people, trying to solve others' problems jointly and demonstrating leadership potential; 52% of the young respondents confirm feeling comfortable to follow the leader.

It is important to mention that the differences in the profile characteristics of "consumers" and "converters" identified by the online survey results through indicators of "focused on solving own problems" and "focused on solving problems of others" are determined by exclusively value preferences of young people. Characteristics of the respondents by age, social status, and place of residence had an inessential impact on their responses. A significant characteristic of the modern Kuban youth is their differentiation and fragmentation by their value preferences at all levels (life values, instrumental and political values), noted by participants of focus-group discussions, expert interviews, and the online survey. Healthy life (59%), love (37%), economic sustainability (35%), and interesting job (29%) are among the most important values for young people (pic. 2).

**Picture 2. Rating of the vital values of young people
(on the results of the online survey with young people in Krasnodar Region, November 2021, %)**

The profiles of young people revealed in the study correspond to the life strategies of various semantic cultural types existing in the Russian youth environment (Zubok, Chuprov, 2019: 174–176). For the converters, the innovative environment is most supportive. Novelty, alternative ways of thinking are among the resources of the converters, who might have both constructive and destructive potential. By representing constructive attitudes, converters might focus their attempts on maintaining and protecting socially significant values through innovative and involving approaches, as well as on their moral self-development (Zubok, Chuprov, 2019: 175). The destructive potential of converters might reflect their conflicting attitudes toward the existing system and their attempts to transform it.

The attitudes of hedonistic culture and enjoying life prevail in the profile of consumers, who seek to have pleasure, consume (living a comfortable life, practicing a healthy and wealthy lifestyle), self-realize through new impressive fillings and emotions.

For the followers, an adaptive manner of behavior characterized by conformist adoption of the existing norms and conventional rules is combined with the culture of moral anomie as a refusal of strict regulations by representatives of young people in favor of "flexible" changing rules appearing as new needs arise.

Destructive practices in the regional youth environment

The destructive practices revealed during the study can be divided into two groups: directly destructive actions having an immediate impact on the social environment and provoking conflicts, and indirectly destructive ones although not causing conflicts, but essentially limiting cooperation and potential for dialogue among youth, as well as between young people and other age groups. Both forms of destructive youth practices challenge youth policy implementation.

Among directly destructive actions practiced by youth, the focus-groups participants mentioned:

1) bullying as most frequently happening aggressive behavior, especially in educational institutions;

- 2) active aggression through participation in radical youth groups practicing physical and verbal violence against immigrants and others;
- 3) disruptive and conflicting communication with older people (generation conflicts) and addiction to virtual communication;
- 4) active and violent virtual communication through hate speech, aggressive and provoking posts on social network platforms;
- 5) marginalization of youth lacking life goals and socially approved life strategies to achieve, deviant behavior in different forms, etc.

These forms of destructive practices create a differential-negative model of behavior in conflicts. They are still localized but tend to spread and get stably reproduced among youth.

Let's consider the most characteristic statements in the focus-group discussions reflecting the direct forms of destructive practices among youth:

- *"It is easy sometimes to join a radical group, so that young people being especially energetic, but having no opportunity for active joint activities in their groups, tend to join marginals".*
- *"Bullying is a serious problem, represented in insult and abuse. Those young people who are closed in themselves and do not participate in group activities are shy or unable to express themselves openly, often become targeted by others' violent actions".*
- *"When there are no visible and accessible centers dealing with public discussion and inclusive problem-solving regarding political, economic, other current issues in the country, young people feel themselves useless and apply to marginal communities".*
- *"Most young people make negative things".*
- *"Unfortunately, our city is almost catching St. Petersburg famous by the spread and use of drugs".*

The second group of indirectly negative practices among youth includes passive aggression (refusal to participate in any actions), escapism (distancing from the actual problems in the society), refusal to participate in political, social, ecological projects due to low motivation and narrow thinking focusing on personal material benefits, unwillingness to volunteer or perform a low-paid work, self-censorship in virtual social networks (fear of sanctions), low level of involvement in education and passive interest in self-education. The passive-negative practices develop an integrative-conformal behavior in social conflicts, preferring to let it go as it goes, which is not very typical for youth. Let's consider some examples of such behavior among youth mentioned in the focus-group discussions:

- *"Most of the young people are not active probably due to mobile phones flooded everything around".*
- *"Regarding volunteering, many children refrain from getting involved, asking a question: "What will I get from this?".*
- *"Young people are not very skilled in self-education".*
- *"There is another bad but popular habit among young people here, which is to kind of disperse, leave the country for travel, but not return. I rarely meet those who say they will travel and see the world, but come back".*
- *"The needs of modern youth are mostly limited by wishing to travel, have fun, and earn some money, nothing more".*
- *"Half of the youth simply does not care".*

The study demonstrates that directly destructive practices are most typical for the youth belonging to social types of followers-consumers and activists-converters. Indirectly destructive practices are wider distributed among the majority of followers-converters and followers-consumers. We revealed several factors determining the spread of destructive practices among the regional youth, including paternalistic expectations (the state is obliged to help and take care), restrictions of public conduct associated with the COVID-19 pandemic, etc. A significant role in affecting destructive practices among youth plays the gap between the existing youth policies and the priorities of the constructive inclusion of youth in the public life of the society. Hart's Ladder allows identifying the gap and overcoming it through necessary reforms.

Analysis of the most common youth practices in the Krasnodar Region shows that the younger age group of youth (schoolchildren, students) behave according to the lower stairs of Hart's Ladder, having almost no involvement in the problem-solving regarding socially significant issues. First of all, youth is often used in various public processes without letting them know about the essence of the process so that they are physically present but have no clue about the real aims and effects of their participation. Another case is

when representatives of youth are used as "decoration" of various events where young people as a social segment are necessary to be present. Young participants of such events are often attracted by free meals, T-shirts with symbols of the event, but not by the event itself. On the third level of imitation of youth involvement, young people participate in the projects led by adults/supervisors playing almost no functional role. In general, youth practices of the first three types (levels) mostly take the free time of young people involving them in public events and projects only symbolically but having almost no effect on the development of any public role of young people as actors.

The upper layers of Hart's Ladder enable developing youth's involvement in publicly significant projects as actors. On the fourth level, young people are already informed about the purposes of the projects to get involved in, and on the fifth level, young participants are not only aware but also able to consult others on publicly significant issues. The next and upper level of public activity reflects opportunities for youth to initiate public projects and essential changes, although still having not many resources for their implementation. On the seventh layer of Hart's Ladder, there are public projects developed as well as implemented by youth. And, on the highest layer of hierarchy, there are public projects and activities initiated and implemented by young people jointly and in an equal partnership with adults, and becoming independent actors of public policy. These practices are rarely met and are most typical for activists-converters.

Conclusion

Youth is a differentiated socio-demographic group consisting of a variety of communities that have differently represented constructive and destructive potential. On the one hand, this potential is determined by the sociocultural environment in which the strategies of self-representation of young people as well as their social profiles are framed. On the other hand, the forms and representations of public activity of young people depend on the level of congruence between their needs and expectations, and the institutional practices of the youth policy implemented. At the same time, the sociocultural type is a kind of social constant, which determines the nature and outcomes of the reproduction of youth communities, so that the institutional practices of youth policies function as triggers that actualize either constructive or destructive potential of the involvement of young people in socio-political, socio-economic, socio-cultural activities in specific contextual conditions.

Despite the priorities of youth policy declared at the state level of the Russian Federation¹, the existing institutional practices of their implementation still predominantly have dual nature and are focused on either gifted and socially active, or deviant representatives of youth. Implementation of youth policies continues having a form of events instead of addressing real needs of youth and developing ways to solve problems with their direct participation.

Designing a new model of youth policy which would contribute to the development of the constructive potential of young people and the reduction of their destructive practices should be based on several key components. First, the state youth policy should create necessary conditions to make young people active, constructive, highly motivated, and responsible actors of socio-economic, socio-political, and socio-cultural activities and decision-making. decisions, for which it is necessary to be responsible. Secondly, while designing youth policies, it is necessary to take into account the dominant needs of Russian youth (the need for personal and professional development, for self-realization and public recognition, for a high level of income, and a comfortable lifestyle/quality of life). The policies must be complex and provide a step-by-step approach leading young people toward a higher level of their inclusion. In this context, not a separate event or some events, but the trajectory of the development of young man or youth communities through participation in the complex projects and processes must be assured. Thirdly, it is important to develop a core idea on which the public discourse on youth policies will be focused, not only unifying events and actors involved and mostly having a formal sense without essential functions and long-term effects but reconstructing the symbolic space of politics. This in turn will allow not only overcoming the fragmentation and inconsistency of life values and political-cultural view of modern youth, but also creating a necessary basis for socio-political stability in the country in the present and future.

¹ The Constitution of the Russian Federation, Article 72 on implementation of youth policies on the levels of the RF and its subjects; the adoption of the Federal Law of December 30, 2020, N 489-FZ "On Youth Policy in the Russian Federation".

Acknowledgements

The study “Youth leadership in regional practices of public management of human capital development: strategies for achieving success, opportunities, results” was carried out as part of the state task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (FZEN-2022-0013).

Список литературы / References

- Авцинова, Г. И. (2015) ‘Протестный потенциал российской молодежи: парадигмы исследования и политическая практика’, *PolitBook*, 1, сс. 111–126. [Avtsinova, G. I. (2015) ‘The Protest Potential of Russian Youth: Research Paradigms and Political Practice [Protestnyj potencial rossijskoj molodyozhi: paradigmy issledovaniya i politicheskaya praktika], *PolitBook*, 1, pp. 111–126. (In Russ.)].
- Атанесян, А. В. (2019) ‘Влияние социальных сетей на протестное поведение (на примере Армении)’, *Социологические исследования*, 3, сс. 73–84. [Atanesyan, A. V. (2019) ‘The Impact of Social Networks on Protest Activities (the Case of Armenia)’ [Vliyanie sotsial'nykh setei na protestnoe povedenie (na primere Armenii)], *Sociological Studies*, 3, pp. 73–84. (In Russ.)]. DOI: 10.31857/S013216250004280-1.
- Бареев, М. Ю., Качурина, И. О. (2019) ‘YouTube как фактор формирования протестного потенциала молодежи’, *Регионоведение*, 27(3(108)), сс. 572–587. [Bareev, M. Yu., Kachurina, I. O. (2019) ‘YouTube as A Factor in The Formation of The Protest Potential of Youth [YouTube kak faktor formirovaniya protestnogo potenciala molodyozhi], *Regionologiya-Regionology Russian Journal of Regional Studies*, 27(3(108)), pp. 572–587. (In Russ.)]. DOI: 10.15507/2413-1407.107.027.201903.572-587.
- Бек, У. (2000) *Общество риска. На пути к другому модерну*. Москва: Прогресс-Традиция. [Beck, U. (2000) *Risk Society: Towards a New Modernity* [Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu]. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.)].
- Бродовская, Е. В. и Хуанг, Т. (2019) ‘Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи’, *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 5, сс. 3–18. [Brodovskaia, E. V., and Khuang, T. (2019) ‘Digital Generation: Civil Mobilization and Political Protest of Russian Youth’ [Cifrovoe pokolenie: grazhdanskaya mobilizaciya i politicheskij protest rossijskoj molodezhi], *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, 5, pp. 3–18. (In Russ.)]. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.01.
- Зубок, Ю. А. и Чупров, В. И. (2019) ‘Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи’, *Вестник Института социологии*, 10(4), сс. 164–186. [Zubok, Yu. A. and Chuprov, V. I. (2019) ‘Self-Regulation of Life-Sensual Values in The Cultural Space of Youth’ [Samoregulaciya smyslozhiznennyh cennostej v kul'turnom prostranstve molodezhi], *Bulletin of The Institute of Sociology*, 10(4), pp. 164–186. (In Russ.)]. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.614.
- Зубок, Ю. А. (2020) ‘Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности’, *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3, сс. 4–12. [Zubok, Yu. A. (2020) ‘Youth: Life Strategies in The New Reality’ [Molodezh': zhiznennye strategii v novej real'nosti], *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, 3, pp. 4–12. (In Russ.)]. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1688.
- Ильинский, И. М. (2001) *Молодежь и молодежная политика: Философия. История. Теория*. Москва: Голос. [Ilnskii, I. M. (2001) *Youth and Youth Policy: Philosophy, History, Theory* [Molodezh' i molodezhnaya politika: Filosofiya. Istoriya. Teoriya]. Moscow: Golos. (In Russ.)].
- Кирюхина, Е. Ю. (2014) ‘Эволюция молодежного политического протеста в современной России: от уличных акций к социальным сетям’, *Вопросы политологии*, 2(14), сс. 38–45. [Kiryukhina, E. Yu. (2014) ‘The Evolution of The Youth Political Protest in Modern Russia: From Street Shares to Social Networks’ [Evolyuciya molodyozhnogo politicheskogo protesta v sovremennoj Rossii: ot ulichnyh akcij k social'nyim

- setyam], *Political Science Issues*, 2(14), pp. 38–45. (In Russ.).
- Логинава, Л. В. и Щебланова, В. В. (2019) 'Деструктивная гражданская активность молодежи: теоретико-методологическая концептуализация', *Logos et Praxis*, 18(2), сс. 98–108. [Loginova, L. V., Shcheblanova, V. V. (2019) Destructive Civil Activity of Youth: Theoretical-Methodological Conceptualization [Destrktivnaya grazhdanskaya aktivnost' molodezhi: teoretiko-metodologicheskaya konceptualizaciya], *Logos et Praxis*, 18(2), pp. 98–108. (In Russ.)]. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.2.9.
- Смыслова, В. Н. (2017) 'К вопросу о детерминантах современного молодёжного экстремизма', *Теории и проблемы политических исследований*, 6(3А), сс. 153–170. [Smyslova, V. N. (2017) 'To the Question of Determinants of Modern Youth Extremism' [K voprosu o determinantah sovremennogo molodyozhnogo ekstremizma], *Teorii i probleme politicheskikh issledovaniy*, 6 (3A), pp. 153–170. (In Russ.)].
- Садовая, Е. С., Цапенко, И. П. и Гришин, И. В. (ред.) (2020) *Социальное государство в зеркале общественных трансформаций*. Москва: ИМЭМО РАН. [Sadovaya, E. S., Tsapenko, I. P. and Grishin, I. V. (eds.) (2020) *Social State in the Mirror of Social Transformations* [Social'noe gosudarstvo v zerkale obshchestvennykh transformacij]. Moscow: IMEMO RAS. (In Russ.)]. DOI: 10.20542/978-5-9535-0584-0.
- Ушамирский, А. Э., Ушамирская, Г. Ф. и Бабинцев, В. П. (2021) *Социальный механизм регулирования процесса реализации интересов молодежи в ситуациях конфликта*. Волгоград: Сфера. [Ushamirsky, A. E., Ushamirskaya, G. F. and Babintsev, V. P. (2021) *Social Mechanism for Regulation of the Process of Implementation of the Interests of Young People in Conflict Situations* [Social'nyj mekhanizm regulirovaniya processa realizacii interesov molodezhi v situaciyah konflikta]. Volgograd: Sphera. (In Russ.)].
- Франц, В. А. (2019) «Мягкие» технологии формирования протестных настроений в контексте идентичности российской молодежи» в: Герасимов, В. И. (ред.) *Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Материалы XVIII Международной научной конференции в рамках Общественно-научного форума «Россия: ключевые проблемы и решения»*, Москва: ИНИОН РАН. [Franz, V. A. (2019) "Soft" Technologies of The Formation of Protest Attitudes in The Context of The Identity of Russian Youth' ["Myagkie" tekhnologii formirovaniya protestnyh nastroyenij v kontekste identichnosti rossijskoj molodyozhi] in: Gerasimov, V. I. (eds.) *Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. Yearbook. Materials of the XVIII International Scientific Conference Within the Framework of the Socio-Scientific Forum "Russia: Key Problems and Solutions"* [Bolshaia Evraziia: Razvitie, bezopasnost, sotrudnichestvo. Ezhegodnik. Materialy XVIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii v ramkakh Obshchestvenno-nauchnogo foruma "Rossiia: kluchevye problemy i resheniia"]. Moscow: INION RAS. (In Russ.)].
- Черкасова, Т. В. (2003) 'Управление социальными конфликтами молодежи: комплексный подход и новое направление в рефлексивной молодежной среде', *Экономика и управление*, 5(55), сс. 86–93. [Cherkasova, T. V. (2003) 'Management of Social Conflicts of Youth: An Integrated Approach and A New Direction in A Reflexive Youth Environment' [Upravlenie social'nymi konfliktami molodezhi: kompleksnyj podhod i novoe napravlenie v refleksivnoj molodezhnoj srede], *Economics and Management*, 5(55), pp. 86–93. (In Russ.)].
- Чупров, В. И. и Зубок, Ю. А. (2009) *Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции*. Москва: Academia. [Chuprov, V. I. and Zubok Yu. A. (2009) *Youth Extremism: The Essence, Form of Manifestation, Trends* [Molodezhnyj ekstremizm: sushchnost', formy proyavleniya, tendencii]. Moscow: Academia. (In Russ.)].
- Allan, K. D. (2007) *The Social Lens: An Invitation to Social and Sociological Theory*. Thousand Oaks, USA: SAGE Publications Inc.
- Barber, B. (2014) 'Research on Youth and Political Conflict: Where Is the Politics? Where Are the Youth?', *Child Development*, 8(3), pp. 3–5.

- Bečević, Z. and Dahlstedt, M. (2021) 'On the Margins of Citizenship: Youth Participation and Youth Exclusion in Times of Neoliberal Urbanism', *Journal of Youth Studies*, 24(8), pp. 1–18.
- Hart, R. (1997) *Children's Participation: The Theory and Practice of Involving Young Citizens in Community Development and Environmental Care*. London: Earthscan/UNICEF.
- Hart, R. (2008) 'Stepping Back from "The Ladder": Reflections on A Model of Participatory Work with Children' in: Reid A., Jensen B. B., Nikel J. and Simovska V. (eds.) *Participation and Learning*. Dordrecht: Springer, pp. 19–31.
- Lerner, R. M. (2017) *Liberty: Thriving and Civic Engagement Among America's Youth*. New York: SAGE Publications.
- O'Brien, K., Selboe, E. and Hayward, B. M. (2018) 'Exploring Youth Activism on Climate Change: Dutiful, Disruptive, And Dangerous Dissent', *Ecology and Society*, 23(3), pp. 42–55.
- Revisiting youth political participation: challenges for research and democratic practice in Europe* (2005). Strasbourg: Council of Europe Publ.
- Roth, J. L. and Brooks-Gunn, J. (2003) 'What Exactly Is a Youth Development Program? Answers From Research and Practice', *Applied Developmental Science*, 7(2), pp. 94–111.
- Saud, M., Ida, R., and Mashud, M. (2020) 'Democratic Practices and Youth in Political Participation: A Doctoral Study', *International Journal of Adolescence and Youth*, 25(1), pp. 800–808.
- Sommers, M. (2006) *Youth and Conflict: A Brief Review of Available Literature*. USAID & Equip3/Education Development Center [online]. Available at: URL: https://www.academia.edu/5689547/Youth_and_Conflict_A_Brief_Review_of_Available_Literature (Accessed: 21 January 2022).

Статья поступила в редакцию: 23.06.2022

Статья принята к печати: 06.11.2022

ДЕСТРУКТИВНЫЕ ПРАКТИКИ СООБЩЕСТВ МОЛОДЁЖИ В СИСТЕМЕ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ РАКУРС)

И. В. Мирошниченко, А. И. Кольба, А. В. Атанесян

Мирошниченко Инна Валерьевна, доктор политических наук, заведующий кафедрой государственной политики и государственного управления,
Кубанский государственный университет, Российская Федерация, Краснодар.
E-mail: mirinna78@mail.ru (ORCID: 0000-0002-2650-6662. ResearcherID: Q-7280-2016).

Кольба Алексей Иванович, доктор политических наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления,
Кубанский государственный университет, Российская Федерация, Краснодар.
E-mail: alivka2000@mail.ru (ORCID: 0000-0002-7663-8890. ResearcherID: AAZ-5062-2021).

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор факультета социологии,
Ереванский государственный университет, Армения, Ереван.
E-mail: atanesyanyandex.ru (ORCID: 0000-0001-8458-2447. ResearcherID: AAZ-9173-2021).

Аннотация

Рассматриваются основания возникновения деструктивных социально-политических практик в сообществах молодёжи и возможности минимизации их проявления на региональном уровне с помощью инструментария молодёжной политики. Концептуальными основаниями исследования стали теория жизненных стратегий молодёжи (Ю. А. Зубок, В. И. Чупров), гуманистическая концепция молодёжи (И. М. Ильинский), концепция молодёжного участия (Р. Харт). Эмпирическая составляющая статьи основана на данных, полученных в ходе комплексного исследования поведения молодёжи Краснодарского края, проведённого в 2021 г. На первом этапе исследования (июнь-июль 2021 г.) были проведены 14 фокус-групповых интервью с представителями молодёжи, а также 9 экспертных

сессий с представителями институциональных структур, участвующих в выработке и реализации молодежной политики в регионе. На втором этапе исследования (ноябрь 2021 г.) было проведено онлайн-анкетирование молодежи Краснодарского края с объемом выборки 1 661 человек. В результате исследования выявлено наличие профильных сообществ молодежи (активисты-преобразователи, активисты-потребители, ведомые-преобразователи, ведомые-потребители). Выделенные авторами профили молодежи соответствуют жизненным стратегиям самоопределения, которые характерны для различных смысловых культурных типов, существующих в российской молодежной среде. В указанных сообществах возможны различные варианты проявления деструктивных социально-политических практик в публичной сфере. Можно выделить два типа подобных практик: непосредственно деструктивные (оказывающие прямое влияние на поведение молодежи в потенциально конфликтных ситуациях) и косвенно деструктивные (ограничивающие развитие конструктивного потенциала молодежи и молодежной политики). Повышение уровня реального участия молодых людей в практиках молодежной политики (от имитации – к совместному решению проблем в партнерстве с представителями старших поколений) будет способствовать минимизации проявлений деструктивных практик и развитию конструктивного потенциала молодежи.

Ключевые слова: молодежь; молодежная политика; социальные профили молодежи; деструктивные практики; конфликты; регион; Краснодарский край.

Финансовая поддержка

Исследование «Молодежное лидерство в региональных практиках публичного управления развитием человеческого капитала: стратегии достижения успеха, возможности, результаты» выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (FZEN-2022-0013).

УДК-323:352(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-4-29-39

НЕДИСЦИПЛИНИРОВАННЫЕ МУНИЦИПАЛИТЕТЫ: СБОИ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ И ЛОКАЛЬНАЯ АВТОНОМИЯ В РОССИИ В 2010-е ГГ.

И. К. Шевцова, А. В. Гилев

Шевцова Ирина Константиновна, к.полит.н., доцент кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет.
E-mail: irinashevtsova777@google.com (ORCID: 0000-0003-2605-2928. ResearchID: S-8816-2018).

Гилев Алексей Владимирович, к.полит.н., доцент департамента политологии и международных отношений, НИУ ВШЭ, Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: agilev@hse.ru (ORCID: 0000-0002-7607-3914).

Аннотация

Уровень политической автономии муниципалитетов в России справедливо оценивается как крайне низкий. Кроме того, что муниципалитеты имеют небольшой объем полномочий и финансовых возможностей, вышестоящие власти обладают многочисленными рычагами контроля за местными главами. Возможности региональных властей назначать и увольнять глав муниципалитетов и укрепление позиций партии власти были нацелены на контроль за необходимыми результатами выборов и проведение особо значимых политических курсов. Однако существующие инструменты централизации на местном уровне нередко дают сбои.

Исследуются два различных сценария автономности локальных элит. Первый сценарий типичен для назначенных мэров, чьи стимулы инвестировать усилия в политику вышестоящих властей нивелируются ограниченными возможностями региона по их увольнению и незначительным масштабом вознаграждений муниципалитетов по итогам выборов. Второй сценарий касается выборных мэров, которые более респонсивны к запросам избирателей, имеют политическую машину для обеспечения нужных итогов голосования и стремятся обменять электоральную лояльность на предпочтения для муниципалитета. Другой вывод состоит в том, что даже будучи слабыми на муниципальном уровне, формальные институты (процедуры назначения мэров, ассамблеи, партии) не только помогают региональной власти консолидировать местные элиты, но и предоставляют местным элитам возможности для более эффективной борьбы за свои интересы. Исследование базируется на материалах интервью с местными депутатами, чиновниками и экспертами, проведенными в Свердловской и Иркутской областях летом 2022 г., а также на материалах СМИ.

Ключевые слова: муниципальная политика; главы местного самоуправления; местная автономия; региональная политика; политические машины; власть и бизнес в России.

Введение

“У нас много было таких историй, когда на планерках у губернатора мэры вставали и говорили: «Слушай, ну ты какой уже? Пятый? Хочешь результат? Давай деньги. Нету денег – нету пищи, как говорится. И это даже единокороссы говорили”. Это цитата из интервью одного бывшего регионального политика о взаимоотношениях региональной и муниципальной власти в его регионе в 2010-е гг. (респондент 5, местный политик). В этом регионе мэрам, вопреки всем федеральным тенденциям, удалось сохранить политический вес, что позволяло выдвигать собственные условия во время предвыборных кампаний, сопротивляться политике укрупнения муниципалитетов и даже сохранять процедуру всенародных мэрских выборов. Настоящая статья посвящена подобным исключительным случаям. На основе полевой работы в двух политически активных регионах мы обнаруживаем несколько механизмов, способствовавших более автономному поведению местных элит вопреки воз-

действию инструментов централизации, взятых на вооружение региональными и федеральными властями.

Современный уровень местной политической автономии в России традиционно оценивается как крайне низкий. Это во многом справедливо, поскольку вышестоящие власти обладают многочисленными рычагами контроля за местными главами: от контроля за процессом назначения через конкурсную процедуру до возможности отправления в отставку. Главы несут ответственность за реализацию политических курсов вышестоящих властей, как было в случае с т.н. майскими указами В. В. Путина, и обеспечение необходимых электоральных результатов (Reuter et al., 2016; Shkel, 2021). Параллельно с политической самостоятельностью муниципалитеты потеряли и финансовую, став зависимыми от региональных и федеральных программ (Туровский, 2015; Гилев, Шевцова, 2019; Gilev, Dimke, 2021). Кроме того, как показывают исследования, руководители муниципалитетов, прежде всего оппозиционные, подвергаются большому риску уголовных преследований, что также лишает их самостоятельности при реализации политик (Buckley et al., 2022). Другим важным механизмом “вертикализации” управления было постепенное усиление влияния партии власти сначала в регионах, а затем и на местном уровне, которая также выступила в роли рычага контроля за нижестоящими элитами и инструмента предотвращения элитных расколов (Reuter, Remington, 2009; Gel'man, Ryzhenkov, 2011).

Вместе с тем работа существующих инструментов централизации зачастую дает сбои. Встраивание мэров в политические машины регионов часто не обеспечивает нужных электоральных результатов, а конкурсная процедура утверждения глав муниципалитетов иногда сталкивается с сопротивлением местных советов, даже при доминировании в них представителей партии власти. Консолидирующим же возможностям последней нередко препятствуют очень разрозненные корпоративные интересы локального бизнеса. В этой статье мы попытаемся объяснить, как на местном уровне возникают сбои существующих инструментов централизации, иными словами, мы покажем те ограничения, с которыми сталкивается встраивание местного самоуправления во властную вертикаль.

Исследование базируется на материалах 10 интервью с местными депутатами, муниципальными чиновниками и экспертами по местной политике, проведенными в Свердловской и Иркутской областях летом 2022 г., а также на материалах СМИ. Свердловская область является регионом, где отсутствуют прямые выборы глав муниципальных образований и главы назначаются с помощью конкурсной процедуры под контролем региональных властей. Однако, в отличие от большинства других подобных российских регионов, в Свердловской области есть немало примеров муниципалитетов, где региональные власти не смогли утвердить необходимых кандидатов в качестве глав муниципалитетов, а в некоторых случаях главы требовали возврата прямых выборов. Иркутская же область – один из немногих российских регионов, где до сих пор (за исключением региональной столицы) сохранились прямые выборы глав муниципальных образований, и местные главы регулярно демонстрируют самостоятельность в реализации политических курсов.

Основные аргументы нашей статьи таковы. Мы показываем, что система стимулов для контроля за мэрами допускает сбои и обнаруживаем два различных сценария автономности локальных элит. Первый сценарий типичен для назначенных мэров, которые менее мотивированы, меньше держатся за свою не столь привлекательную должность и поэтому менее чувствительны к стимулам со стороны региональных властей. Второй сценарий типичен для выборных мэров, которые более респонсивны к запросам избирателей, имеют политическую машину для обеспечения нужных итогов голосования и стремятся обменять электоральную лояльность на преференции для муниципалитета. Еще один вывод состоит в том, что, даже будучи слабыми на муниципальном уровне, формальные институты (процедуры назначения мэров, ассамблеи, партии) не только помогают региональной власти консолидировать местные элиты, но и предоставляют местным элитам возможности для более эффективной борьбы за свои интересы.

Статья построена следующим образом. В первой части мы рассмотрим механизмы сбоев в политике выстраивания политической машины, то есть дисциплинирования муниципальных элит с целью предоставления теми необходимых итогов голосования. Во второй – проанализируем, как возникают сбои при консолидации муниципальных элит, инкорпорируемых центральными властями в систему формальных институтов. В заключении – соотнесем наши находки с результатами прежних исследований.

Почему муниципалитеты не дают электоральный результат?

“Когда человек пять лет мэр, у него отстроенная структура, всякие общественные советы, ветераны, инвалиды, женсоветы. Вот эта вся [разнообразная сеть], которая на выборы по команде раз-два-три ходит.” (респондент 1, эксперт)

В приведенной цитате эксперт фактически дает определение того, что в электоральных исследованиях принято называть политическими машинами. Подобные структуры стали важнейшим ресурсом для российских мэров в их взаимоотношениях с региональной властью, нуждающейся в убедительных электоральных результатах (Reuter et al., 2016).

Достижение поставленных электоральных показателей на местах стало фундаментальным императивом федеральной политики России в 2000-е гг. и определяло задачи в ходе менеджмента региональных и муниципальных элит (Reuter, Remington, 2009; Gel'man, Ryzhenkov, 2011; Golosov, 2011; Reuter, Robertson, 2012). Говоря в целом, следует признать, что федеральный центр достиг стратегического результата. Однако выстраивание федерально интегрированной политической машины в разных муниципалитетах состоялось с разной степенью успешности.

Различия в результатах можно объяснить структурными факторами, облегчающими электоральную мобилизацию граждан, такими как наличие плотных сетей этнических групп (Minaeva, Rapov, 2021) и крупного промышленного предприятия (Frye, Reuter, Szakonyi, 2014). Однако эксперты отмечают, что на уровне конкретного мэра имеет значение также мотивация и опыт. Мэры недорабатывают, даже несмотря на то, что региональные власти выстраивают систему формальных и неформальных стимулов, как позитивного, так и негативного характера. Почему же стимулы не работают?

Мэры не опасаются отставки. Наиболее очевидным и доступным стимулом может служить риск отставки. Постепенная отмена прямых выборов глав российских муниципалитетов и дальнейшее распространение конкурсной процедуры назначений предполагали расширение роли региональных властей в политическом контроле за местными руководителями. Предполагалось, что назначенные под контролем региона главы окажутся более лояльными проводниками политик вышестоящих властей, в том числе будут ответственными за обеспечение необходимых электоральных результатов. Но отмена прямых выборов мэров, по свидетельствам наших респондентов, привела к значительному сокращению «скамейки запасных» для кандидатов на должность главы муниципалитета. Невозможность увольнения мэров за неисполнение поставленных перед ними политических задач в значительной мере нивелирует идею ответственности муниципальных глав за электоральные итоги, поскольку в случае недостижения цели главу просто некем будет заменить. Хотя перед выборами от муниципалитетов в этих регионах требуют стандартных высоких результатов и большинства для “Единой России”, санкции за весьма далекий от этого результат все равно оказываются символическими: фактически основным наказанием за плохие результаты становится личное эмоциональное порицание губернатора.

С одной стороны, это не означает, что главы не будут совсем исполнять поставленных задач, понимая, что серьезного наказания не последует. Но, с другой стороны, менее серьезное наказание означает меньшие усилия. Как отметил один из респондентов, со стороны глав работа ведется не за что-либо, а просто за спокойствие:

Ну надо, сделаем. К тому же, это не так трудно сделать. Ну Красноуфимск, ну не так это трудно сделать в Красноуфимске. И Пинаев (мэр Нижнего Тагила – прим.) поэтому тоже особо не потеет. Он понимает, что ничего ему за это не будет. На уровне области будет красивая картинка? Будет. И все – если на уровне области красивая картинка будет, то на уровне отдельных муниципалитетов уж простят (респондент 7, эксперт).

Другой респондент поддерживает эту позицию, уточняя, что возможности применения наказания в адрес мэра все же зависят от региона:

Это от субъекта зависит. У нас ничего не происходит. Мэра поругают, он ходит неделю с опущенной головой, и все забывают. А есть субъекты, где, конечно, наказание [...]. Убрать ведь мэра (в Свердловской области – прим. авторов), который провалил кампанию, тоже не так просто (респондент 7, эксперт).

Ну накажешь ты его, он что-то старался, сделал. Что с ним сделаешь? Уволишь его? Ну снимешь, а кого ты вместо него поставишь? Это же надо человека найти. Проблема отсутствия выборов состоит даже не в управляемости, а в том, что кадров-то нету. Скамейка, она, реддеет. (респондент 8, советник при органах власти).

Респондент из Иркутской области тоже отмечает, что за провал электоральных результатов «*далее Иркутска не сошлют*», имея в виду, что серьезного наказания не последует (респондент 2, депутат сельсовета). Вероятной причиной подобной толерантности является нежелание губернаторов преумножать число недовольных выходцев из элит, которые могли бы перейти в оппозицию региональной власти.

Когда ты увольняешь человека в никуда, он обижен и начинает строить козни. А если таких оказывается достаточное количество, образуются уже элиты, которые могут на губернатора как-то повлиять. (респондент 8, советник при органах власти)

Респонденты не раз отмечали, что к потенциально протестным регионам, таким как Иркутская и Свердловская области, со стороны федерального центра обычно не применяются наказания за недостижение электоральных результатов. Гораздо больше внимания, по мнению экспертов, уделяется контролю за отсутствием «*социальной напряженности*», которая бы проявляла себя в публичном поле. Таким образом, мэры могут позволить себе быть не особенно изобретательными:

Мэры не умеют это делать, отрабатывать мобилизационные технологии. Они все усложняют. И в 2018 г. мэрия Екатеринбурга проиграла, в первую очередь, понадеявшись на свою систему мобилизации, которая была сформирована еще в 2000-х гг. [...] Они умеют только списки составлять и ставить галочки (респондент 7, эксперт).

Недостаточная изобретательность может быть связана и с нехваткой соответствующих навыков и специфического опыта у муниципальных руководителей. Ведь ограниченная «*скамейка запасных*» – это еще и результат малой привлекательности самой должности мэра. Нахождение на позиции главы муниципалитета несет в себе большие риски преследования: *все потихоньку поняли, что должность главы — это «расстрельная» должность, тебя мечтают съесть силовики, тебя сверху постоянно дрессируют. Люди тебя не любят, денег у тебя нет* (Респондент 8, советник при органах власти); *умные люди на мэра не пойдут, они в бизнес пойдут* (Респондент 10, чиновник муниципальной администрации). Другой эксперт формулирует еще резче: *у нас проходят эти бесконечные школы мэров, муниципальные университеты. Но качество самого мэрского материала настолько низкое, что их учить зачастую бесполезно.* (респондент 7, эксперт)

Мэры не рассчитывают на награждение. Налоговая политика 2000-2010-х гг. привела к тому, что финансово автономные муниципалитеты стали в России исчезающей редкостью (Туровский, 2015). Один из таких редких муниципалитетов – Бодайбинский район, богатая золотоносная территория, хорошо иллюстрирует возможности, которые дает бюджетная автономия. Так, многократно избранный мэр района Евгений Юмашев в 2020 г. раскритиковал “Единую Россию” и пошел на губернаторские выборы как самовыдвиженец, а после отказа в регистрации поддержал кандидата от КПРФ¹ (Клуб регионов 2020). Более известный случай мэра Екатеринбурга Евгения Ройзмана², выдвинувшегося на губернаторские выборы в 2017 г., в целом также подтверждает эту тенденцию.

Так или иначе, подавляющее число муниципальных глав вынуждены зависеть от перераспределений сверху и не могут позволить себе настолько открытую фронду. Однако вознаграждение муниципалитетов хотя и рассматривается исследователями субнациональной российской политики как стимул обеспечить необходимые электоральные результаты партии власти, внутри отдельных регионов встречается крайне редко («*ну может дорогу подарят, мост какой-нибудь. Ну на уровне области будет таких 1–2 муниципалитета*», респондент 7, эксперт). Так что вряд ли такой стимул можно охарактеризовать как значимый. Как отметил другой респондент, политические результаты не конвертируются напрямую в экономические бонусы:

Напрямую (достигнутые электоральные результаты – прим. авторов) не конвертируются. Если вы выполняете нашу просьбу, мы будем с вами разговаривать более доверительно. А если вы игнорируете нас, ничего там у себя на территории не контролируете, то, о чем с вами разговаривать (респондент 9, бывший заместитель главы муниципалитета).

Другой респондент делает акцент на том, что распределение средств региональных программ между муниципалитетами скорее происходит согласно технократической логике, чем имеет под собой политические основания:

Вся экономика (распределение средств между муниципалитетами – прим. авторов) — это проектный метод. Сегодня вот пошла программа благоустройства общественных мест, все благоустраивают общественные пространства. Завтра пойдут программы по больницам.

¹ Эксперты: поддержка снятого с выборов мэра Бодайбо – хорошее подспорье КПРФ на выборах губернатора Иркутской области. URL: <http://club-rf.ru/38/detail/4399>.

² Ройзман Евгений Вадимович внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов 25.11.2022 г.

Единственное, муниципалитеты пытаются «запихнуть» в федеральные программы. Поэтому заставляют, вы пишете, пишете (заявки – прим.). Ты попал в программу, ты молодец, тебя отметили. А когда попал, можешь сказать, что же вот не только на ваши живу, я же и федеральные деньги привлекаю (респондент 8, советник при органах власти)

Выборные мэры умеют убедительно выигрывать выборы и торговаться с регионом. Стоит прояснить, что раскрытые выше закономерности типичны для муниципалитетов без прямых выборов мэров, где мэров назначают конкурсные комиссии (Ковин¹, Петрова, 2017; Панов, Петрова, 2017; Гилев, Шевцова, 2021). Однако система с избранием мэров задает иные стимулы для муниципальных руководителей (Zavadskaya, Shilov, 2021; Минаева, 2022). Выборная траектория позволяет мэрам получить и в дальнейшем наращивать символическую народную популярность, которая придает им вес в переговорах с регионом. Эксперт так описывает группу избранных мэров-тяжеловесов:

Они живут отстраненно своей жизнью и им начхать на региональную власть. Это такие три туркменбаши. Они набирают на выборах 80-90 %, и им доверяют люди, потому что они что-то реально делают. (респондент 1, эксперт)

Безусловно, наличие прямых выборов главы муниципалитета во многих случаях создает стимулы для большей респонсивности со стороны местных руководителей и увеличивает их самостоятельность в отношениях с главами регионов. Так, пример Иркутской области, где во всех муниципалитетах (кроме Иркутска) до сих пор существуют прямые выборы глав, показывает, что прямое избрание позволяет вести торг с регионом за, например, расширение финансовой автономии, как это происходит в случае с Ангарским районом и рядом других муниципалитетов: *мы бьемся с областью, чтобы поменять нормативы отчислений [...] Мы хотим поменять доли налогов не только для Ангарска, для тех же дотационных территорий. Они, когда услышали, сколько денег недополучают. Сначала: не, не, что там Ангарск опять вытендривается. А когда они увидели, сколько они получат денег, они таких денег не видели (респондент 3, депутат городского совета).*

В результате в Иркутской области слово мэра претендует на суверенный вес: мэр Черемхово Вадим Семенов в интервью называет город своим “удельным княжеством”, а мэр Саянска Олег Боровский выходит на парад в честь дня города в облачении царя². Мэрам в Иркутской области, по сообщениям респондентов, удалось успешно сохранять низкие тарифы на электроэнергию, сопротивляться политике укрупнения муниципалитетов и утвердить представление о ценности выборов муниципальных глав. А в период губернаторства коммуниста Сергея Левченко муниципальные главы использовали предоставившиеся обстоятельства, сформировав в противовес главе региона Ассоциацию муниципальных образований под руководством черемховского мэра Семенова.

Мэры, избранные напрямую, могут демонстрировать губернаторские амбиции, что повышает шансы успешного торга с регионом. Так, например, в том, что Нижний Тагил сумел сохранить прямые выборы тогда, когда в других муниципалитетах Свердловской области выборы были отменены, сыграли роль претензии избранного мэра Сергея Носова на губернаторский пост³. Регион не трогал авторитетного мэра, который имел мощную политическую машину и демонстрировал сверхрезультаты на выборах. Носову было позволено придерживаться достаточно рискованного политического стиля: вкладываться в развитие территории за счет значительных коммерческих займов и вести яркую персоналистскую политику ценой эмоциональных конфликтов с местными чиновниками.

Почему элиты не консолидируются?

“Я всегда говорил, что стараюсь даже не то что не обсуждать, даже не обдумывать решения, которые принимает президент страны. Как человек, воспитанный советской системой, считаю, что если у нас будет больше уважения ко всем видам власти, у нас будет больше порядка, и мы будем лучше жить” - так выражает свое кредо мэр Черемхова Семенов⁴, многолетний лидер региональной

¹ Ковин Виталий Сергеевич внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов 25.11.2022 г.

² Ковин, Д. Вадим Семенов: постоянно переживаю, вдруг я хреновый мэр? URL: <https://ircity.ru/text/politics/2020/02/20/70668356/> (дата обращения: 30.09.2021); Мэр Саянска пришел на День города в костюме царя. URL: <https://baikal24.ru/text/23-08-2022/030/> (дата обращения: 30.08.2022)

³ В Нижнем Тагиле в 2018 г. прямые выборы главы города также были отменены. Однако Нижний Тагил и Екатеринбург были городами, где прямые выборы главы просуществовали дольше всего в Свердловской области. В остальных муниципалитетах отмена прямых выборов произошла раньше. Носов в итоге стал губернатором, правда не Свердловской, а Магаданской области.

⁴ Ковин, Д. Вадим Семенов: постоянно переживаю, вдруг я хреновый мэр? URL: <https://ircity.ru/text/politics/2020/02/20/70668356/> (дата обращения: 30.09.2021).

оппозиции против экс-губернатора Левченко. Как же вышло, что политик с такими лоялистскими декларациями оказался в оппозиции власти? В действительности случай мэра Семенова иллюстрирует практику, когда местные элиты используют в своей борьбе апелляцию к границам формальных демократических институтов – в данном случае партий. В других муниципалитетах мы также можем встретить ситуацию, когда местные элиты прибегают к институту местной думы, чтобы бороться за свой интерес в публичном поле.

Как на местном уровне возникает партийный конфликт? Следует начать с того, что российские политические партии на местном уровне слабы. Представительства партий на местном уровне более «рыхлые», чем на уровне региона (о регионализации партии власти см., например, Rapov and Ross, 2016). Степень фрагментации местных элит, в первую очередь, зависит от конфигурации бизнеса на местах, от того, есть ли доминирование одного крупного предприятия или бизнес-среда состоит из многочисленных мелких и средних фирм (Чирикова, Ледяев, 2015; Витковская, 2021). В небольших муниципалитетах разнообразие малого и среднего бизнеса, имеющего местную прописку, ведет к политической конкуренции. Это связано с тем, что местный бизнес зачастую является исполнителем муниципальных заказов, и если создается угроза интересам бизнеса, то появляется почва для политического конфликта. В небольших муниципалитетах «сила удара» такого конфликта может усиливаться за счет небольшого количества экономических акторов, способных выполнить муниципальные заказы и крайней ограниченностью местных экономических ресурсов для извлечения ренты:

Администрация не может быть удалена от всех субъектов малого бизнеса. К кому-то она ближе, от кого-то подальше. Этим, безусловно, пользуются в конкурентной борьбе. Соответственно, у кого-то отношения с администрацией, у кого-то отношения с силовиками. Это неизбежные конфликты – бизнеса с администрацией, силовиками, бизнеса между собой. И этот клубок раскручивается. Плюс, в маленьких городах сильны личные истории (респондент 7, эксперт).

Малое значение партийности для депутатов, в том числе и депутатов от партии власти, в небольших муниципалитетах и преобладание корпоративных интересов отмечают и респонденты Иркутской области: *в муниципалитетах, в городках, где 30–50 тыс., районах, там партийность не играет вообще никакой роли. Даже если они единороссы, если они захотят кого-то сместить... (сделают это – прим.). Чаще всего всю бучу в муниципальных советах устраивают единороссы. Потому что там корпоративные интересы намного выше, чем интересы партии. Потому, что партия — это далеко и абстрактно, а вот вопросы конфликтов двух предприятий, или градообразующего предприятия и муниципалитета (как было в Саянске – прим.), или личные обиды. Это выше любых партийных интересов (респондент 1, эксперт).*

Таким образом, партийная фрагментация на муниципальном уровне, измеряемая через соответствующие переменные (Гилев, Шевцова, 2021), может в большей степени отражать фрагментацию бизнеса, нежели баланс партий с их программами. При этом использование партийных лейблов делает представительство в конфликте более легитимным в оптике федерального центра. Так, декларирующий лояльность Кремлю мэр Черемхово Семенов, ведя борьбу с губернатором-коммунистом, мог рассчитывать на симпатии федеральных акторов.

В результате в отношениях между представителями разных партий на местном уровне может присутствовать двусмысленность. *То, что они от других партий, не мешает нам взаимодействовать. Если мужик нормальный, то с ним и дела можно делать.*, – рассказывает депутат от «Единой России» (респондент 3, местный депутат). Нередко «Единая Россия» кооптирует бывших оппонентов: *потому что ЕР поняла, что у них нет кандидата. Поэтому сели за стол, [...] договорились: “[...], идите в мэры, мы вас протащим через праймериз. И он сейчас идет от ЕР, хотя в душе он никакой не единорос (респондент 1, эксперт).* В свою очередь, и выходцы из «Единой России» могут выдвигаться от других партий, проиграв праймериз:

В итоге [мэр] выдвинулся от “Справедливой России”. Хотя сам он был членом ЕР. Он приостановил членство в ЕР. Чтобы избежать риска быть снятым по подписям. И выиграл эти выборы, набрав больше 60%. Ну вот эта несистемность, она на этапе избирательной кампании очень мешала - власть давила как могла. В первое время пребывания на посту к нему очень настороженно относились. Но затем он сумел выстроить отношения с правительством области, с ключевыми лицами, они его опознали как своего. И начали выделять [городу] деньги на проектное финансирование на разные цели (респондент 7, эксперт)

Примечательно, однако, что в последнем случае даже относительная “несистемность” помешала мэру сформировать команду и провести в думу лояльных депутатов, что в итоге привело к отмене конкурса на должность мэра. Еще в одном случае срыва конкурса депутаты из “Единой России” вменяли в вину мэру поддержку кандидатки, шедшей от “Справедливой России”. Таким образом, несмотря на то, что партийная аффилиация для местных элит может быть тактическим решением, представители партии власти могут в ходе конфликта реинтерпретировать ее как стигму.

Стоит оговориться, что оппозиционные партии на местах не только служат «запасным аэродромом» для представителей местных элит, но и успешно канализируют протестное голосование в регионах с традициями конкурентной политики, что приоткрывает дорогу во власть аутсайдерам, включая ярких оппозиционных активистов и случайных технических кандидатов. Все это может изменить расклад сил в местном совете.

Как местные советы приобретают значение? Как правило, у исполнительной власти на местах есть ресурсы для установления доминирования, но в ситуации конфликта элит совет становится ключевой площадкой (Чирикова, Ледяев, 2015; Гилев, Шевцова, 2021; Минаева, 2022). Автономное поведение партий, рассмотренное нами в предыдущем параграфе, реализуется именно в советах.

Как отмечают респонденты, партии, в том числе партия власти, на местном уровне рекрутируют самых заметных людей, которые имеют высокие шансы на победу. Но, в отличие от уровня региона, административные возможности контроля за многочисленными местными депутатами весьма ограничены и это расширяет возможности местных депутатов действовать автономно: *они смотрят на это все с точки зрения того, получают по шапке или не получают. Ну они депутаты, понимаете. С депутата какой спрос?! Уголовных дел не будет, бизнес у тебя мелкий или может вообще никакого, мандата тебя лишит нельзя, только не выбрать в следующий раз. Через пять лет про тебя уже там все забудут. Никто тобой заниматься так же плотно, как главой, не будет* (респондент 8, советник при органах власти).

Независимость местных депутатов наиболее значимо проявляет себя при голосованиях в советах по поводу утверждаемых в рамках конкурсной процедуры новых глав муниципалитета. Минимальные возможности административного контроля за местными депутатами сочетаются с более или менее разрозненными корпоративными интересами местного бизнеса. Так, например, провал конкурса по утверждению главы в одном из муниципалитетов Свердловской области был связан с тем, что против утверждения мэра проголосовали депутаты местного совета, когда их экономические интересы вошли в противоречие с действиями мэра: *он никак не мог с ними выстроить отношения, они были очень завязаны на предыдущего мэра. Они там какой-то бизнес около администрации делали, нынешний мэр все это прекратил. Подвинул их и в итоге получил себе оппозиционную думу. Ну что такое партии, там вообще люди слабо себе представляют. А экономические интересы – да. Противоречили тому, что делал мэр* (респондент 9, бывший заместитель главы муниципалитета).

Другой респондент объясняет политические устремления разнообразного местного бизнеса в небольшом, но политически конкурентном муниципалитете, где не состоялся конкурс по назначению главы: *там есть огнеупорный завод, там есть сельскохозяйственная промышленность, молочная. Там есть свиноферма какая-то. Там есть комбикормовый завод. Все равно всегда есть вывоз мусора (местный бизнес, который это делает – прим.), подряды на строительство школ. Дорожные подряды. Кто-то же строит это все, это все местные. Их не привозят из региональной столицы. У них должны быть какие-то отношения, какие-то представительства* (респондент 8, советник при органах власти).

Необходимость договариваться и учитывать интересы местного бизнеса политически предостроительно на этапе назначения новых глав муниципальных образований, особенно в случае, если речь идет о назначении «варяга»: *мне сказали, что надо (прежде чем стать главой - прим. авторов) поехать договориться с депутатами. А там братки. И я поехал не встречу с братками. Это местные депутаты от ЖКХ, [...], владельцы киоска, пилорамы [...]. В срыве конкурсов есть роль предыдущих глав, они так торгуются, чтобы им что-то дали взамен. А кто-то из глав не сходится с местным бизнесом, который в думе сидит* (респондент 10, чиновник муниципальной администрации). Примечательно, что в Иркутске – единственном муниципалитете области, где нет прямых выборов главы, – бывший мэр Игорь Бердников ушел с поста именно в результате публичного конфлик-

та с частью городской думы, представителями от “Единой России”¹. Вместе с тем можно заметить, что в муниципалитетах, где глава избирается напрямую, конфликты мэра с местными думами не имеют таких последствий для отношений муниципалитета с регионом. Это прежде всего касается тех муниципалитетов, где есть опытные главы с высокой электоральной поддержкой.

Наличие доминирующего предприятия, особенно принадлежащего большим федеральным добывающим холдингам, как указывали исследователи российской политики (Frye, Reuter, Szakonyi, 2014), имеет большое значение с точки зрения обеспечения необходимых электоральных результатов:

Там в Братске примерно под 60 % “Единой России”. [...] Но, конечно, там мобилизация есть, потому что, когда люди работают на предприятиях [СУАЛа], их могут мотивировать (респондент 1, эксперт).

Есть территории, где вопрос решается не через администрации, а через градообразующие предприятия. Есть город Первоуральск, там администрация вообще не была вовлечена в этот процесс взаимодействия с администрацией губернатора. Все решало градообразующее предприятие. [...] Я считаю, это абсолютно повсеместная практика [...]. Если есть предприятие, которое способно контролировать процесс выборов, оно и деньги тратит, и обеспечивает организационно этот процесс. Если предприятия нет, тогда местная администрация. У которой нет денег на выборы (респондент 9, бывший заместитель главы муниципалитета).

Другой политик иронично отзывается об одном мэре: “Так плохо правил, что в городе, где алюминиевый завод, умудрился проиграть” (респондент 5). Но, безусловно, для рассмотренных нами регионов результаты выборов в моногородах необязательно предрешены, например, упоминавшийся выше яркий мэр Саянска Боровский избрался в противостоянии с местным градообразующим предприятием.

Подводя итог, мы можем заключить, что хотя региональные администрации имеют значительные ресурсы для подавления политической оппозиции на муниципальном уровне (Turchenko, 2017), открытые расколы местных элит все же возникают, и в таком случае бизнес-элиты используют формальные институты конкуренции (партии, местные советы, конкурсы мэров) для защиты своих интересов.

Заключение

Настоящая статья вносит вклад в наше понимание того, как механизмы политической централизации в современной России дают сбои на муниципальном уровне. Качественный анализ с опорой на интервью в двух регионах позволил проследить влияние факторов, способствующих местной автономии (Шевцова, Гилев, Завадская, 2022). Мы не можем судить о степени распространенности нарушенных механизмов среди российских муниципалитетов. Зато внимательный анализ случаев позволил обнаружить, как именно факторы автономии мешали успеху политики централизации в конкретных муниципалитетах, в тех, где главы назначены, и в тех, где главы избираются на прямых выборах.

Мы обнаружили, что финансовая автономия и наличие сверхуспешной политической машины действительно могут придать муниципальным главам дополнительный вес и даже подкрепить претензии на лидерство в регионе и губернаторский пост. Правда подобные сценарии случаются редко. Рассмотренные нами случаи подтверждают, что выборность способствует респонсивности глав (Zavadskaya, Shilov, 2021; Malesky et al., 2022). Именно большая респонсивность выборных мэров способствует тому, что те более старательны в предоставлении востребованных населением благ и пытаются выторговать их у региона, укрепляя тем самым свою популярность.

В то время, как у региональной власти есть возможности подавить чисто политических оппонентов (Turchenko, 2017), фрагментация бизнеса на местном уровне становится основой для политической фрагментации (Витковская, 2021), которая необязательно совпадает с партийными размежеваниями. Бизнес-группы бывают заинтересованы в переводе конфликта в политический, партийный фрейм, чтобы с помощью партии власти стигматизировать оппонентов как политическую оппозицию. Наряду с этим бизнес-группы для защиты своих интересов успешно задействуют формальные соревновательные институты, такие как муниципальные советы и конкурсы мэров.

¹ Азизов Д. Конфликт мэра Иркутска с бизнес-элитами отзовется на итоговом раскладе в гордуме'. URL <https://fedpress.ru/news/38/policy/2296090> (дата обращения: 30.09.2021).

Моногорода имеют больше возможностей для консолидации политического поля (Frye, Reuter, Szakonyi, 2014) в первую очередь, за счет более уверенного контроля над голосованием, но даже в этих обстоятельствах группы, выступающие против градообразующего предприятия, имеют шансы на электоральный успех, что в итоге способствует более фрагментированному политическому полю. Наконец, варяги могут достичь успеха в централизаторской миссии благодаря равной дистанции от местных бизнес-групп.

Кроме того, наш качественный анализ позволил зафиксировать сбои в работе системы стимулов, призванных добиться от мэров обеспечения на местах нужных итогов голосования. Из-за того, что пост назначенного мэра не привлекает политиков, а резерв возможных кандидатов мал, региональная власть не может злоупотреблять “кнутом”, отправляя в отставку мэров, не выполняющих неформальные нормативы. Кроме того, губернаторы могут опасаться усилить ряды контрэлит отставными мэрами. В свою очередь, “пряники” за успехи в предоставлении нужных результатов выборов не используются последовательно (Гилев, Шевцова, 2019), а утверждение технократического управления в духе нового государственного менеджмента предполагает уже совсем другие принципы распределения (Gilev, Dimke, 2021). Также мы находим новое подтверждение закономерности, по которой назначенные руководители менее компетентны в выстраивании политических машин (Reuter, Robertson, 2012). Данные наблюдения подтверждают вывод, что в 2010-е гг. предоставление голосов на выборах перестало быть центральным критерием при менеджменте элит (Golosov, Tkacheva, 2018).

Финансовая поддержка

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00600 “Слуги двух господ”: факторы политико-управленческой автономии российских муниципалитетов в 2012-2019-е гг.

Авторы благодарят Э. Минаеву за помощь в сборе интервью.

Список литературы / References

- Витковская, Т. Б. (2021) ‘От лоббистов до статистов: основные группы муниципальных депутатов в российских муниципалитетах’, *Ars Administrandi*, 13(3), сс. 406–422. [Vitkovskaya, T. B. (2021) ‘From lobbyist to extras: Main groups of municipal deputies in Russian municipalities’ [Ot lobbistov do statistov: osnovnyye gruppy municipal'nyh deputatov v rossijskih municipalitetah], *Ars Administrandi*, 13(3), pp. 406–422 (In Russ.)].
- Гилев, А. В., Шевцова, И. К. (2019) ‘Фундамент” вертикали”: выборы и распределение межбюджетных трансфертов на местном уровне (Случаи Новгородской области и Пермского края)’, *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*, 2 (93), сс. 151–167. [Gilev, A., Shevtsova, I. (2019) ‘Foundation of “vertical”: election and distribution of intergovernmental transfers at local level. Cases of Novgorod oblast and Perm krai [Fundament” vertikali”: vybory i raspredelenie mezhbyudzhethnyh transfertov na mestnom urovne (Sluchai Novgorodskoj oblasti i Permskogo kraja)], *Zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki «Politiya. Analiz. Hronika. Prognoz»*, 2 (93), pp. 151–167 (In Russ.)].
- Гилев, А. В., Шевцова, И. К. (2021) ‘Бесконфликтная арена? Эффекты введения процедуры конкурсного отбора глав местной власти в крупных городах России’, *Политическая наука*, 2, сс. 260–281. [Gilev, A., Shevtsova, I. (2021) ‘The conflict free arena? Effects of procedure of selecting local heads in large Russian cities’ [Beskonfliktnaya arena? Effekty vvedeniya procedury konkursnogo otbora glav mestnoj vlasti v krupnyh gorodah Rossii], *Politicheskaya nauka*, 2, pp. 260–281 (In Russ.)].
- Ковин, В. С., Петрова, Р. И. (2017) ‘Конкурентность в локальном политическом пространстве: конкурсы по избранию глав МСУ и выборы депутатов представительных органов власти в муниципальных районах и городских округах Пермского края в 2012–2017 гг.’, *Вестник Пермского федерального исследовательского центра*, 4, сс. 112–120. [Kovin, V., Petrova, R. (2017) ‘Competitiveness in the local political space: electoral competitions for the heads of LSGS and the elec-

- tions of deputies of representative authorities in municipal districts and urban districts of Perm region in 2012–2017' [Konkurentnost' v lokal'nom politicheskom prostranstve: konkursy po izbraniyu glav MSU i vybory deputatov predstavitel'nykh organov vlasti v munitsipal'nykh rayonakh i gorodskikh okrugakh Permskogo kraia v 2012–2017 gg.], *Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo centra*, 4, pp. 112–120 (In Russ.).
- Минаева, Э. Ю. (2022) 'Стратегии сохранения и отмены прямых выборов глав муниципальных образований в России', *Мир России. Социология. Этнология*, 31(2), сс. 97–117. [Minaeva, E. (2022) 'Strategies for the Preservation and Cancellation of the Direct Election of Municipal Heads in Russia' [Strategii sohraneniya i otmeny pryamykh vyborov glav municipal'nykh obrazovaniy v Rossii], *Mir Rossii*, 31, pp. 97–117 (In Russ.).]
- Панов, П. В., Петрова, Р. И. (2017) 'Представительные органы МСУ как канал лоббирования интересов региона: новая система рекрутирования глав МСУ', *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 2, сс.111–122. [Panov, P., Petrova, R. (2017) 'Local legislatures as a channel of lobbying interests of the region: a new system of mayors' recruitment' [Predstavitel'nye organy MSU kak kanal lobbirovaniya interesov regiona: novaya sistema rekrutirovaniya glav MSU], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*, 2, pp. 111–122 (In Russ.).]
- Туровский, Р. Ф. (2015). 'Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности', *Полис*, 2, сс. 35–51. [Turovsky, R. (2015) 'Russia's local self-government: the agent of the government in the trap of insufficient funding and civil passivity' [Rossijskoe mestnoe samoupravlenie: agent gosudarstvennoj vlasti v lovushke nedofinansirovaniya i grazhdanskoj passivnosti], *Polis*, 2, pp. 35–51 (In Russ.).]
- Чирикова, А. Е., Ледяев, В. Г. (2015) 'Власть в малых российских городах: модели взаимодействия исполнительной и представительной власти'. *Мир России. Социология. Этнология*, 24(3), сс. 6–32. [Chirikova, A., Ledyayev, V. (2015) 'Power in Small Russian Towns: Models of Interactions Between the Legislative and Executive Branches of Local Government' [Vlast' v malyh rossijskikh gorodah: modeli vzaimodejstviya ispolnitel'noj i predstavitel'noj vlasti], *Mir Rossii*, 24 (3), pp. 6–32 (In Russ.).]
- Шевцова, И. К., Гилев, А. В., Завадская, М. А. (2022) 'Когда мэры против: факторы муниципальной автономии в условиях централизации', *Мир России. Социология. Этнология*, 31(2), сс. 75–96. [Shevtsova, I., Gilev, A., Zavadskaya, M. (2022) 'When Mayors Object: Factors of Municipal Autonomy in a Centralized State' [Kogda mery protiv: faktory municipal'noj avtonomii v usloviyah centralizacii], *Mir Rossii*, 31, pp. 75–96 (In Russ.).]
- Buckley, N., Reuter, O. J., Rochlitz, M., Aisin, A. (2022) 'Staying out of trouble: Criminal cases against Russian mayors', *Comparative Political Studies*, 55, pp. 1539–1568.
- Gel'man, V., Ryzhenkov, S. (2011) 'Local regimes, sub-national governance and the 'power vertical' in contemporary Russia', *Europe-Asia Studies*, 63(3), pp. 449–465.
- Gilev, A., Dimke, D. (2021) 'No Time for Quality': Mechanisms of Local Governance in Russia', *Europe-Asia Studies*, 73(6), pp 1060–1079.
- Golosov, G. V. (2011) 'The regional roots of electoral authoritarianism in Russia', *Europe-Asia Studies*, 63(4), pp. 623–639.
- Golosov, G. V., Tkacheva, T. (2018) 'Let my people run: Pre-election resignations of Russia's governors, 2013–2015', *Problems of Post-Communism*, 65(4), pp. 243–252.
- Frye, T., Reuter, O. J., Szakonyi, D. (2014) 'Political machines at work voter mobilization and electoral subversion in the workplace', *World Politics*, 66(2), pp. 195–228.
- Malesky, E. J., Todd, J. D., Tran, A. (2022) 'Can Elections Motivate Responsiveness in a Single-Party Regime? Experimental Evidence from Vietnam', *American Political Science Review*, pp. 1–21.
- Minaeva, E., Panov, P. (2021) 'Dense networks, ethnic minorities, and electoral mobilization in contemporary Russia', *Problems of Post-Communism*, pp. 1–12.
- Panov, P., Ross, C. (2016) 'Levels of centralisation and autonomy in Russia's 'Party of Power': Cross-Regional variations', *Europe-Asia Studies*, 68(2), pp. 232–252.

- Reuter, O. J., Buckley, N., Shubenkova, A., Garifullina, G. (2016) 'Local elections in authoritarian regimes: An elite-based theory with evidence from Russian mayoral elections', *Comparative Political Studies*, 49(5), pp. 662–697.
- Reuter, O. J., Remington, T. F. (2009) 'Dominant party regimes and the commitment problem: The case of United Russia', *Comparative Political Studies*, 42(4), pp. 501–526.
- Reuter, O. J., Robertson, G. B. (2012) Subnational appointments in authoritarian regimes: Evidence from Russian gubernatorial appointments, *The Journal of Politics*, 74(4), pp. 1023–1037.
- Shkel, S. (2021) 'Why Political Machines Fail: Evidence from Bashkortostan', *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 29(1), pp. 31–62.
- Turchenko, M. (2017) 'The rise and fall of local self-government in Petrozavodsk', *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 25(2), pp. 155–173.

Статья поступила в редакцию: 25.09.2022

Статья принята к печати: 19.10.2022

UNDISCIPLINED MUNICIPALITIES: MALFUNCTION OF CENTRALIZATION AND LOCAL AUTONOMY IN RUSSIA IN 2010S

I. K. Shevtsova, A. V. Gilev

I. K. Shevtsova, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Sciences, Perm State University.

E-mail: irinashevtsova777@google.com (ORCID: 0000-0003-2605-2928. ResearchID: S-8816-2018).

A. V. Gilev, Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department of Political Science and International Relations,

National Research University Higher School of Economics, Russia, St. Petersburg.

E-mail: agilev@hse.ru (ORCID: 0000-0002-7607-3914).

Abstract

The local political autonomy in Russia is extremely low. Along with the municipalities having a narrow range of powers and financial capabilities higher-level authorities control local heads. The opportunities of regional authorities to appoint and dismiss heads of municipalities, as well as strengthening of the party of power on the local level, aim at control over electoral results and policy implementation. However, existing tools of political centralization at the local level often fail.

In the article, we show two scenarios of regaining autonomy by the local elites. The first one is typical for the appointed mayors, who shirk regional policies because regions cannot effectively control them by positive or negative incentives. The second scenario is typical for elected mayors, who have a political power to provide necessary electoral outcomes and bargain electoral loyalty for the benefits of their municipalities being more responsive to voters' demands.

Moreover, even weak local institutions do not only help regional authorities to consolidate local elites but also provide opportunities for local elites to struggle more effectively for their aims. The research is based on interviews with local officials, deputies and experts conducted in Sverdlovsk and Irkutsk regions in summer of 2022 as well as on media materials.

Keywords: municipal politics; local executives; local autonomy; regional politics; machine politics; state-business relations in Russia.

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00600 'Serving the two masters': Factors of political autonomy in Russian municipalities in 2012-2019.

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-4-40-52

ТЕЛЕОБРАЗ УКРАИНЫ КАК ЗЕРКАЛО РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ САМОСТИ НА ЭТАПЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ю. В. Сурсанова

Сурсанова Юлия Валерьевна, магистр политических наук, преподаватель и соискатель кафедры политических наук,

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

E-mail: giornata004@gmail.com (ORCID: 0000-0001-8481-8018. ResearcherID: AAJ-6816-2021).

Аннотация

Массовые протесты в России 2011–2012 гг. подтолкнули власть к поиску того, что позднее получило название «духовные скрепы». Одна из «духовных скреп» – представление о братстве с постсоветскими народами. Среди них Украина и Беларусь, – ближайший выбор. И если Беларусь в отношении России относительно стабильна, то Украина подвижна, что заставляет власть искать и переопределять, что и кто объединяет и разъединяет Россию с Украиной. Сейчас украинская тематика доминирует в телевизионном дискурсе, ту же роль, которую сыграл образ Украины на этапе становления современной стратегии коммуникации и отработки технологий, медийных образов и форматов телерепрезентаций, которые используются в телекоммуникации и по сей день, мы имеем возможность проследить благодаря контент-анализу новостных материалов одного из основных проводников государственной политики идентичности – телеканала «Россия 1» на изломе так называемого «протестного года» в декабре 2011 и декабре 2012 гг. Канун третьего президентского срока Владимира Путина был отмечен ростом политических сообщений в новостных сюжетах, особенно жанра «soft news», предполагающего эмоциональное вовлечение зрителя. Антагонистический дискурс Евромайдана создал дискурсивную неразрывность вопроса европейской интеграции Украины с вопросами взаимоотношений с Россией и оценкой советского прошлого. Через государственные телеканалы выстраивается телевизионный образ Украины на основании того, что считается принципиально важным для России и соотносится с ее политикой идентичности. В статье при помощи контент-анализа новостных материалов программы «Вести недели» анализируются те смыслы российской политической идентичности, которые проявляются в зеркале украинских событий на телеканале «Россия 1». Сюжеты об Украине раскрывают интересные идентитарные стратегии и показывают тонкости государственной политики идентичности, поднимая такие темы российской политической идентичности, как влияние Запада, дискурс утерянной державы и европейский выбор.

Ключевые слова: Украина; российская политическая идентичность; политика идентичности; телеканал «Россия 1»; антагонистический дискурс; значимый другой.

Актуальность украинского вопроса сейчас не вызывает сомнений. Украина как значимый другой всегда присутствовала в символическом пространстве Российской Федерации с момента распада Советского союза. В какой момент из периферийной, фоновой темы Украина стала чуть ли не ключевой в политическом самоопределении россиян – интересный вопрос. Массовые протесты в России 2011–2012 гг. подтолкнули власть к поиску к того, что позднее получило название «духовные скрепы». Одна из «духовных скреп» – представление о братстве с постсоветскими народами. Среди них Украина и Беларусь, – ближайший выбор. И если Беларусь в отношении России относительно стабильна, то Украина подвижна, что заставляет власть искать и переопределять, что и кто объединяет и разъединяет Россию с Украиной. По словам А. Г. Арбатова, нынешний украинский кризис привел к тому, что отношения СССР/России и Запада завершили полный круг и вернулись к холодной войне, вновь приблизив державы к роковой черте, едва не перейденной в дни Карибского кризиса октября 1962 г. (Арбатов, 2022). Все это говорит о том, что вопросы государственной идентичности России перешли в разряд ключевых, определяющих насущную внешнюю и внутреннюю политику.

Растущий запрос на практико-ориентированные решения отражается и в самих исследованиях идентичности; так, например, как в обзоре О. В. Поповой проведенного летом – осенью 2019 г. экспертного опроса (Попова, 2019). Телевидение как один из ключевых инструментов государственной политики идентичности также отражает эту эволюцию, что особенно ярко проявилось в жанре ежедневных новостей, приобретающих на федеральных телеканалах все более интерпретационную, чем информационную функцию. Резкий рост политических сообщений, особенно жанра «soft news», предполагающего эмоциональное вовлечение зрителя, отмечается как российскими (Малинова, 2012, 2017; Ефремова, 2012), так и зарубежными экспертами (Tolz, Chatterje-Doody, 2018) с третьего президентского срока Владимира Путина. И если сейчас украинская тематика доминирует в телевизионном дискурсе, то ту роль, которую сыграл образ Украины на этапе становления современной стратегии коммуникации и отработки технологий, медийных образов и форматов телерепрезентаций, которые используются в телекоммуникации и сейчас, мы имеем возможность проследить благодаря контент-анализу новостных материалов одного из основных проводников государственной политики идентичности – телеканала «Россия 1» на изломе так называемого «протестного года» в декабре 2011 и в декабре 2012 гг.

Еще Ф. Барт (Барт, 1969) отмечал, что группа начинает осознавать себя и приписывать себе определенную идентичность не в изолированном состоянии, а в ситуации активного взаимодействия с другими группами. В зеркале значимых других отражаются и ключевые вопросы российской политической идентичности. Роль Европы и США многократно становилась темой исследований, «Украинский вопрос» в российской политической идентичности обрел особую актуальность в связи с европейским фактором, набирающим вес с ростом Европейского союза и дальнейшим отдалением постсоветских стран. Виктор Иванович Мироненко (Мироненко, 2020) отмечает, что модернизационный вектор Украины в сторону Европы начинает явно просматриваться уже в 1994 г. с заключением Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Украиной и ЕС, к этим обстоятельствам приходится возвращаться, потому что заключенное позднее Соглашение об Ассоциации трактуется как резкое изменение внешнеполитической ориентации Украины: «это утверждение не соответствует действительности, как и утверждение о якобы изначальной антироссийской направленности украинской евроинтеграции». Прямая попытка отстроить украинскую идентичность от российской была предпринята в шумевшей книге бывшего президента Украины Леонида Кучмы «Украина - не Россия» (Кучма, 2003), в ней он не только аргументировал, почему Россия и Украина - очень разные страны, но и отметил роль российских СМИ в создании негативного образа Украины в России. Российские СМИ «не так уж часто находят для Украины доброе словечко», рисуют образ Украины как государства, «постоянно противодействующего России и ее интересам», «не соблюдающего права русскоязычного населения», практикующего «несанкционированный отбор газа», наводненного олигархами и львовскими «бандеровцами».

Конструирование политической идентичности через образ значимого другого взаимный процесс. Андреас Каппелер (Каппелер, 2014) отмечает, что общее имперское прошлое двух стран порождает бесконечные войны памяти, и обе стороны используют историю как оружие, где неоднозначность наследия Киевской Руси, различные интерпретации роли Мазепы, трагедии Голодомора и Великой Отечественной войны уже не только академические, но и политические вопросы. Ян Герман Янмаат (Янмаат, 2007) прослеживает, как в двух поколениях украинских учебников выстраивается образ России и русских как значимого другого, переходя от однозначно критически интерпретаций к более взвешенным оценкам. «Негативная оценка этнического другого как чужеземного правителя явно способствует проекту нацистроительства, поскольку поддерживает дискурс, легитимирующий существование Украины как независимого государства», – пишет Ян в своей работе. Михаил Молчанов (Молчанов, 2015) отмечает рост медиасообщений, характеризующих Россию и русских как значимых других, после Крымских событий 2014 г., делая вывод, что «противопоставление оппонента как значимого другого сегодня служит мощным инструментом разжигания войны».

Ольга Байша (Байша, 2021) в монографии «Дискурсивный разлом социального поля» замечает, что вопрос европейского выбора превратился в Украине в антагонистический дискурс (Карпентье, 2017), «оппоненты западноцентричных концепций представляются не как люди с альтернативной политической позицией, а как отсталые «варвары», «рабы», «совки», «реднеки», «лузеры» и т.д. Автор рассматривает украинский Евромайдан как «дискурсивную формацию, определяющую социальные смыслы, где делается «цивилизационный выбор» в пользу Европы», как альтернативный экономическому и политическому взаимодействию с Россией. Евромайдан эквивалентно формулировал как требования европейской интеграции, свободы, демократии, прав человека, так и уход от эконо-

мического и культурного взаимодействия с Россией и разрыв с советским прошлым, формируя тем самым в терминах Лаклау и Муфф «невозможную общность» (Лаклау, Муфф, 1985). «Эта цепочка различных, а иногда даже несоизмеримых претензий эквивалентна только в одном смысле: по отношению к тем, кто исключен из «невозможной общности», коллектива, именуемого «народ»» (Лаклау, 2005). По словам Ольги Байша, в случае Евромайдана исключенными оказались миллионы граждан Украины, не согласные с курсом европейской интеграции и не готовые к разрыву экономических и культурных связей с Россией. Созданная дискурсивная неразрывность вопроса европейской интеграции Украины с вопросами взаимоотношений с Россией и оценкой советского прошлого создает предпосылки для переопределения и российской политической идентичности.

Ранее мы отмечали (Сурсанова, 2019), что «телеканалы также, являясь одним из ключевых инструментов политики идентичности, участвуют в формировании картины мира, где различные акторы международных отношений могут получать как негативные, так и позитивные оценки». Еще Пьер Бурдьё (Бурдьё, 2002) заметил, что «телевидение располагает своего рода монополией на формирование сознания очень значительной части населения». «Политическая опасность, порождаемая обычным использованием телевидения, заключается в особой способности изображения производить то, что литературные критики называют эффектом реальности: телевидение показывает и заставляет поверить в то, что оно показывает. Такая сила внушения может породить эффект мобилизации, создавая идеи и представления, а также реальные социальные группы», – говорит Пьер Бурдьё в своей лекции «О телевидении» (Бурдьё, 2002), отмечая потенциал телевидения как инструмента политики идентичности.

Так, в ходе протестной волны 2011–2012 гг. в России украинский опыт «Оранжевой революции» активно цитировался в российских масс-медиа, особенно концепт «майдан», «который за короткое время превратился из заурядного топонима в важнейший политический концепт современного общества», – пишет Ольга Кондратьева (Кондратьева, 2019). «Акцентирование внимания на деструктивных и опасных особенностях майдана, проявляющееся особенно ярко в морбиальных и милитарных метафорах, а также в метафорах стихий, становится одним из способов реализации общей дискурсивной стратегии авторов российских масс-медиа – сформировать в сознании читательской аудитории образ негативно окрашенного политического события, предостеречь читателей, не допустить подобных событий на территории России», – отмечает Ольга Кондратьева. Какую же роль сыграл телеобраз Украины как значимого другого на этапе формирования современной российской государственной политики идентичности?

Методы

Фокусируясь на государственной политике идентичности, проводимой через инструменты телеканала «Россия 1», мы проводили контент-анализ еженедельных новостных передач за декабрь 2011 и декабрь 2012 гг. (Сурсанова, 2019). Для анализа нами были выбраны декабрь 2011 г. – старт протестной волны, когда закладывались основные смыслы, и декабрь 2012 г., когда подводились итоги так называемого «протестного года». Ключевым источником информации были выбраны сюжеты еженедельной программы «Вести недели» на телеканале «Россия 1» по нескольким причинам: новости как жанр претендуют на гиперреальность, активно влияя на формирование картины мира, «Россия 1» – государственный телеканал, транслирующий государственную политику идентичности, «Вести недели» – итоговая еженедельная передача, где не только повторяются ключевые новости недели, но и выстраивается иерархия их значений и символический порядок. Основным методом анализа – контент-анализ видеоматериалов по параметру «значимый другой». Телеканал «Россия 1» сконцентрирован в основном на домашних событиях (восемьдесят шесть сюжетов из ста двух за рассматриваемый период), тем не менее репортажи «Вести недели» часто смотрят на российские сюжеты в международном контексте (двадцать пять сюжетов из восьмидесяти шести), таким образом «значимый другой» появляется на экране не только из-за мировых событий (шестнадцать сюжетов из ста двух), а еще и используется «значимый другой» как сравнительный материал для домашних новостей, забирая в сумме более 40% всех репортажей (сорок один сюжет из ста двух).

Результаты контент-анализа новостных передач телеканала «Россия 1» по параметру «значимый другой», количество сюжетов (Сурсанова, 2019)

Общее количество сюжетов		Сюжеты о России		Сюжеты с другими странами	
Декабрь 2011	Декабрь 2012	Без упоминания других стран	С упоминанием других стран	Сюжеты о других странах	Сюжеты о России с упоминанием других стран
46	56	61	25	16	25
102		86		41	

Растущее количество оценочных и интерпретационных сюжетов на телеканале «Россия 1» позволяет разложить сюжеты об акторах международных отношений в следующую шкалу:

Враг – радикальный другой в терминах Карпентье (Карпентье, 2017), когда противоречия между «ними и «нами» нельзя разрешить, радикальное различие ведет к дегуманизации и демонизации, отрицанию человечности.

Значимый другой (-) – другая форма проявления антагонизма – отношения не между врагами, а между «противниками», агонизм, а не антагонизм в определениях Ш.Муфф (Муфф, 2009).

Значимый другой (+) – «дружественные враги» (Муфф, 2009), т.е. страны, которые являются друзьями, потому что делят общее символическое пространство, но одновременно и врагами, потому что хотят иначе организовать это общее символическое пространство

Партнер – актер международных отношений, входящий в общее символическое пространство, являющийся актуальным или потенциальным партнером по политическим или экономическим проектам.

Шкала была использована для оценки результатов контент-анализа новостных программ телеканала «Россия 1».

Результаты контент-анализа новостных передач телеканала «Россия 1» по параметру «значимый другой», оценки отдельных стран (Сурсанова, 2019)

Актер международных отношений	Количество сюжетов с упоминанием актора международных отношений (Количество сюжетов об акторе международных отношений)	Количество сюжетов, презентующих актора международных отношений как:			
		Врага	Значимый другой -	Значимый другой +	Партнера
США	19 (7)	12	7	0	0
СССР	12 (1)	0	0	12	0
Запад	10 (2)	7	3	0	0
Украина	6 (2)	0	6	0	0
ЕС	5 (1)	0	3	0	5
Китай	5 (1)	0	2	3	0
НАТО	4 (1)	3	1	0	0
Франция	4	0	3	0	1
Германия	4 (1)	1	2	0	1
Сирия	4 (3)	0	0	1	3
Дания	3 (1)	0	3	0	0
Египет	3 (2)	0	3	0	0
Великобритания	2 (1)	0	2	0	0
Италия	2 (1)	0	1	0	1
Польша	2	0	0	2	0

Актор международных отношений	Количество сюжетов с упоминанием актора международных отношений (Количество сюжетов об акторе международных отношений)	Количество сюжетов, презентующих актора международных отношений как:			
		Врага	Значимый другой -	Значимый другой +	Партнера
Ирак	2 (2)	0	0	2	0
Белоруссия	2	0	2	0	0
Грузия	2	2	0	0	0
Ливия	2 (2)	0	0	1	1
Вьетнам	1	0	0	1	0
Венесуэла	1 (1)	0	1	0	0
Греция	1	0	0	1	0
Казахстан	1 (1)	0	1	0	0
Катар	1 (1)	0	0	0	1
Нидерланды	1	0	0	1	0
Норвегия	1	0	1	0	0
ООН	1 (1)	0	1	0	0
Португалия	1	0	0	1	0
Северная Корея	1 (1)	0	0	1	0
Тунис	1 (1)	0	1	0	0
Турция	1 (1)	0	0	1	0
Чехия	1 (1)	0	0	1	0

Между двумя основными полюсами: образом врага – США и «коллективный Запад» и образом партнера – Китай, есть еще одна группа «значимых других» – это постсоветские страны, где ключевое эфирное время посвящено сюжетам из Украины. США и «коллективный Запад» – воплощение всего коварного, неправильного, Китай – образец для подражания. Сюжеты же об Украине раскрывают интересные идентитарные стратегии и показывают тонкости государственной политической идентичности.

Украина – «инструмент влияния Запада»?

Сюжетная линия Украины в новостной повестке телеканала «Россия 1» уже на стыке 2011–2012 гг. важна не только сама по себе, а как маркер влияния обобщенного, «коллективного Запада», иногда представленного США, иногда «западными силами». Декабрь 2011 г. охарактеризовался тем, что больше половины репортажей «Вести недели», посвященных американским событиям, были наполнены отрицательными характеристиками, декабрь же 2012 г. – тем, что антиамериканских сюжетов было уже 75%. При этом ключевой повод упоминания США – подозрение в подрывной деятельности на территории стран в сфере влияния России или в проведении информационной войны, направленной на «подогрев» деятельности оппозиции против текущих властей, т.е. подрыв суверенитета.

Протестный 2011–2012 – это год, когда внимание государства привлекло движение за честные выборы. Целая серия новостных сюжетов была посвящена тому, чтобы разоблачить подрывную деятельность НКО «Голос»¹. В одном из них корреспонденты телеканала «Россия 1» нашли переписку, раскрытую на сайте «LifeNews», состоявшуюся предположительно между пресс-секретарем Совета национальной безопасности Соединенных Штатов Америки и руководителями НКО, составляющими карту нарушений и проводившими независимый контроль выборного процесса. Этот факт, с точки зрения авторов сюжета, дает основания говорить о том, что НКО «Голос» спонсируется Соединенными Штатами, а следовательно, получает оттуда прямые директивы. Репортаж сопровождается комментарием Лаховой Екатерины, председателя всероссийской общественной организации «Союз женщин России»: «США поддерживают и общественные, и партийные организации, и провокаторов,

¹ Движение «Голос» внесено Минюстом РФ в реестр иностранных агентов 18.08.2021 г.

которые дестабилизируют ситуацию. “Розовые”, “оранжевые” ... какую они там нам хотят сделать революцию»¹.

Так называемая «Оранжевая революция» – широкая кампания мирных протестов, проходивших в Украине в конце 2004–начале 2005 гг., спровоцированная массовым недоверием к официальным итогам президентских выборов-2004 г. и очевидными признаками фальсификации. А. Керимов и Т. Вербицкая (Керимов, Вербицкая, 2019) отмечают два аспекта «цветных революций» как понятия: с одной стороны, это термин, позволяющий отличить процесс от революций классических намерением поддержания законности и сохранения конституционного строя, с другой стороны, есть обширный пласт литературы, анализирующий «цветные революции» как спектр управляемых политических процессов и технологий, которые инициируются и внедряются извне иностранными или транснациональными заказчиками. «Оранжевая революция» в Украине 2004–2005 гг. была поставлена в этот ряд. В российских СМИ «оранжевость» интерпретируется прежде всего во втором смысле, подразумеваемая иностранное вмешательство. Похожесть поводов и массовости протестов с аналогичным движением в России в конце 2011, 2012 гг., породили нарратив о «длинной руке Запада», осуществляющей государственные перевороты по сценарию цветной революции, начинающиеся с мирных протестов и заканчивающиеся сменой власти. Украинский сценарий как один из возможных исходов протестного движения присутствует в сюжетах, освещающих волнения в России.

Так, в другом сюжете, описанном в нашей работе, посвященной государственной политике идентичности (Сурсанова, 2019), корреспонденты программы «Вести недели» обнаруживают, «что еще задолго до выборов, девятого октября 2011 г. интернет-сайт “Белая ленточка”, символ протестного движения, был зарегистрирован в США». Телеканал “Россия 1” дает слово системной оппозиции в лице Геннадия Зюганова, который отмечает, что в нашей стране есть те, кто готов тащить её (революцию – Ю.С.) по варианту Ющенко и Саакашвили, но для России такой вариант неприемлем². Владимир Путин подводит черту, объясняя, что все это связано с тем, что мы – крупнейшая ядерная держава и такой остаемся». По словам президента, это вызывает определенные опасения у наших партнеров, и они нас “так покачивают”, чтобы мы не забывали, кто здесь на нашей планете хозяин. “Когда деньги из-за границы вкладываются в политическую деятельность внутри страны – это должно нас заставить задуматься, особенно недопустимо вливание иностранных денег в избирательные процессы. Это просто недопустимо”³, – говорит Владимир Путин.

В репортаже-интервью с Геннадием Зюгановым⁴ ведущий телепрограммы «Вести недели» поднимает вопрос о поправках к закону о митингах, которые сильно ужесточают наказания за нарушения на уличных акциях. «Позиция вашей фракции известна – голосовали против, почему и что собираетесь делать дальше?», – задает вопрос корреспондент. Лидер фракции КПРФ в ответе на вопрос не только отмечает непропорциональность предлагаемых наказаний уровню доходов населения, называя поправки «финансовым кляпом в горло людям», но и отмечает, что они направлены «не против оранжевой проказы, а против нас». Замечание лидера коммунистов симптоматично, отсылка к недавним событиям в Украине – постоянный повод для устрашения последствиями активных протестных действий. Зеркало Украины незримо присутствует в описании протестных акций на Болотной, несмотря на то, что события разделяет несколько лет.

Самым большим свидетельством «длинной руки Запада» в российской судьбе Дмитрий Киселев, сначала корреспондент, затем ведущий программы «Вести недели» называет распад СССР, который он характеризует как «западный проект». След иностранного вмешательства отмечается и в сюжетах о других странах в зоне влияния России: Сирия, Грузия и Украина. США ведут информационные войны против властей Сирии⁵, снабжают деятельность оппозиции. Российской Федерации в этом конфликте достается роль «правозащитного государства», помогающего небольшим странам отстаивать свои интересы. В репортаже «России 1» приводится интервью председателя армянской общины «Дейр Зор» Артина Варганян, который благодарит Путина, Россию и Китай, потому что только они

¹ Сюжет «Испытание выбором: кандидат номер один» из видеоархива за декабрь 2011 г. с сайта телеканала «Россия 1» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/article/2118195> (дата обращения: 13.10.2022).

² Сюжет «Большая политика: настройка систем» из видеоархива за декабрь 2011 г. с сайта телеканала «Россия 1». URL: <http://vesti7.ru/> (дата обращения: 13.10.2022).

³ Сюжет «Испытание выбором: кандидат номер один» из видеоархива за декабрь 2011 г. с сайта телеканала «Россия 1» [Электронный ресурс]. URL: <http://vesti7.ru/> (дата обращения: 13.10.2022).

⁴ Сюжет «Интервью с Геннадием Зюгановым» из видеоархива за октябрь 2012 г. с сайта телеканала «Россия 1» [Электронный ресурс]. URL: <http://vesti7.ru/> (дата обращения: 13.10.2022).

⁵ Сюжет «Сирийская мясорубка» из видеоархива за декабрь 2012 г. с сайта телеканала «Россия 1» [Электронный ресурс]. URL: <http://vesti7.ru/> (дата обращения: 13.10.2022).

понимают, «что происходит с народом»¹. Один из инструментов влияния на политическую ситуацию внутри стран – информационная война, в ведении которой часто обвиняются западные страны на телеканале «Россия 1». Составляя сюжеты о сирийских конфликтах, корреспонденты «России 1» отмечают свою цель – баланс однобокого западного вещания.

Украина здесь – пример альтернативной истории: постсоветская страна, прошедшая через те же этапы государственного становления, что и Россия, так же вставшая перед цивилизационным выбором. Риски подготовленного со стороны Запада переворота наглядно разворачиваются на примере Украины. Так, в сюжете «Новая верховная Рада» рассказывается, что украинские националисты теперь в парламенте. «Людей оскорбляют в связи с национальной принадлежностью», – сетует депутат Рады Ирина Богославская. На заседаниях парламента не дают говорить по-русски, даже русскоязычные лидеры перед камерами все чаще говорят на украинском. Первое же заседание обернулось масштабной дракой и демонстрациями. Люди на улицах скандируют: «Киев, смелее! Гони фашистов в шею!», осуждая появление в парламенте страны партии Свободы с радикальным украинским националистом Тягнибоком и сравнивая их с фашистами. В сюжетах телеканала «Россия 1» отмечается, что аналогичная опасность исходит и от национальных меньшинств на территории Российской Федерации. В сюжете о Послании Федеральному собранию Российской Федерации Владимир Путин отмечает, что развал страны из-за усиленного патриотизма отдельных национальных автономий неприемлем, что мы не допустим появления в России замкнутых этнических анклавов, со своей неформальной юрисдикцией, живущих вне единого правового и культурного поля страны². В сюжетах 2011–2012 гг., проанализированных на предмет государственной политики идентичности (Сурсанова, 2019), эта опасность иллюстрируется южными регионами России, где «господствует “агрессивная форма мутации ислама, варварство”, где “не мытьем, так катаньем пытаются разрушить хрупкий мир”, а “салафиты заявляют о необходимости создания на Кавказе исламского халифата”³. Так же, как и в Украине, здесь через сюжеты “России 1” прослеживается “длинная рука Запада”. Например, в сюжете о смещении этнического баланса между русским и дагестанским населением в Ставрополье в сторону большей исламизации доктор политических наук Сергей Передерий с негодованием говорит о предложении, которое он получил от “Запада и НАТО”: написать доклад, как будут чувствовать себя жители Ставропольского края в случае отделения Дагестана от России»⁴.

Предваряя сюжет «Украина как добыча: почему политики рвут страну в разные стороны»⁵, ведущий «Вести недели» Дмитрий Кисилев сообщает: «Хорошая новость из Киева в том, что круглосуточный информационный канал, холдинг ВГТРК Россия 24 отныне сможет без ограничений распространяться в кабельных сетях Украины. Такое решение в среду принял национальный совет братской страны по вопросам телевидения и радиовещания – это прорыв». Братская страна – отсылка к «семейной концептуальной метафорической модели», сложившейся в послевоенный период в Советском Союзе. Татьяна Юрьевна Быкова (Быкова, 2014) отмечает, что страны, входившие в Советский Союз, назывались братскими народами, что обладало «сильным прагматическим эффектом» и «манипулятивным потенциалом». Само название сюжета «Украина как добыча: почему политики рвут страну в разные стороны» и отсылка к братскому народу говорит, что мы в зеркале сюжетов про Украину, особенно тех, где подчеркивается западное влияние – один народ, разодранный политиками.

Украина и дискурс утерянной державы

Советский Союз, несмотря на то, что не существует как государство уже пару десятков лет, к 2011 г., все равно остается самой упоминаемой страной на телеканале «Россия 1»: 12 сюжетов за два месяца либо посвящено Советскому Союзу, либо советское в них упоминается; это второе после США государство по упоминаемости в сюжетах программы «Вести недели». Развал Советского Союза предстает в сюжетах телеканала «Россия 1» следствием действия все тех же «западных сил», где Украина и напряженные украино-российские отношения – незаживающая рана и постоянное свиде-

¹ Сюжет «Полыхающий Ближний Восток: в Сирии истребляют армян» из видеоархива за декабрь 2012 г. с сайта телеканала «Россия 1» [Электронный ресурс]. URL: <http://vesti7.ru/> (дата обращения: 13.10.2022).

² Сюжет «Послание Федеральному собранию: необычное Послание Президента» выходит в свет» из видеоархива за декабрь 2012 года с сайта телеканала «Россия 1» [Электронный ресурс]. URL: <http://vesti7.ru/> (дата обращения: 13.10.2022).

³ Сюжет «Новые вызовы Ставрополья» из видеоархива за декабрь 2012 г. с сайта телеканала «Россия 1» [Электронный ресурс]. URL: <http://vesti7.ru/> (дата обращения: 13.10.2022).

⁴ Сюжет «Кто подрывает Юг России» из видеоархива за декабрь 2012 г. с сайта телеканала «Россия 1» [Электронный ресурс]. URL: <http://vesti7.ru/> (дата обращения: 13.10.2022).

⁵ Сюжет «Украина как добыча: почему политики рвут страну в разные стороны» из видеоархива за октябрь 2012 г. с сайта телеканала «Россия 1» [Электронный ресурс]. URL: <http://vesti7.ru/> (дата обращения: 13.10.2022).

тельство не только с точки зрения истории, но и с точки зрения повторения сюжета с подготовленным «Западом» переворотом, но уже на новом историческом витке.

Если в рассуждениях о Советском Союзе говорится прямо, что «раскол СССР – длинная рука Запада», то в сюжетах о современных протестах постоянно воспроизводится этот риск. «Есть те, кто готов тащить страну по сценарию Ющенко и Саакашвили», – говорит Геннадий Зюганов в сюжете (18.12.2011). «Мы также знаем, что никто в нашей стране не хочет развития событий, как в Киргизии или Украине», – говорят в сюжете (11.12.2011). Тема распада Советского Союза проживается и через современные конфликты. Так, в сюжете (04.12.2011) о том, как распадался Советский Союз, Дмитрий Киселев упоминает, что уже тогда США добились отмены второй ветки газопровода. Заложённая тогда «длинной рукой Запада» проблема вылилась в современные газовые войны с Украиной в начале 2000-х гг.

В зеркале украинских событий в сюжетах «России 1» раз за разом воспроизводится травма утерянной державы. «Страны, которой боялись и уважали, не стало», – говорит Дмитрий Киселев в специальном репортаже к 20-летию Беловежских соглашений и к премьере фильма «Крушение СССР»¹. Советский и даже имперский порядок утерян, что приводит к тому, что в бывших советских республиках, бывших частях Российской империи все неладно: фашисты в Украине², беспорядки в Казахстане³, подстрекатели российских оппозиционеров в Грузии⁴. «Даже в Белоруссии официально перестали называть войну 1812 г. Отечественной» (Сурсанова, 2019), «как будто крестьянин тех мест не выходил на басурманина с рогатиной, будто с вилами не перехватывали курьеров с донесениями, будто мужики не проводили наши войска лучшими маршрутами, воевали даже дети и женщины»⁵.

В репортаже «Украина как добыча: почему политики рвут страну в разные стороны»⁶ рассказывается о том, что предвыборная гонка в Раду находится на финишной прямой. Корреспонденты телеканала «Россия 1», отмечая, что по всем опросам «Партия регионов» Виктора Януковича получает большинство, с тревогой замечают, что националисты, сторонники Кличко и тимошенковцы под предводительством Яценюка стремятся «кого-то еще по ходу дела догрызть, под руку часто попадает и Россия». Особенно осуждается то, что день семидесятилетия украинской повстанческой армии, той, что сражалась с советскими войсками во время Великой Отечественной, националисты «Свободы» используют как предвыборную площадку. Видеоряд показывает скандирующую толпу: «Бандера наш герой», «Покрова – наше свято!», они идут маршем от площади Шевченко с портретами Шухевича и Бандеры. «Клич отскакивает от зубов. В первых рядах ветераны УПА, в петлюровках и с автоматами, и лидеры “Свободы” и Нафареон, их любимая фраза “Москали – оккупанты”. Тягнибок когда-то обещал рубить пальцы за общение на русском. Группа поддержки в масках, жгут флаеры и флаги президентской “Партии регионов” и коммунистов. Киевская милиция не вмешивается, аналогичный нацистский марш в Луганском Стаханове завершается потасовкой с коммунистами, да и просто с теми, кто знает, кто такой Бандера. Социологические центры дают националистам не больше 5% по стране, но и этого достаточно, чтобы попасть в Раду.

Украинские националисты здесь последовательно противопоставляются сначала советским войскам по время Великой Отечественной войны, затем коммунистам, которые «знают, кто такой Бандера», ассоциируя движение с нацистами, т.е. с максимальным примером дегуманизации и расчеловечивания в XX в. В работе Ольги Байша (Байша, 2021) такой подход называется, в соответствии с теорией Карпентье, «радикальным исключённым», когда политический противник становится не просто соперником, а исключённым из общего символического пространства врагом. Особенную остроту символическому конфликту придает разрыв с общим советским прошлым, где термины нацизма имели однозначную оценку, обозначая тем самым выпадение Украины, в случае следования

¹ Сюжет «Крушение СССР» из видеоархива за декабрь 2011 г. с сайта телеканала «Россия 1», выпуск «Вести недели» от 04.12.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://vesti7.ru/> (дата обращения: 13.10.2022).

² Сюжет «Новая верховная Рада» из видеоархива за декабрь 2012 г. с сайта телеканала «Россия 1», выпуск «Вести недели» от 16.12.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://vesti7.ru/> (дата обращения: 13.10.2022).

³ Сюжет «Беспорядки в Казахстане: Казахский излом» из видеоархива за декабрь 2011 г. с сайта телеканала «Россия 1» [Электронный ресурс]. URL: <http://vesti7.ru/> (дата обращения: 13.10.2022).

⁴ Сюжет «Послание Федеральному собранию: необычное Послание Президента» выходит в свет» из видеоархива за декабрь 2012 г. с сайта телеканала «Россия 1» [Электронный ресурс]. URL: <http://vesti7.ru/> (дата обращения: 13.10.2022).

⁵ Сюжет «1812: битва версий» из видеоархива за декабрь 2012 г. с сайта телеканала «Россия 1» [Электронный ресурс]. URL: <http://vesti7.ru/> (дата обращения: 13.10.2022).

⁶ Сюжет «Украина как добыча: почему политики рвут страну в разные стороны» из видеоархива за октябрь 2012 г. с сайта телеканала «Россия 1» [Электронный ресурс]. URL: <http://vesti7.ru/> (дата обращения: 13.10.2022).

по пути национализма, из общего символического пространства, в котором находится Российская Федерация и постсоветские страны.

Советское наследие остается синонимом качества; так, в сюжете «Атомная подлодка Владимир Мономах»¹ говорится: «Пока Россия отстраивает флот XXI в., службу в море продолжают нести надежные еще советские крейсера». Развалить такую державу – преступление, сохранить – подвиг», в комментарии к сюжету «Вопросы Владимиру Путину»² Дмитрий Песков, пресс-секретарь на тот момент премьер-министра РФ, так высказывается о вопросе, заданном Михаилом Горбачевым, Владимиру Путину: «Бывший руководитель огромной страны, по сути, разваливший ее, предлагает уйти в отставку человеку, сумевшему спасти от такой же участи Россию». Получается, что Россия в сюжетах телеканала «Россия 1» – восстанавливающийся Советский Союз, еще не набравший былую державную мощь, нодвигающийся в эту сторону. Все это в преддверии возрождения великодержавных настроений, также вызванных украинскими событиями и связанными с присоединением Крыма к России в 2014 г. Е. Б. Шестопал, Н. В. Смутькина и И. В. Морозикова отметили эту связь в своём анализе общественных настроений жителей разных регионов России (Шестопал, Смутькина, Морозикова, 2019): «Присоединение Крыма и последовавшие вслед за ним западные санкции... поставили под сомнение ту картину мира. Большинство общества ... «вспомнило» о роли России как великой державы, что привело к росту патриотических чувств населения...». «Мы – великая держава» – вот ключевая тема, возникающая в российском политическом самосознании в зеркале украинских сюжетов.

Украина и европейский выбор

Интересным образом Украина вплетается в европейский нарратив на телеканале «Россия 1». В проведенном нами анализе российской государственной политики идентичности (Сурсанова, 2019) отмечается, что обобщенный негативный образ Запада соседствует на телеканале «Россия 1» с отдельными образами европейских стран, представленными по-другому. Европейские страны в альманахе сюжетов телеканала «Россия 1» становятся яркими иллюстрациями издержек демократизации. Проблемы государственного суверенитета, сложный мультикультурализм, экономическая нестабильность, раскрепощение нравов представлены как беды, непрестанно сопутствующие европейскому развитию. Целая серия репортажей телеканала «Россия 1» посвящена экономическому кризису в странах Европы и попыткам принять новый бюджетный пакт, предполагающий укрепление финансовой дисциплины, наталкивающийся на сопротивление стран, не желающих менять взамен на экономическую стабильность свой суверенитет³. В одном из репортажей «Вестей недели» Владимир Путин транслирует по этому поводу позицию России, говоря о том, что страны Евросоюза могут рассчитывать на поддержку извне, рассчитываясь за нее своим суверенитетом, для России же такой вариант не подходит – она потеряет свой суверенитет совсем⁴.

Вторая большая тема европейских издержек демократии связана с вопросами мультикультурализма. Яркий сюжет о проблемах небольшого городка в Дании – Коккедаль рассказывает о квартале Эгедельсвенге, где правление жильцов пятью голосами против четырех отказалось тратить одну тысячу евро на рождественскую елку, выделив накануне десять тысяч евро на празднование Курбан-Байрама. Рождественская ель на родине Г. Х. Андерсена все же была установлена, но удручающий вывод о культурном перерождении европейского континента в сюжете «России 1» остался⁵. Через репортажи «России 1» показывается, что европейский опыт далеко не всегда подходит для россиян, пусть и с некоторыми странами ЕС Российская Федерация готова заключать совместные экономиче-

¹ Сюжет «Атомная подлодка Владимир Мономах» из видеоархива за декабрь 2012 г. с сайта телеканала «Россия 1», выпуск «Вести недели» от 30.12.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://vesti7.ru/> (дата обращения: 13.10.2022).

² Сюжет «Дмитрий Песков прокомментировал вопрос Горбачева» из видеоархива за декабрь 2011 г. с сайта телеканала «Россия 1», выпуск «Вести недели» от 25.12.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://vesti7.ru/> (дата обращения: 13.10.2022).

³ Сюжет «Дыхание кризиса: раскол Евросоюза» из видеоархива за декабрь 2011 г. с сайта телеканала «Россия 1» [Электронный ресурс]. URL: <http://vesti7.ru/> (дата обращения: 13.10.2022).

⁴ Сюжет «Путин ответил на вопросы депутатов» из видеоархива за декабрь 2012 г. с сайта телеканала «Россия 1» [Электронный ресурс]. URL: <http://vesti7.ru/> (дата обращения: 13.10.2022).

⁵ Сюжет «У Дании чуть не украли рождество» из видеоархива за декабрь 2012 г. с сайта телеканала «Россия 1» [Электронный ресурс]. URL: <http://vesti7.ru/> (дата обращения: 13.10.2022).

ские проекты, например, вступить в ВТО¹ или строить Южный поток, доставляющий российский газ в обход Украины².

Про Украину же в отношении Европы говорится так: «В обход рискованной Украины, в ближайшие годы украинская монополия на транзит будет устранена». Ненадежность украинской стороны регулярно подчеркивается в сюжетах «Вести недели», делаются заметки о неэффективности украинского руководства. Эта тема прослеживается в нескольких сюжетах, проанализированных в нашей статье «Телеканал “Россия 1” как проводник государственной политики идентичности» (Сурсанова, 2019). Большого внимания в новостных сюжетах получила «смешная ситуация на Украине», когда Украина подписала контракт с «Газ Натураль» из Испании, выяснив на следующий день, что подписант не имел для этого никаких полномочий. Эпитеты про «долгожданный реванш», «помпезность», «неразборчивость» и «глупость» высветили ситуацию в максимально плохом свете для Украины³.

В сюжете «Украина как добыча: почему политики рвут страну в разные стороны»⁴ отмечаются различные стороны предвыборного процесса в Верховную Раду Украины, где все предстает в нелепом виде. Кандидаты от партий ведут себя смешно, что иллюстрируется анимационными роликами о приключениях «оранжевой леди» в киевской больнице номер пять. Юлия Тимошенко с ходунками, но на каблуках, просит вернуть ее обратно в колонию, обращается к избирателям, как отмечают корреспонденты «волнующим шепотом». Народное представительство ненастоящее, что подчеркивает Олег Тягнибок, лидер всеукраинского объединения «Свобода»: «Депутатами торгуют, как тушами, и сами туши превратились в депутатов». Коалиции «картонные»: объединенные оппозиционеры «так хотели видеть рядом и боксера Кличко, даже оставили ему за столом место, но символика его «Удара» так и остается на задворках конференции». Описывая объединение 8 оппозиционных партий, корреспонденты «Вестей недели» говорят: «Считающая себя обедненной оппозиция». Да и сама Верхняя Рада в сюжетах «России 1» – парламент, не соответствующий своему высокому званию: «Когда парламент превратился в место для скупки карточек и голосов», – говорит Олег Тягнибок, его слова подтверждает видеоряд, показывающий, что на последнем перед выборами заседании две трети кресел пустует, а присутствующие депутаты изучают в Интернете цены на колбасу. Яркие иллюстрации «недостойной» демократии Украины вписываются в дискурс неспособности Украины по-настоящему следовать европейскому пути, развиваемому в сюжетах телеканала «Россия 1».

Украина в сюжетах «Вести недели» предстает как «рискованная», «ненадежная», «неразборчивая», «смешная», «имитационная» в противовес крупным и уважаемым европейским компаниям. На фоне регулярных отсылок в сюжетах телеканала «Россия 1» к событиям Оранжевой революции, вывод, который может сделать зритель, один: если Россия – не Европа потому, что не хочет, то Украина – не Европа, потому что не может. Показанные в сюжетах издержки пути развития Европейского союза отсылают нас к дилемме, остро вставшей перед Россией после «холодной войны» – нужен ли стране европейский выбор (Семененко, 2013). Л. В. Дериглазова (Дериглазова, 2017) отмечает, что поворотный момент в отношениях Россия – Европейский союз наступил в 2004 г., когда ЕС активно поддержал так называемые «цветные революции» в ряде постсоветских стран. Это привело к большому отличию Европы как цивилизации от Европейского союза как политического образования. Александр Грушко, зам. министра иностранных дел Российской Федерации, выразил это так: «Я бы предложил концептуальный треугольник, который, по моему мнению, показывает суть и основу, на которой развиваются отношения России и ЕС. Во-первых, Россия – это часть Европы. Во-вторых, ЕС – не вся Европа и не представляет Европу во всем ее разнообразии. И в-третьих, Россия не рассматривает присоединение к ЕС в ближайшем будущем» (цитируется по Дериглазова, 2017). Украинские события, особенно связанные с усилением европейского вектора, поднимают такие темы российской политической идентичности, как то, является ли Россия частью Европы; что есть Европа; что означает Европейский выбор – цивилизационное решение или присоединение к политической организации. «Мы – европейская держава, хоть и не часть Европейского союза» – еще один смысл, раскрывающийся благодаря украинскому зеркалу в сюжетах телеканала «Россия 1».

¹ Сюжет «Россия вступила в ВТО» из видеоархива за декабрь 2011 г. с сайта телеканала «Россия 1» [Электронный ресурс]. URL: <http://vesti7.ru/> (дата обращения: 13.10.2022).

² Сюжет «Южный поток стал осязаем» из видеоархива за декабрь 2012 г. с сайта телеканала «Россия 1» [Электронный ресурс]. URL: <http://vesti7.ru/> (дата обращения: 13.10.2022).

³ Сюжет «Украина подписала мифический контракт» из видеоархива за декабрь 2012 г. с сайта телеканала «Россия 1» [Электронный ресурс]. URL: <http://vesti7.ru/> (дата обращения: 13.10.2022).

⁴ Сюжет «Украина как добыча: почему политики рвут страну в разные стороны» из видеоархива за октябрь 2012 г. с сайта телеканала «Россия 1» [Электронный ресурс]. URL: <http://vesti7.ru/> (дата обращения: 13.10.2022).

Заключение

Тема Украины еще не занимает центрального места в сюжетном ряде новостной повестки 2011–2012 гг., но уже видны ключевые нарративы, получившие развитие на современном этапе. Майкл Биллинг в книге «Банальный национализм» (Биллинг, 1995) приводит в качестве одного из инструментов рутинного воспроизведения нации «зеркало», когда в речах политиков риторически превозносится государственная политическая идентичность, и смотрящий и слушающий может соотнести себя с этой общностью. Зеркало Украины в сюжетах телеканала «Россия 1» работает по-другому: зритель может соотнести себя с сюжетами из-за родства предпосылок, но увидеть негативный вариант альтернативной истории. В книге Ольги Байша (Байша, 2021) «Дискурсивный разлом социального поля» это характеризуется в терминах Лаклау и Муффа как радикальное «исключенное». Только если в анализе украинской идентичности, предпринятом Байша, это относится к общественному движению против Евромайдана, то в случае российского телевидения и российской политической идентичности таким радикальным исключенным выступает прозападная Украина, достигающая в некоторые моменты максимальной дегуманизации, проиллюстрированной сюжетами, где украинские националисты называются фашистами.

Особенно важно это становится как раз в период протестной волны 2011–2012 гг. Запрос на альтернативные сценарии развития страны требовал ответа, и если официальный дискурс взял на вооружение язык патриотизма, то телевизионный сопровождал это иллюстрациями из параллельных реальностей соседних постсоветских стран, особенно Украины, где случившиеся перевороты не привели к цивилизованному миру и не дали статуса великой державы. Собирая на домашних сюжетах «Вести недели» этого же периода классифицирующие основания российской политической идентичности (Сурсанова, 2019), мы получили «знание русского языка, русской культуры, принятие православной веры или признание ее доминирующего положения, аскетизм, приоритет частного над гражданским и патриотизм». Отбор украинских сюжетов, оценки событий и персонажей не только создают общий международный фон новостной ленты, но и помогают понять телезрителю, в чем специфика России, каковы ее ключевые проблемы в самоидентификации. Украинские сюжеты поставили более широкие вопросы российской политической идентичности, раскрыв такие темы, как единство славянских народов, принадлежность к европейской цивилизации и роль великой державы.

Финансовая поддержка

Статья подготовлена при финансовой поддержке АНО ЭИСИ, грант No FSNF-2022-0038 «Украина как детерминанта российской идентичности».

Список литературы / References

- Арбатов, А. Г. (2022) 'Украинский кризис и стратегическая стабильность', *Политические исследования*, 4, сс. 10–31. [Arbatov, A. G. (2022) 'Ukrainian Crisis and Strategic Stability' [Ukrainskii krizis i strategicheskaya stabil'nost'], *Policy. Political studies*, 4, pp. 10–31. (In Russ.)].
- Байша, О. А. (2021) *Дискурсивный разлом социального поля: Уроки Евромайдана*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 184 с. [Baisha, O. A. (2021) *Discursive Fracture of the Social Field: Lessons from the Euromaidan* [Diskursivnyi razlom sotsial'nogo polya: Uroki Evromaidana], Moscow: Ed. house of the Higher School of Economics, 184 p. (In Russ.)].
- Барт, Ф. (2006) *Этнические группы и границы*. Москва: Новое издательство. [Bart, F. (2006) *Ethnic groups and borders* [Et-nicheskie gruppy i granitsy], Moscow: New publishing house. (In Russ.)].
- Бурдые, П. (2002) *О телевидении и журналистике*. Москва: Фонд «Прагматика культуры», 159 с. [Burd'e, P. (2002) *On television and journalism* [O televidenii i zhurnalistike], Moscow: Pragmatics of Culture Foundation, 159 p. (In Russ.)].
- Быкова Т. Ю. (2014) 'Отцы и дети великой страны: метафора родства в советском политическом медиадискурсе 1945–1954 гг.', *Политическая лингвистика*, 2 (48) [Bykova, T. Yu. (2014) 'Fathers and sons of a great country: a metaphor for kinship in the Soviet political media discourse of 1945–1954.' [Ottsy i deti velikoi strany: metafora rodstva v sovetskom politicheskom mediadiskurse 1945-1954 gg.], *Political Linguistics*, 2 (48). (In Russ.)].

- Ефремова, В. Н. (2017) 'Символическая политика государства в отношении российских праздников после 2012 г.', *Символическая политика: сб. науч. тр. Вып. 5: Политика идентичности / под ред. О. Ю. Малиновой*. Москва: ИНИОН РАН, сс. 294–307. [Efremova, V. N. (2017) 'The symbolic policy of the state in relation to Russian holidays after 2012' [Simvolicheskaya politika gosudarstva v otnoshenii rossiiskikh prazdnikov posle 2012 g.], *Symbolic Politics: Sat. scientific tr. Issue. 5: Identity Politics / ed. O. Yu. Malinova*. Moscow: INION RAN, pp. 294–307. (In Russ.)].
- Керимов, А. А., Вербицкая, Т. В. (2019) 'Цветная революция как угроза политической системе государства: проблемы определения', *Вопросы управления*, 2 (38), сс. 6–15. [Kerimov, A. A. 'Color revolution as a threat to the political system of the state: problems of definition' [Tsvetnaya revolyutsiya kak ugroza politicheskoi sisteme gosudarstva: problema opredeleniya], *Management Issues*, 2 (38), pp. 6–15. (In Russ.)].
- Кондратьева, О. Н. (2017) 'Майдан в метафорическом зеркале российских массмедиа', *Политическая лингвистика*, 5 (65). [Kondrat'eva, O. N. (2017) 'Maidan in the metaphorical mirror of Russian mass media' [Maidan v metaforicheskom zerkale rossiiskikh massmedia], *Political Linguistics*, 5 (65) (In Russ.)].
- Кучма, Л. Д. (2003) *Украина – не Россия*. Москва: Время, 560 с. [Kuchma, L. D. (2003) *Ukraine is not Russia* [Ukraine – ne Rossiya], Moscow: Time, 560 p. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2012) 'Символическое единство нации? Репрезентация макрополитического сообщества в предвыборной риторике Владимира Путина', *Pro et contra*, 16 (3), сс. 76–93. [Malinova, O. Yu. (2012) 'Symbolic unity of the nation? Representation of the Macropolitical Community in Vladimir Putin's Election Rhetoric' [Simvolicheskoe edinstvo natsii? Rerezentatsiya makropoliticheskogo soobshchestva v predvybornoi ritorike Vladimira Putina], *Pro et contra*, 16 (3), pp. 76–93. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2017) 'Современный русский национализм: Коллективный портрет в политическом интерьере (Рецензия)', *Символическая политика: сб. науч. труд. Вып. 5: Политика идентичности / под ред. О. Ю. Малиновой*. Москва: ИНИОН РАН, сс. 348–355. [Malinova, O. Yu. (2017) 'Contemporary Russian Nationalism: A Collective Portrait in a Political Interior (Review)' [Sovremennyi russkii natsionalizm: Kollektivnyi portret v politicheskom inter'ere (Retsenziya)], *Symbolic politics: Sat. scientific work, Issue. 5: Identity Politics / Ed. O. Yu. Malinova*. Moscow: INION RAN, pp. 348–355. (In Russ.)].
- Мироненко, В. И. (2020) *Украинский транзит. Опыт ситуационного анализа*, Москва: Ин-т Европы РАН, 98 с. [Mironenko, V. I. (2020) *Ukrainian transit. Situation analysis experience* [Ukrainskii tranzit. Opyt situatsionnogo analiza], Moscow: Institute of Europe RAS, 98 p. (In Russ.)].
- Попова, О. В. (2019) 'Государственная политика идентичности как теоретический конструкт и реальная практика: опыт экспертных оценок российских исследователей', *Южно-российский журнал социальных наук*, 20 (4), сс. 74–91. [Popova, O. V. (2019) 'State Identity Policy as a Theoretical Construct and Real Practice: Expert Evaluations of Russian Researchers' [Gosudarstvennaya politika identichnosti kak teoreticheskii konstrukt i real'naya praktika: opyt ekspertnykh otsenok rossiiskikh issledovatelei], *South Russian Journal of Social Sciences*, 20 (4), pp. 74–91. (In Russ.)].
- Сурсанова, Ю. В. (2019) 'Телеканал Россия 1 как проводник политики идентичности современного российского государства', *Вестник Удмуртского университета*, 3 (1), сс. 40–54. [Sursanova, Yu. V. 'TV channel Russia 1 as an instrument of the identity policy of the modern Russian state' [Telekanal Rossiya 1 kak provodnik politiki identichnosti sovremennogo rossiiskogo gosudarstva], *Bulletin of the Udmurt University*, 3 (1), pp. 40–54. (In Russ.)].
- Шестопад, Е. Б., Смутькина, Н. В., Морозикова, И. В. (2019) 'Сравнительный анализ образов своей страны у жителей российских регионов', *Сравнительная политика*, 3, сс. 74–94. [Shestopal, E. B., Smul'kina, N. V., Morozikova, I. V. (2019) 'Comparative analysis of images of their own country among residents of Russian regions' [Sravnitel'nyi analiz obrazov svoei strany u zhitelei rossiiskikh

- regionov], *Comparative Politics*, 3, pp. 74–94. (In Russ.).
- Billig, M. (1995) *Banal nationalism*. Sage Publications, 200 p.
- Carpentier, N. (2017) *The Discursive-Material Knot: Cyprus in Conflict and Community Media Participation*. N. Y.: Peter Lang.
- Deriglazova, L. V. (2017) 'How Much 'Euro-peanness' Remains in Contemporary Russia?', *Anthropological Journal of European Cultures*, Vol. 26, 1, pp. 75–97 (Online).
- Janmaat, J. G. (2007) 'The ethnic 'other' in Ukrainian history textbooks: the case of Russia and the Russians. Compare', *British Association for International and Comparative Education*, Vol. 37, 3, pp. 307–324. DOI: 10.1080/03057920701330180.
- Kappeler, A. (2014) 'Ukraine and Russia: Legacies of the imperial past and competing memories'. *University of Vienna, Austria, Journal of Eurasian Studies*, 5, pp. 107–115.
- Kurylo, B. (2016) 'Russia and Carl Schmitt: the hybridity of resistance in the globalised world', *Palgrave Communications*, 2, p. 96. DOI: 10.1057/palcomms.2016.96.
- Laclau, E. (2005) *On Populist Reason*. N. Y.: Verso.
- Laclau, E., Mouffe, C. (1985) *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. L., UK: Verso.
- Mouffe, C. (2009) *The Democratic Paradox*. N. Y.: Verso.
- Molchanov, M. A. (2015) 'Russia as Ukraine's 'Other': Identity and Geopolitics', in: *Ukraine and Russia: People, Politics, Propaganda and Perspectives*, edited by Agnieszka Pikulicka-Wilczewska & Richard Sakwa. Available at: URL: <https://ssrn.com/abstract=2650162>.
- Semenenko, I. (2013) 'The Quest for Identity: Russian Public Opinion on Europe and the European Union and the National Identity Agenda', *Perspectives on European Politics and Society*, 14 (1), pp. 102–122.

Статья поступила в редакцию: 13.10.2022

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 01.11.2022

Статья принята к печати: 10.11.2022

TV IMAGE OF UKRAINE AS A MIRROR OF THE RUSSIAN POLITICAL SELF AT THE FORMATION STAGE OF THE MODERN STATE IDENTITY POLICY

Iu. V. Sursanova

Iu. V. Sursanova, Master of Political Science, lecturer and PhD student for the Department of Polit. Science, Perm State University.

E-mail: giornata004@gmail.com (ORCID: 0000-0001-8481-8018. Researcher ID: AAJ-6816-2021).

Annotation

The mass protests in Russia in 2011-2012 prompted the authorities to search for what later became known as "spiritual bonds". One of the "spiritual bonds" is the idea of brotherhood with the post-Soviet peoples. Among them Ukraine and Belarus - are the closest choice, and if Belarus is relatively stable in relation to Russia, Ukraine is mobile. For now the Ukrainian theme dominates in television discourse. We can trace the role of the image of Ukraine at the formation stage of a modern communication strategy using content-analysis of news materials of one of the main conductors of the state identity politics - TV channel "Russia 1" at the break of the so-called "protest year" in December 2011 and December 2012. Everything is clear with the image of the enemy and the image of the partner on the Russia 1 TV channel in the year of protest: the United States and the collective West are the embodiment of everything insidious, wrong, China is a role model. The plots about Ukraine, on the other hand, reveal interesting indentitarian strategies and show the subtleties of the state political identity, raising such topics of Russian political identity as the influence of the West, the discourse of a lost power, and the European choice.

Keywords: Ukraine; Russian political identity; identity politics; Russia 1 TV channel; antagonistic discourse; significant other.

Acknowledgements: The article was prepared with the financial support of ANO EISI, grant No FSNF-2022-0038 "Ukraine as a determinant of Russian identity".

УДК-329(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-4-53-63

**ИСТОРИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА РЕГИОНОВ РОССИИ:
ИНСТРУМЕНТАРИЙ ДЛЯ АНАЛИЗА ГЕТЕРОГЕННОСТИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

И. К. Кирьянов, П. В. Панов

Кирьянов Игорь Константинович, доктор исторических наук, заведующий отделом по исследованию политических институтов и процессов, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Институт гуманитарных исследований УрО РАН.

E-mail: ikiryakov@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-2866-877x. ResearcherID: AАН-5458-2020).

Панов Петр Вячеславович, доктор политических наук, главный научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Институт гуманитарных исследований УрО РАН.

E-mail: panov.petr@gmail.com (ORCID: 0000-0002-0759-7618. ResearcherID: O-2160-2016).

Аннотация

Несмотря на характерную для современных государств тенденцию к гомогенизации политического пространства, кроссрегиональные различия сохраняются, а порой даже усиливаются. Перед исследователями встает вопрос, почему одни регионы почти не отклоняются от общенациональных политических тенденций, а в других складывается специфический электоральный ландшафт, возникают особые партийные системы, регионалистские партии. Объясняя эти различия, исследователи, как правило, обращаются к социально-экономическим, социокультурным, географическим и историческим особенностям регионов. При проведении large-N сравнительных исследований, которые требуют количественного измерения кроссрегиональных различий, наиболее проблематичным оказывается найти показатели, которые отражают историческую специфику регионов. В данной статье на основе методики, разработанной для сравнительного анализа регионов Западной Европы, предлагается оригинальная шкала для количественного измерения своеобразия истории регионов России – индекс специфики политической истории (ИСПИ). Данный инструмент протестирован на эмпирическом материале таких проявлений гетерогенности политического пространства России, как интенсивность регионализма в начале 1990-х гг. и гетерогенность партийно-электорального ландшафта в 2000-е гг. Анализ показывает, что история имеет значение, а предложенный индекс является перспективным инструментом для кроссрегиональных исследований.

Ключевые слова: регион; гетерогенность; регионализация; история; сравнительный анализ.

Несмотря на политическую централизацию, характерную для последних двух десятилетий, регионы России по-прежнему демонстрируют существенную гетерогенность в партийно-электоральных предпочтениях, в выражении региональной идентичности, во взаимодействиях с центром и т.д. Концептуально это отражается в таких категориях, как «регионализация» / «регионализм». Объясняя кроссрегиональные различия, исследователи, как правило, обращаются к социально-экономическим, социокультурным, географическим и историческим особенностям регионов. Применительно к анализу отдельных случаев (case-studies) связать политическую специфику региона с особенностями его экономики, культуры, истории и географии удается обычно без особых проблем, но для large-N кроссрегиональных сравнительных исследований необходимы универсальные, то есть общие для всех регионов индикаторы.

В отношении социально-экономических параметров множество показателей содержится в официальной статистике. Социокультурная специфика характеризуется, в первую очередь, этниче-

ским составом регионов. Особенности географии региона выражаются размерами его территории, расположением относительно государственных границ, природных объектов, центра страны. Сложнее соотнести регионы, исходя из особенностей их исторического развития. В данной статье предлагается оригинальная шкала для количественного измерения своеобразия политической истории регионов России. Она фиксирует, разумеется, далеко не все грани исторической специфики регионов, а связанные исключительно с феноменом государственности, что представляется значимым с позиции потенциального воздействия на современные политические процессы. На основе этого инструментария измерена специфика политической истории всех регионов России и протестировано, какое влияние она оказывает на кроссрегиональную гетерогенность.

Политическое пространство в современном государстве: «национализация versus регионализация»

В идеально-типическом смысле современная форма политий – «национальное государство» (nation-state) основывается на моноцентричности: в рамках определенной территории существует единый центр власти. Э. Шилз, описывая этот феномен в своей знаменитой работе, подчеркивает, что такой центр, исключая все прочие властные центры, «господствует над периферией и пропитывает ее – во всяком случае, он стремится к этому и в известной степени добивается успеха» (Шилз, 1972: 349–350). Действительно, общепризнано и эмпирически доказано, что в ходе своего становления (state-building) государства стремились к гомогенизации и унификации политического пространства (Мелешкина, 2010: 9–14). В частности, важным проявлением этого было формирование общенациональных политических партий (state-wide parties) и тенденция к «национализации партийных систем», то есть к кросстерриториальной гомогенизации голосования за общенациональные партии (Caramani, 2004).

Тем не менее, оговорка Э. Шилза «в известной степени» не случайна, поскольку моноцентричность nation-states – идеально-типическая характеристика, и гомогенизация политического пространства – всего лишь тенденция, которой противостоит тренд к сохранению и воспроизведению региональных различий. Вследствие этого в современных государствах в той или иной мере сохраняется гетерогенность политического пространства, которая может проявляться в самых разных формах: территориальные особенности в поддержке национальных политических партий, сохранение интенсивной субнациональной идентичности (региональной, локальной), создание субнациональных (non-state-wide) партий и движений и т.п. В противовес категории «национализация» все эти разнообразные проявления гетерогенности можно обозначить термином «регионализация». Особая форма регионализации – регионализм, понимаемый как выдвижение политическими акторами таких требований, как получение автономии или особого статуса, повышение качества его реализации, предоставление региону особых полномочий и участия в принятии решений в какой-то конкретной сфере политики, особенно чувствительной для данного региона и т.д. (Кириянов, Панов, 2022: 68–69)¹. Зачастую регионализм связан с партийно-электоральной регионализацией, но далеко не всегда: с одной стороны, не все региональные партии выдвигают регионалистские требования, а с другой – регионалистское движение может существовать в иных формах, чем политические партии.

Таким образом, определенная гетерогенность политического пространства – само по себе «нормальное» состояние современных политий, вопрос в другом: почему одни регионы почти не отклоняются от общенациональных политических тенденций, а в других складывается специфический партийно-электоральный ландшафт, возникают особые партийные системы, регионалистские партии. Иначе говоря, в центре внимания оказывается проблема вариативности как степени, так и форм регионализации в кроссрегиональном измерении.

Основополагающее значение для исследований данной проблемы имеют работы С. Роккана, который, проанализировав под углом зрения концепции «центр – периферия» становление современных западноевропейских государств, выделил три группы факторов, благоприятствующих сохранению регионом политической специфики (distinctiveness): периферийность географического положения, социокультурные особенности и исторический опыт наличия собственных политических институтов (Rokkan, 1973; Rokkan & Urwin, 1983). В том или ином варианте идеи С. Роккана воспроизводятся большинством исследователей. Дополнительно к географическим, культурным и историческим факторам регионализации обычно добавляют экономическую специфику региона, имея в виду не

¹ У термина «регионализм» есть и другие коннотации (Панов, 2020).

только и даже не столько отраслевую специализацию, сколько уровень экономического развития относительно страны в целом¹.

Различные проявления регионализации активно исследуются применительно к российским реалиям рубежа XX–XXI вв. Интерес к этой теме вызван всплеском регионалистских движений после распада СССР, что в первую очередь было характерно для «национальных республик» (Gorenburg, 1999; Treisman, 1997 и др.), впрочем, регионалистские проекты возникали и в «неэтнических регионах» - областях и краях РФ (Sakwa, 1999; Herrera, 2005). Кроме того, в 1990-е гг. регионы демонстрировали мощные партийно-электоральные различия, во многих субъектах РФ возникали региональные партии, а где-то и специфические партийные системы, как это было в Свердловской области. Правда, после того как законодатель потребовал от партий иметь региональные отделения в не менее чем половине субъектов РФ, региональные партии в России исчезли, а по мере выстраивания вертикали власти значительно возросла степень национализации партийной системы (Golosov, 2015; Panov & Ross, 2018). Однако кроссрегиональные вариации в голосовании, а если подходить более широко, то и в региональных политических режимах, сохраняются, являясь предметом многих исследований (см., например, Гайворонский, 2015; Туровский, 2012; Ross, 2011; Saikkonen, 2016 и др.).

Вместе с тем, обращает на себя внимание то, что, в отличие от регионализации в зарубежных странах, в сравнительных исследованиях по российским регионам акцент делается преимущественно на социокультурных и социально-экономических (реже на географических) факторах. Историческая специфика регионов России, разумеется, рассматривается как значимый фактор и активно привлекается для объяснения отдельных случаев, но практически отсутствует в large-N исследованиях кроссрегиональных вариаций.

Как измерить историческую специфику регионов России

В зарубежных кроссрегиональных сравнительных исследованиях накоплен значительный опыт измерения исторической специфики регионов. Так, адаптируя идеи С. Роккана к изучению многоуровневой политики (multilevel governance) и к разработке «индекса власти регионов» (Regional Authority Index), Л. Хуг и Г. Маркс выделили три «ресурса» сопротивления гомогенизации и сохранения региональной специфики: языковая и религиозная самобытность региона, удаленность его от центра и наличие у региона политической самостоятельности в прошлом. В качестве операционального индикатора для последнего они предложили следующее: с XIII столетия (когда в Западной Европе складывались централизованные государства) регион в течение длительного времени (не менее 30 лет) был самостоятельным государственным образованием или частью другого независимого государства (Hooghe & Marks, 2016: 73).

Значимость исторической специфики регионов учитывается и в работах, посвященных различным аспектам этнорегиональных конфликтов. Достаточно часто используется такой показатель, как опыт автономии. Э. Дженне и ее соавторы обнаружили, что если этническая группа имела в прошлом территориальную автономию, то это (наряду с другими факторами) позитивно влияет на формулирование более радикальных регионалистских требований (Jenne et al., 2007). Развивая эту тему, Д. Сироки и Д. Каффи доказали, что наиболее склонны к сепаратизму не те регионы, которые обладают автономией в настоящее время, а именно те, которые имели автономию в прошлом, но затем она была по разным причинам утрачена (Siroky & Cuffe, 2015).

Другие авторы фокусируются на наличии у региона в прошлом собственной государственности. Д. Соренс, исследуя факторы регионализма и сепаратизма, выяснил, что имеет значение «история независимости»: провозглашал ли регион себя как независимое государство или был столичной провинцией независимого государства в период после заключения Вестфальского мира в 1648 г. (Sorens, 2005). М. Род и его соавторы, анализируя влияние финансовой автономии на силу сепаратистских партий, также учитывали политико-историческую специфику региона: был ли он в прошлом самостоятельным государством или политически автономной территорией. Как и Д. Соренс, эти исследователи обнаружили статистически значимое позитивное влияние исторического фактора на силу сепаратизма (Rode et al., 2018).

Наиболее развернутый подход к учету исторической специфики регионов содержится в работах Р. Фитьяра, который стремился выявить, какие характеристики регионов влияют на интенсив-

¹ При этом идет дискуссия, что именно – относительная отсталость или, напротив, успешность – способствуют тенденции к регионализации (См, например, Cartrite & Miodownik, 2016; Sorens, 2008).

ность региональной идентичности в 13 западноевропейских странах (Fitjar, 2010). Рассматривая «историю политической независимости и автономии» региона в качестве одного из факторов, он разработал индекс исторического суверенитета («*historical sovereignty index*»). Индекс принимает значение от «0» до «3», поскольку представляет собой сумму трех компонентов, каждый из которых кодируется дихотомически. Значение «1» присваивается в тех случаях, когда регион: 1) не входил в состав государства при его образовании; 2) не входил в состав государства на протяжении всего XX столетия; 3) в прошлом был независимым государством¹. Несмотря на то, что количественный анализ не показал статистически значимого влияния индекса на интенсивность региональной идентичности, композитная кодировка, разработанная Р. Фитъяром, имеет преимущества перед другими, поскольку учитывает сразу несколько важных параметров специфики политической истории регионов.

Для того, чтобы применить данный подход к отечественному материалу, необходимо, прежде всего, зафиксировать, что именно считать «образованием государства». Формирование государства, очевидно, представляет собой длительный процесс, но для кодировки специфики политической истории регионов нужно выбрать какую-то реперную точку, на которой основывается шкала измерений. В качестве таковой взят 1521 г., когда Рязанское княжество окончательно подчинилось Московскому княжеству, что фактически завершило процесс объединения русских земель, то есть территориально сложилось «историческое ядро» Российского государства (Туровский, 1999: 92–93). Таким образом, первый критерий – входил ли регион в состав России в 1521 г. (в «историческое ядро») ².

Для тех 55 субъектов РФ, территории которых не входили в «историческое ядро», применяется второй критерий, также заимствованный у Р. Фитъяра: имел ли регион собственную государственность до того, как вошел в состав России. Этот критерий представляется особенно важным для политической истории регионов, и ему следует придать больший вес (значение «2»), чем предыдущему. Вместе с тем, его кодировка требует особой тщательности. Во-первых, очевидно, что просто вхождение территории современного субъекта РФ в состав какого-либо государства не является признаком собственной государственности. Так, территории современных Пензенской и Ульяновской областей были в составе Казанского ханства, Волгоградской – Астраханского ханства, Курганской – Сибирского ханства и тому подобное. О наличии собственной государственности имеет смысл говорить лишь тогда, когда территория региона была ее центром («ядром») или одним из центров. Например, Татарстан – ядро Казанского ханства, Астраханская область – ядро Астраханского ханства, Дагестан и Чечня – центры Северо-Кавказского имамата.

Во-вторых, само понятие государственности, как известно, является довольно размытым, так что в ряде случаев весьма затруднительно говорить, было ли некое политическое образование «государством» или «протогосударством» (например, племенным союзом). Поэтому при кодировке данного критерия значение «2» присваивалось лишь тем регионам, где до вхождения в состав России были политические образования с явными признаками государственности: уже упомянутые Казанское, Астраханское, Сибирское ханства и Северо-Кавказский имамат, а также Кабарда, Пруссия (для Калининградской области), Алания (для Северной Осетии). В остальных случаях данному параметру присваивалось значение «1»: Калмыцкое ханство, Хонгорай для Хакасии. В результате из тех регионов, территории которых не входили в «историческое ядро», 4 получили значение «1» и 9 – «2».

Третий параметр Р. Фитъяра («регион не входил в состав государства на протяжении всего XX столетия»), на наш взгляд, следует расширить за рамки XX в., и этот критерий сформулирован следующим образом: выходил ли регион из состава России и длительное время находился ли в составе другого государства³. Ввиду того, что данный признак также представляется весьма важным для политической истории, ему, как и предыдущему, придавался повышенный вес (значение «2»). Всего это значение получили 13 субъектов РФ, например, Калининградская область (ее территория впервые вошла в состав России после Семилетней войны, но затем была потеряна вплоть до 1945 г.), Амурская область и Еврейская АО (по Нерчинскому договору 1689 г. эти территории отошли к Китаю, вернулись в состав России только в 1858 г. по Айгунскому договору), Крым и Севастополь (были в составе Украины в 1991–2014 гг.) и т.д.

Дополнительно к этим трем разработаны еще два критерия, которые, как представляется, имеют существенное значение для политической истории российских регионов. Во-первых, специ-

¹ В упрощенном виде подход Р. Фитъяра используется и другими исследователями (см., например, Massetti & Schakel, 2016).

² При кодировке по всем параметрам использованы разнообразные справочные материалы, в том числе картографические источники информации, в частности проект «Runivers.ru – Россия в подлиннике» [Электронный ресурс]. URL: <https://runivers.ru/about/ru/> (дата обращения: 12.06.2022). Описание проекта см.: Фролов, 2017.

³ Не учитываются кратковременные периоды, когда, например, во время войны регион был оккупирован и т.п.

фическим периодом является гражданская война 1918–1922 гг., в ходе которой на территории страны возникали разные государственные образования. Несмотря на краткосрочность этого периода, потенциально наличие у региона опыта такой государственности, на наш взгляд, следует учитывать, разумеется, в том случае, когда центр современного субъекта РФ был «ядром» такой государственности: Архангельск – для Северной России, Екатеринбург – для Уральской республики и др. (всего 19 регионов).

Во-вторых, с точки зрения политико-административной истории России представляется важным учесть, насколько в регионе сильна традиция самостоятельного политико-административного статуса. Операционально это определялось на основе ответа на вопрос, обладал ли центр современного субъекта РФ «столичным статусом» (центр губернии, области и т.п.) до 1917 г. Соответственно, значение «1» по данному критерию присвоено 51 региону.

Таким образом, итоговый индекс специфики политической истории регионов РФ (*ИСПИ*) принимает значения от «0» до «7». Очевидно, он не является «всеобъемлющим», поскольку фиксирует лишь несколько параметров исторического развития регионов – те, которые непосредственно связаны с историей их прежней государственности. Однако вследствие того, что именно государственность в эпоху современности имеет ключевое значение для институционализации политического порядка, эти параметры представляются наиболее значимыми для спецификации политической истории регионов России.

История имеет значение?

Влияние исторического фактора на регионализацию политического пространства в постсоветской России было протестировано на примере регионалистских движений начала 1990-х гг. и специфики партийно-электорального ландшафта регионов в 2000-е гг.

Подъем регионализма в начале 1990-х гг. был вызван процессами распада Советского Союза и борьбой между двумя центрами. В большинстве случаев это был «регионализм элит», когда власти регионов, пользуясь слабостью центра, выступали с регионалистскими требованиями (Goode, 2010: 238). Степень активности региональных элит существенно различалась, и для ее измерения использованы два показателя. Применительно к этническим республикам Д. Трейсман и Э. Джулиано разработали соответственно «индекс сепаратистского активизма» (Treisman, 1997) и «индекс сепаратизма» (Giuliano, 2006), в которых суммируются такие проявления регионалистских / сепаратистских настроений, как принятие декларации о суверенитете, введение должности президента, принятие конституции и т.д. Позднее А. Щербак, основываясь на той же методологии, обновил и уточнил значения данных индексов (Shcherbak, 2015). Для настоящего исследования сначала были рассчитаны средние значения всех трех этих вариантов, а затем они были нормированы от 0 до 1. Для неэтнических регионов (области и края РФ) за основу был взят «индекс регионального активизма» Й. Херреры, где также фиксируются такие параметры, как принятие декларации о повышении статуса региона, проведение референдума и т.д. (Herrera, 2005: 31–35). Значения индекса были проверены и в ряде случаев скорректированы¹. Далее по аналогии с этническими республиками они были нормированы, что позволило скомбинировать итоговый показатель «сила регионализма в начале 1990-х гг.» (*ИСП-90*).

Что касается специфики партийно-электорального ландшафта, она обычно измеряется через «индекс непохожести» (index of dissimilarity), представляющий собой сумму модулей разницы между результатами каждой партии / кандидата в регионе и по стране в целом (Schakel, 2013; Cartrite & Miodownik, 2016). В качестве эмпирического материала использованы результаты президентских выборов 2008, 2012 и 2018 гг. Поскольку подавляющее большинство голосов во всех регионах были отданы за кандидатов-инкубентов, расчет индекса был упрощен: учитывалось только голосование за кандидатов-инкубентов, из результата кандидата-инкубента в регионе вычитался результат по РФ (в процентах), затем он был взят по модулю, и для каждого субъекта РФ рассчитано среднее значение модулей по трем циклам – «специфика голосования за президента» (*СПП*).

Корреляционная матрица значений индексов *ИСПИ*, *ИСП-90* и *СПП* представлена в табл. 1, а на ящичных диаграммах (рис. 1 и 2) показаны распределения значений *ИСП-90* и *СПП* во взаимосвязи со значениями индекса специфики политической истории региона.

¹ Например, Пермский, Курганский и Оренбургский областные советы на первых порах поддержали идею Уральской республики, но декларации по данному поводу не принимались и референдумы не проводились.

**Корреляционная матрица значений индексов специфики политической истории
и регионализации**

Индексы	ИСП-90	СГП
ИСПИ	0,279** (0,011)	0,468*** (0,000)
ИСП-90	--	0,225** (0,043)

** . Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).
*** . Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

В целом, между всеми показателями обнаруживается положительная корреляция – средняя по силе, но статистически значимая на уровне как минимум 0,05. Наиболее сильная связь наблюдается между исторической спецификой и особенностями голосования в регионе. Как хорошо видно на ящичных диаграммах, электоральная специфика регионов существенно возрастает при значениях ИСПИ «4» и выше, однако в случае с регионализмом в 1990-е гг. заметная взаимосвязь наблюдается только при значениях индекса исторической специфики выше «4». Весьма существенно различается перечень отклонений. По ИСП-90 наиболее сильные девиации демонстрируют несколько неэтнических областей, не имеющих существенной исторической специфики, где в начале 1990-х гг. власти очень активно выступали с регионалистскими требованиями: Вологодская (на рис. 1 под № 13), Свердловская (62), Челябинская (79). Наряду с ними особо выделяется Татарстан (68). По СГП, наоборот, девиантными случаями оказываются этнические регионы. В большинстве из них инкументы традиционно получают экстремально высокие результаты, и это не связано со спецификой политической истории: Ингушетия (19), Карачаево-Черкесия (26) Мордовия (41) ЯНАО (84).

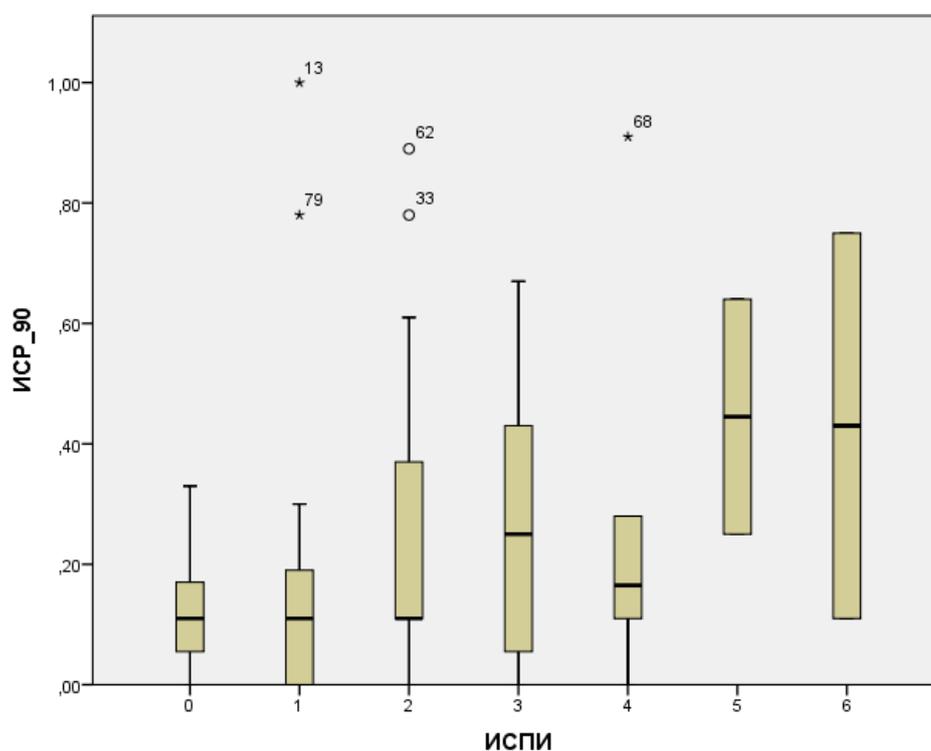

Рис. 1. Распределение значений ИСП-90 в зависимости от значений индекса специфики политической истории региона

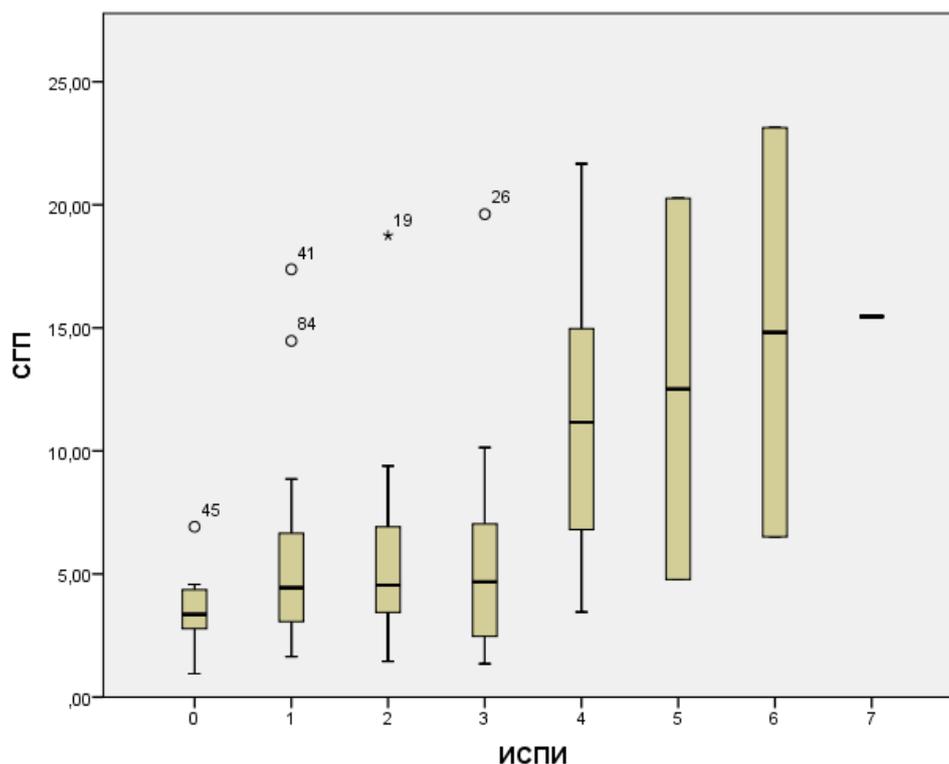

Рис. 2. Распределение значений СГП в зависимости от значений индекса специфики политической истории региона

Таким образом, взаимосвязи специфики политической истории и проявлений регионализации не слишком сильны, однако в обоих случаях определенная тенденция прослеживается. При этом очевидно, что историческая специфика – отнюдь не единственный фактор регионализации, ее следует рассматривать в комбинации с другими, поэтому были протестированы регрессионные модели, где зависимыми переменными выступают все те же показатели регионализации (ИСР-90 и СГП), но в качестве предикторов наряду с ИСПИ взяты показатели, характеризующие социально-экономическую, социокультурную и географическую специфику регионов.

Для измерения географической специфики региона использованы три индикатора: *удаленность* (расстояние между центром региона и Москвой в тыс. км), *размер* (доля региона в территории страны в процентах), а также композитный *геоиндекс* (сумма трех параметров, закодированных дихотомически: пограничный регион, изолированный (остров или эксклав) и прибрежный). Социокультурная специфика региона измерена на основе данных переписей 2002 г. (для модели с ИСР-90) и 2010 г. (для СГП): рассчитаны и взяты по модулю отклонения по доле русских в населении субъекта РФ от общероссийских значений (в процентах)¹.

Для социально-экономических факторов регионализации ключевое значение имеют не столько макроэкономические показатели (валовой региональный продукт, объем инвестиций и тому подобное), сколько уровень жизни населения, своего рода «уровень благополучия региона». Поэтому для модели с СГП был рассчитан «уровень бедности»: модуль отклонения по доле населения в регионе с доходами ниже прожиточного минимума от общероссийских значений (в процентах)². Для начала 1990-х гг., однако, этот индикатор отсутствует в официальной статистике, поэтому в модели с ИСР-90 были использованы данные по среднему душевому доходу населения («уровень доходов»). Но поскольку субъекты РФ существенно различаются по уровню цен, данные по доходам сами по себе некорректны для кроссрегионального сравнения. Поэтому они были трансформированы следующим образом: были взяты значения среднедушевых доходов населения в регионах за два года: 1995 и 1990

¹ Всероссийская перепись населения 2002 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (дата обращения: 12.04.2022). Всероссийская перепись населения 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 12.04.2022).

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. Табл. 4.19. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума.

гг.¹, они были взвешены общероссийскими значениями, и полученные в результате взвешивания значения за 1995 г. были разделены на значения за 1990 г. Такой динамический показатель позволяет не только нивелировать влияние разницы в ценах, но и сравнить субъекты РФ с точки зрения динамики их социально-экономического развития в условиях острого кризиса начала 1990-х гг.

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа

Индексы	ИСР-90	СГП
	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)
ИСПИ	0,045* (0,025)	0,780** (0,345)
Удаленность	0,001 (0,013)	0,184 (0,199)
Размер	0,023* (0,012)	-0,094 (0,175)
Геоиндекс	-0,067 (0,044)	0,388 (0,659)
Социокультурная специфика	0,004** (0,002)	0,146*** (0,029)
Уровень доходов	0,433*** (0,172)	
Уровень бедности		0,113 (0,133)
Константа	-0,294 (0,155)	1,075 (0,788)
Скоррект. R ²	0,269	0,476
N	71	84
Sig.	*p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01	

Результаты тестирования регрессионных моделей, представленные в табл. 2, показывают, что для модели с ИСР-90 статистически значимые и положительные коэффициенты имеют все 4 группы факторов (из географических – только размер региона). Иначе говоря, к регионализму в начале 1990-х гг. были склонны относительно успешные в экономическом отношении регионы, относительно большие по территории и обладающие спецификой как в социокультурном отношении, так и в плане своей политической истории. Все это соответствует теоретическим ожиданиям. Примечательно, что, как показывают значения Бета-коэффициентов, все четыре компонента вносят примерно одинаковый «вклад» в силу регионализма, правда, в целом модель объясняет примерно четверть вариаций.

Что касается гетерогенности партийно-электорального ландшафта, объяснительная сила модели существенно выше (около половины вариаций), однако статистически значимыми являются лишь исторический и социокультурный факторы, причем их воздействие оказалось достаточно сильным. Увеличение индекса специфики политической истории на единицу приводит к возрастанию отклонения в голосовании за кандидатов-инкумбентов на президентских выборах на 0,78 п.п., а увеличение отклонения по доле русских в населении региона от общероссийского значения на 1 п.п. дает прирост отклонения в голосовании за кандидатов-инкумбентов на президентских выборах на 0,15 п.п. Несмотря на то, что историческая и социокультурная специфика взаимосвязаны (многие этнические регионы обладают выраженной исторической спецификой), эта связь не слишком сильна (значение коэффициента корреляции составляет 0,308), и мультиколлинеарность в данной модели отсутствует. При этом географические и социально-экономические особенности регионов не оказывают существенного влияния на специфику партийно-электорального ландшафта.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: стат. сб. / Госкомстат России. М., 2002. Табл. 4.2. Среднедушевые денежные доходы населения. По части регионов данные (автономные округа, в том числе бывшие, а также Чечня, Ингушетия) статистика в 1990-е гг. отсутствует.

* * *

Регионализация политического пространства, которая сохраняется даже в условиях политической централизации, дает богатый эмпирический материал для сравнительных исследований. Исходя из современных представлений, объяснение кроссрегиональных различий требует учета не только социально-экономических, социокультурных, географических, но и исторических особенностей регионов, и для их измерения сконструирован индекс специфики политической истории (ИСПИ).

Как и любой другой инструмент для количественных large-N исследований, этот индекс не является совершенным, схватывая лишь некоторые аспекты и тем самым упрощая специфику исторического развития регионов. Однако, как показало тестирование ИСПИ на эмпирическом материале таких проявлений регионализации политического пространства, как интенсивность регионализма и гетерогенность партийно-электорального ландшафта, история все же имеет значение, а предложенный индекс представляется перспективным инструментом для использования в дальнейших исследованиях.

Список литературы / References

- Гайворонский, О. Ю. (2015) 'Региональные политические режимы в России: концептуальные новации и возможности измерения', *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, 2, сс. 21–37. [Gayvoronskiy, O. Y. (2015) 'Regional Political Regimes in Russia: Conceptual Innovations and Measurement Possibilities' [Regional'nye politicheskie rezhimy v Rossii: konceptual'nye novacii i vozmozhnosti izmereniya], *Politeia*, 2, pp. 21–37. (In Russ.)].
- Кириянов, И. К., Панов, П. В. (2022) 'Регионалистские проекты в неэтнических регионах России: акторы, легитимация, эффективность', *Полис. Политические исследования*, 1, сс. 67–85. [Kiryanov, I. K., Panov, P.V. (2022) 'Regionalist projects in non-ethnic regions of Russia: actors, legitimation, effectiveness' [Regionalistskie proekty v neetnicheskikh regionah Rossii: aktory, legitimaciya, effektivnost'], *Polis – Political Studies*, 1, pp. 67–85. (In Russ.)].
- Мелешкина, Е. Ю. (2010) 'Формирование государств и наций в условиях этнокультурной разнородности: теоретические подходы и историческая практика', *Политическая наука*, 1, сс. 8–28. [Meleshkina, E. Y. (2010) 'Formation of States and Nations in Conditions of Ethnocultural Diversity: Theoretical Approaches and Historical Practice' [Formirovanie gosudarstv i nacij v usloviyah etnokul'turnoj raznorodnosti: teoreticheskie podhody i istoricheskaya praktika], *Political Science*, 1, pp. 8–28. (In Russ.)].
- Панов, П. В. (2020) 'Многоликий регионализм', *Вестник Пермского университета. Политология*, 1, сс. 102–115. [Panov, P. V. (2020) 'Multifaceted Regionalism' [Mnogolikij regionalizm], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 1, pp. 102–115. (In Russ.)].
- Туровский, Р. Ф. (2012) 'Электоральное пространство России: от навязанной национализации к новой регионализации?', *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, 3, сс. 100–120. [Turovskiy, R. F. (2012) 'Electoral Space of Russia: From Imposed Nationalization to New Regionalization' [Elektoral'noe prostranstvo Rossii: ot navyazannoj nacionalizacii k novoj regionalizacii], *Politeia*, 3, pp. 100–120. (In Russ.)].
- Туровский, Р. Ф. (1999) *Политическая география*. Москва–Смоленск: Изд. СГУ. [Turovskiy, R. F. (1999) *Political Geography* [Politicheskaya geografiya]. Moscow–Smolensk: SSU. (In Russ.)].
- Фролов, А. А. (2017) 'Динамическая карта как основа исторической карты в среде ГИС', *Историческая информатика*, 2, сс. 61–73. [Frolov, A. A. (2017) 'Dynamic map as the basis of a historical map in a GIS environment' [Dinamicheskaya karta kak osnova istoricheskoy karty v srede GIS], *Historical Computer Science*, 2, pp. 61–73. (In Russ.)].
- Шилз, Э. (1972) 'Общество и общества: макросоциологический подход', *Американская социология: Перспективы, проблемы, методы*. Москва: Прогресс, сс. 341–378. [Shils, E. (1972) 'Society and Societies: A Macrosociological Approach' [Obshchestvo i obshchestva: makrosotsiologicheskij podhod], *Amerikanskaya sociologiya: Perspektivy, problemy, metody*. Moscow: Progress, pp. 341–378. (In Russ.)].

- rosociologicheskij podhod], *American Sociology: Perspectives, Problems, Approaches*. Moscow: Progress, pp. 341–378. (In Russ.).
- Caramani, D. (2004) *The Nationalization of Politics: The Formation of National Electorates and Party Systems in Western Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Cartrite, B., Miodownik, D. (2016) ‘Determinants of Regional Political Distinctiveness’, *Nationalism and Ethnic Politics*, 22 (2), pp. 119–148,
- Fitjar, R. (2010) ‘Explaining variation in sub-state regional identities in Western Europe’, *European Journal of Political Research*, 49 (4), pp. 522–544.
- Giuliano, E. (2006) ‘Secessionism from the Bottom Up: Democratization, Nationalism, and Local Accountability in the Russian Transition’, *World Politics*, 58 (1), pp. 276–310.
- Golosov, G. (2015) ‘The idiosyncratic dynamics of party system nationalization in Russia’, *Post-Soviet Affairs*, 31 (5), pp. 397–419.
- Goode, P. (2010) ‘The fall and rise of regionalism?’, *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 26 (2), pp. 233–256.
- Gorenburg, D. (1999) ‘Regional Separatism in Russia: Ethnic Mobilisation or Power Grab?’, *Europe-Asia Studies*, 51 (2), pp. 245–274.
- Herrera, Y. (2005) *Imagined Economies. The Sources of Russian Regionalism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hooghe, L., Marks, G. (2016) *Community, Scale, and Regional Governance. Vol. 2*. Oxford: Oxford University Press.
- Jenne, E., Saideman, S., Lowe, W. (2007) ‘Separatism as bargaining posture: The role of leverage in minority radicalization’, *Journal of Peace Research*, 44 (5), pp. 539–558.
- Masseti, E., Schakel, A. (2016) ‘Between autonomy and secession: Decentralization and regionalist party ideological radicalism’, *Party Politics*, 22 (1), pp. 59–79.
- Panov, P., Ross, C. (2018) ‘The dynamic nationalisation of voting for United Russia: the stability / instability of regional deviations from national results’, *East European Politics*, 34 (1), pp. 97–114.
- Rode, M., Pitlik, H., Borrella-Mas, M. A. (2018) ‘Does Fiscal Federalism Deter or Spur Secessionist Movements? Empirical Evidence from Europe’, *Publius. The Journal of Federalism*, 48 (2), pp. 161–190.
- Rokkan, S., Urwin, D. (1983) *Economy, Territory, Identity: Politics of West European Peripheries*. London: Sage.
- Rokkan, S. (1973) ‘Cities, States and Nations: A Dimensional Model for the Study of Contrasts in Development’, *Building states and nations: Models and data resources. Vol. 1*. London: Sage, pp. 73–91.
- Ross, C. (2011) ‘Regional Elections and Electoral Authoritarianism in Russia’, *Europe-Asia Studies*, 63 (4), pp. 641–662.
- Saikkonen, I. (2016) ‘Variation in Subnational Electoral Authoritarianism: Evidence from the Russian Federation’, *Democratization*, 23 (3), pp. 437–458.
- Sakwa, R. (1999) ‘The Republicanization of Russia: Federalism and Democratization in Transition I’, *Politics at the Edge. The PSA Yearbook 1999*. Palgrave Macmillan, pp. 215–226.
- Schakel, A. (2013) ‘Nationalisation of Multilevel Party Systems: A Conceptual and Empirical Analysis’, *European Journal of Political Research*, 52 (2), pp. 212–236.
- Shcherbak, A. (2015) ‘Nationalism in the USSR: A Historical and Comparative Perspective’, *Nationalities Papers*, 43 (6), pp. 866–885.
- Siroky D., Cuffe J. (2015) Lost autonomy, nationalism and separatism’, *Comparative Political Studies*, 48 (1), pp. 3–34.
- Sorens, J. (2005) ‘The cross-sectional determinants of secessionism in advanced democracies’, *Comparative Political Studies*, 38 (3), pp. 304–326.
- Sorens, J. (2008) ‘Regionalists Against Secession: The Political Economy of Territory in Advanced Democracies’, *Nationalism and Ethnic Politics*, 14 (3), pp. 325–360.
- Treisman, D. (1997) ‘Russia's “Ethnic Revival”: The Separatist Activism of Regional Leaders in a Postcommunist Order’, *World Politics*, 49 (2), pp. 212–249.

Статья поступила в редакцию: 30.06.2022

Статья принята к печати: 05.10.2022

HISTORICAL SPECIFICITY OF RUSSIAN REGIONS: AN INSTRUMENT FOR THE ANALYSIS OF POLITICAL SPACE HETEROGENEITY

I. K. Kiryanov, P. V. Panov

I. K. Kiryanov, Dr. Sci. (History),
Perm Federal Research Center, Ural Branch, RAS.
E-mail: ikiryanov@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-2866-877x. ResearcherID: AAH-5458-2020).

P. V. Panov, Dr. Sci. (Political Science),
Perm Federal Research Center, Ural Branch, RAS.
E-mail: panov.petr@gmail.com (ORCID: 0000-0002-0759-7618. ResearcherID: O-2160-2016).

Abstract

Despite the trend toward homogenization of the political space, which serves as characteristic of modern nation-states, cross-regional differences persist, and sometimes even intensify. For that reason, the question arises why some regions almost do not deviate from national political trends, while in others a specific electoral landscape, special party systems, regionalist parties develop. Explaining these differences, researchers, as a rule, rely on social-economic, cultural, geographical and historical features of the regions. At the same time, large-N comparative studies require the quantitative measurement of cross-regional differences, and it is most problematic to find indicators that reflect the historical specificity of the regions. In the article, based on a tool developed for the comparative analysis of Western European regions, an original scale is proposed for quantitative measurement of the uniqueness of the history of Russian regions - the index of the specifics of political history (ISPI). This instrument is tested on the empirical material of such manifestations of the heterogeneity of the Russian political space as the intensity of regionalism in the early 1990s and the heterogeneity of the party-electoral landscape in 2000s. The analysis finds that history matters, and the proposed index is a promising tool for cross-regional comparative studies.

Keywords: region; heterogeneity; regionalization; history; comparative analysis.

УДК-323(470.53)

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-4-64-72

ГОРИЗОНТАЛЬНАЯ VS ВЕРТИКАЛЬНАЯ СТРУКТУРА: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВОЛОНТЕРСКИХ ДВИЖЕНИЙ В ПЕРМСКОМ КРАЕ В ПЕРИОД COVID-19

Э. И. Асхадуллина, Д. А. Кононов, М. И. Куличкова, А. К. Михеев, М. П. Романов

Асхадуллина Эльза Ильдаровна, студент бакалавриата, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет.
E-mail: elzakoyoto@gmail.com (ORCID: 0000-0001-9239-7356).

Кононов Дмитрий Александрович, студент бакалавриата, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет.
E-mail: d359039@gmail.com (ORCID: 0000-0002-4770-0448).

Куличкова Мария Игоревна, студент бакалавриата, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет.
E-mail: mkulickova26@gmail.com (ORCID: 0000-0002-0603-2818).

Михеев Андрей Константинович, аспирант, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет.
E-mail: andreymikheev17@gmail.com (ORCID: 0000-0001-6179-2505).

Романов Марк Павлович, студент бакалавриата, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет.
E-mail: ermolinmarck@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-0991-4250).

Аннотация

В 2020 г. весь мир столкнулся с пандемией COVID-19 и ее последствиями. На помощь пришли волонтерские движения, поддерживаемые государством, и независимые гражданские объединения. Добровольцы сыграли значительную роль в поддержке граждан в эпоху коронавируса, но встает вопрос: каким образом они достигли своей эффективности и что на это повлияло? Научные исследования дают разные определения эффективности. Авторы статьи уделяют особое внимание структуре волонтерских движений, финансовым показателям и достижениям поставленных целей. На основе нормативных документов и интервью была проанализирована деятельность пермской организации «SOСеди» и регионального отделения #МыВместе. Авторы пришли к выводам, что у организаций различная структура, которая влияет на деятельность, результаты и эффективность.

Ключевые слова: пандемия; волонтерское движение; социальный капитал; социальные связи.

Мировая пандемия COVID-19 стала серьезным испытанием для всего человечества. Она вызвала проблемы во всех сферах жизнедеятельности общества. COVID-19 унес жизни более 6 млн чел. по всему миру к 1 апреля 2022 г.¹, а в России – 360 тыс. чел.². К тому же, эксперты не доверяли статистике в начале пандемии и считали, что показатели заболеваемости и смертности от COVID-19 занижены Росстатом³. В 2020 г. смертность в России выросла на 17,4 % относительно 2019 г., а корона-

© Асхадуллина Э. И., Кононов Д. А., Куличкова М. И., Михеев А. К., Романов М. П., 2022

¹ Worldometers.info [электронный ресурс]. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus/> (дата обращения: 25.05.2022).

² Worldometers.info. Russia [электронный ресурс]. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus/country/russia/> (дата обращения: 25.05.2022).

³ Левада-центр. Большинство российских властей не доверяют официальной статистике по коронавирусу. [электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2020/07/07/bolshinstvo-rossijskih-vrachej-ne-doverayut-ofitsialnoj-statistike-po-koronavirusu/> (дата обращения: 25.05.2022). АНО «Аналитический центр Юрия Левады» внесена Минюстом РФ в реестр иностранных агентов 05.09.2016 г.

вирус стал причиной 31% избыточной смертности в стране¹. Все это указывает на то, что пандемия непосредственно угрожает жизни и здоровью людей.

Безусловно, пандемия, негативно повлияла и на экономическую ситуацию в мире². Активно снижался валовый внутренний продукт (ВВП). По данным МВФ в 2019 г. ВВП РФ составлял 1,69 трил. \$, а в 2020 г. ВВП – 1,48 трил \$³. Ухудшение экономической ситуации непосредственно сказывается на обычных гражданах. Так, каждый третий респондент считает ухудшение экономического положения семей, снижение объема денежных сбережений, рост безработицы максимальным риском для себя (Торкунов, 2021). В семьях без детей бедность до пандемии была не так высока (3,8%), однако в период кризиса выросла более чем в 2 раза (Плаксин, Жулин, Фаризова, 2021). ООН ожидает существенного роста масштабов нищеты среди работающего населения, поскольку «проблемы с доходами, проистекающие из снижения экономической активности, приведут к разорению работников, живущих за чертой бедности»⁴. По оценкам МОТ, в мировом масштабе число людей, которые пополнят ряды работающих малоимущих, составит от 8,8 до 35 млн. При этом изначально прогнозировалось, что в 2020 г. этот показатель, наоборот, снизится на 14 млн⁵. Все вышеперечисленные факты доказывают экономические трудности, с которыми столкнулись государства и бизнес. Но, безусловно, больше всех пострадали люди.

Не менее значимым стали и политические последствия. Отрицательно относятся к введению электронных пропусков для проезда в общественном транспорте три четверти россиян – 76%. Лишь каждый пятый гражданин РФ воспринимает QR-кодирование «положительно». Негативное отношение провоцирует протестные настроения. 43% россиян полагают, что массовые выступления против введения электронных пропусков вполне возможны. И каждый четвертый гражданин был готов принять в них участие⁶.

Таким образом, пандемия COVID-19 стала серьезным испытанием для всех. В наиболее уязвленном положении оказались простые граждане. К ним на помощь пришло государство, которое попыталось снизить издержки для людей различными способами⁷.

Вместе с государством на помощь людям пришли волонтерские движения – сообщества людей, которые готовы безвозмездно делиться своими ресурсами, силами, временем, умениями и профессиональными навыками на благо других. Исследования показывают, что в кризисные моменты волонтеры активно помогают обществу. Так, в период финансового кризиса греческие социально-ориентированные НКО активно привлекали новых добровольцев и помогали незащищенным слоям населения (Tzifakis, Petropoulos, & Huliaras, 2017). В Индии некоммерческий сектор сыграл важнейшую вспомогательную роль в смягчении кризиса для трудящихся-мигрантов во время пандемии. Как только волонтеры осознали уникальные проблемы рабочих-мигрантов, они отреагировали быстрее правительства, организовали экстренную помощь и сыграли значительную роль в восстановлении на ранних этапах. Например, был обеспечен безопасный проезд мигрантов в родные штаты. Что еще более важно, волонтеры помогли мигрантам зарегистрироваться на правительственном онлайн-портале для поездки на родину, а в некоторых случаях также предоставляли средства на билеты на поезд (Barhate, и др., 2021). Волонтерские движения не остались в стороне и в борьбе с COVID-19 (Sayarifard, Nazari, Rajabi, Ghadirian, & Sajadi, 2022; Pankaj, 2021; Marwaha, 2021).

¹ ТАСС. Голикова заявила, что смертность в России выросла в 2020 г. на 17,9% [электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/obschestvo/10650193?utm_source=xn--h1aauh.xn--p1ai&utm_medium=referral&utm_campaign=xn--h1aauh.xn--p1ai&utm_referrer=xn--h1aauh.xn--p1ai (дата обращения: 25.05.2022).

² Международная организация труда (МОТ). Ведение бизнеса во время коронавирусного кризиса. Анализ деятельности организаций работодателей и предпринимателей во время пандемии COVID-19 и перспективы [электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_796423.pdf (дата обращения: 25.05.2022).

³ Всемирный банк. ВВП (в текущих долларах США) - Russian Federation [электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locale=ru&locations=RU> (дата обращения: 25.05.2022).

⁴ ООН. ООН призывает смягчить воздействие COVID-19 на рынок труда [электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/coronavirus/un-calls-measures-cushion-covid-19-shocks-labour-market> (дата обращения: 25.05.2022).

⁵ Счетная палата Российской Федерации. Социальные последствия пандемии COVID-19 и инклюзивность [электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-inclusion.pdf>.

⁶ Левада-центр. QR-коды как политическая проблема. 43% россиян ждут ковидных протестов [электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2021/12/10/qr-kody-kak-politicheskaya-problema-43-rossiyan-zhdut-kovidnyh-protestov/> (дата обращения: 25.05.2022). АНО «Аналитический центр Юрия Левады» внесена Минюстом РФ в реестр иностранных агентов 05.09.2016 г.

⁷ Высшая школа экономики (ВШЭ). Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире № 8 [электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/376574670.pdf> (дата обращения: 25.05.2022).

Таким образом, в сложной эпидемиологической ситуации на помощь к гражданам пришли волонтеры и государство. Очевидно, что мы не можем сравнивать деятельность добровольцев и государства из-за разницы ресурсов, поэтому в исследовании будем анализировать деятельность, структуру и результаты гражданского волонтерского движения и волонтерского движения, которое поддерживается официальными структурами власти. Возникает исследовательский вопрос: чья деятельность оказалась эффективнее в помощи людям и почему?

Теоретические подходы

Понятие эффективности неоднозначно и имеет несколько традиций и направлений. Ряд исследователей определяют эффективность как способность некоммерческой организации привлекать необходимые ресурсы (финансовые и нефинансовые) и использовать эти ресурсы для достижения устойчивости, роста и выполнения своей миссии. В исследованиях приводятся разные критерии такого рода эффективности: увеличение доходов от года к году, разнообразие благотворителей, способность привлечения волонтеров (Bagnoli & Megali, 2011; Moxham, 2010; Medina-Borja & Triantis, 2011; Kaplan & Norton, 1996).

Другие исследователи делают акцент на достигнутых результатах деятельности волонтерских движений (Sawhiil & David, 2001). Измерение эффективности рассматривает вопрос о том, достигли ли деятельность конкретных целей, которые были изначально запланированы. Таким образом, они как правило, количественные и включают такие критерии, как число людей, которым были оказаны услуги, и количество оказанных услуг. Результат деятельности организации можно определить, как «состояние целевой группы населения или социальное состояние, которое программа должна изменить» (Rossi, Lipsey, & Freeman, 2004). В данном исследовании мы объединили эти направления. В период коронавируса особенно важно привлекать финансовые ресурсы, так как пожертвования снижаются в период пандемии COVID-19. Так, директор фонда помощи пострадавшим в ДТП Анастасия Кириенко пишет: «Основным минусом, пожалуй, стало то, что уменьшилось число пожертвований. Многие благотворители отключили автоплатежи, а ведь именно они помогли нам в планировании работы фонда и его программ. Конечно, это ожидаемо, ведь люди, теряя возможность позаботиться о себе, о семье, уменьшают свои временные, финансовые вложения в социальные проекты»¹. Поэтому одним из показателей эффективной деятельности волонтерского движения является способность привлекать средства и грамотно их использовать.

Вместе с тем важно достигать поставленных целей, которые ставят волонтеры. Херрингтон рассматривает добровольцев через призму принципал-агентских отношений и предполагает, что все волонтерские организации являются социальными активами и агентами общества в решении тех или иных проблем (Herrington J, 2006). Средства массовой информации (СМИ), правительства и простые люди в Польше и России видят роль организаций прежде всего в решении социальных проблем (Kucheryavaya, 2016). Таким образом, рассматривая эффективность гражданского волонтерского движения и волонтерского движения, которое поддерживается официальными структурами власти, авторы статьи акцентируют внимание на финансировании и достижении целей движений.

Мы предполагаем, что эффективность волонтерских движений различна из-за социальных связей и группового социального капитала, что отражается на структуре движений. Социальный капитал определяется как доверие, нормы и сети, которые способствуют скоординированным действиям для взаимной выгоды (Christoforou, 2011). Ряд исследователей показывают, что групповой социальный капитал ведет к большей групповой эффективности (Hongseok, Myung-No, & Giuseppe, 2012; Johnson, 2016; Elias & Maldaon, 2015). Совместное использование информации, общее видение, доверие способствуют созданию группового социального капитала (Bizzi, 2015; Farazmand & Subedi, 2019).

Для исследования были выбраны два волонтерских движения: «SOSеди» и региональное отделение общероссийского движения #МыВместе. Данные организации ставят перед собой одну и ту же цель и осуществляют ее в одной локации. С помощью анализа интервью и документов, мы рассмотрим структуру организации, финансирование, деятельность, результаты и проанализируем их эффективность.

¹ Благотворительный фонд развития филантропии. НКО и коронавирус: остаться в живых [электронный ресурс]. URL: <https://www.cafRussia.ru/staying-alive.html> (дата обращения: 25.05.2022).

Структура организаций

Всероссийское волонтерское движение #МыВместе объединяет более 2 тыс. жителей Пермского края на январь 2022 г. Основу движения в Пермском крае составляют три основные организации: активисты краевого Волонтерского центра «Единой России», Общероссийский национальный фронт и объединение «Волонтеры-медики». Структура регионального отделения #МыВместе носит вертикальный характер. В работе регионального движения задействованы не только волонтеры, но и главы муниципальных территорий, главврачи районных больниц, руководители территориальных управлений Министерства социального развития и представители первичных ветеранских организаций. Также движение активно поддерживал губернатор Пермского края Д. Н.Махонин, регулярно проводя заседания регионального штаба #МыВместе. Так, он заявил: «Нужно обеспечить максимальный охват населения, чтобы люди не стеснялись и обращались на местах за помощью. Кроме того, необходимо постоянно мониторить работу колл-центров, работающих на базе Министерства информационного развития и связи края, чтобы в случае необходимости вносить корректировки: увеличивать штат операторов и тому подобное»¹.

«SOSеди» определяют сами себя как движение обычных пермяков, объединившихся в период эпидемии коронавируса для поддержки друг друга². В команду «SOSедей» вошли участники Бесмертного полка в Перми, проектов Центра ГРАНИ, фонда «Дедморозим», поисково-спасательного отряда «Лиза Алерт» в Пермском крае, приюта «Матроскин», центра для людей в беде «Территория передышки» и общественной организации «Территория семьи». Фактически, это горизонтальное объединение, которое было организовано людьми, которые имели опыт помощи людям в разных сферах жизни. Так, Д. Жебелев, глава фонда «Дедморозим», сказал, что главным достижением организации является то, что «мы можем самостоятельно объединяться на простом желании помочь друг другу, без дополнительных мотивов».

Таким образом, у этих движений разная структура. Если региональное отделение #МыВместе имеет строгую вертикальную связь, в которой задействованы главы муниципалитетов и регулярно проходят брифинги под председательством губернатора Пермского края, то «SOSеди» имеют горизонтальную структуру, а лидеры движения уже имели опыт оказания помощи и саморганизации. Горизонтальные связи способствует увеличению социального капитала и связей, а значит увеличивают эффективность движения (Hongseok, Myung-No & Giuseppe, 2012; Johnson, 2016; Elias & Maldaon, 2015).

Финансирование

Определение совокупного финансирования каждого движения в нашем исследовании представляется затруднительным, поскольку зачастую волонтерам были переданы не только денежные средства, но и средства индивидуальной защиты, продукты питания.

Пермское движение «SOSеди» получили значительную помощь. Так, волонтеры приняли 4 500 порций горячего обеда, 300 развивающих игр, 40 кг горячего обеда для жильцов пермского приюта, а также 1 000 пасхальных куличей, получаемых в помощь от «Покровский хлеб». При участии команды «SOSеди» в Пермском крае была запущена программа «Фонд плюс регионы»³. «SOSеди» выступили региональным партнером Фонда Тимченко. Благодаря этому партнерству были получены медицинские костюмы, 90 000 средств индивидуальной защиты, для 17 больниц Пермского края⁴.

Поддержку самим волонтерам акции #МыВместе в Пермском крае оказывают несколько десятков партнеров. Среди них – образовательные учреждения, НКО, частные лица, индивидуальные

¹ Сайт губернатора и правительства Пермского края. Руководство волонтерскими штабами #МыВместе в муниципалитетах Прикамья возьмут на себя главы территорий. Получено из Сайт губернатора и правительства Пермского края [электронный ресурс]. URL: <https://permkrai.ru/news/rukovodstvo-volonterskimi-shtabami-myvmeste-v-munitsipalitetakh-prikamya-vozmud-na-sebya-glavy-terri/> (дата обращения: 25.05.2022).

² Sоседи Перми. Группа взаимопомощи [электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/vpermivsesosedi> (дата обращения: 25.05.2022).

³ Фонд Тимченко. Дайджест №1 программы «Фонд+регионы» [электронный ресурс]. URL: https://timchenkofoundation.org/wp-content/uploads/2020/08/fond-pljus-regiony_dajdzhest-1_15.08.2020.pdf (дата обращения: 25.05.2022).

⁴ Sоседи Перми. Группа взаимопомощи [электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/vpermivsesosedi> (дата обращения: 25.05.2022).

предприниматели, автосалон, операторы связи, редакции газет, продуктовый гипермаркет, сотрудники театра, автовокзала и даже команды КВН. #МыВместе помогают и члены штаба общественной поддержки губернатора Пермского края Дмитрия Махонина, и представители бизнеса. Так, многие участники торгово-промышленной палаты Пермского края на протяжении пандемии оказывали помощь маломобильным, малоимущим, пожилым гражданам, а также медицинским организациям. Например, партнер волонтерского центра, созданного на базе региональной общественной приемной председателя партии «Единая Россия» Дмитрия Медведева, Группа предприятий «ПЦБК» оказала поддержку трем медицинским организациям Перми.

Делая вывод о финансировании двух движений можно говорить, что «SOSеди» получают финансы зачастую от пожертвований, а #МыВместе имеют связи с правительством Пермского края и с большим количеством других партнеров, связанных с органами власти. С помощью #МыВместе удалось привлечь множество волонтеров по Пермскому краю. А также стоит упомянуть, что из-за связи с Фондом Тимченко «SOSеди» привлекли большие средства на борьбу с коронавирусом.

Деятельность и результаты организаций

Цель движения #МыВместе была направлена на объединение участников акции для оказания поддержки людям по трем направлениям:

Во-первых, оказание помощи ветеранам и гражданам старше 65 лет в рамках проекта «#МыВместе: с заботой». Партнером направления выступает Совет Пермской региональной общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов.

Во-вторых, оказание психологической помощи жителям края. Направление реализуется совместно с Пермским краевым территориальным центром медицины катастроф.

В-третьих, подготовка волонтеров для оказания помощи в чрезвычайных ситуациях. Партнером направления выступил Ресурсный центр по поддержке добровольчества в сфере культуры, безопасности, предупреждения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий Пермского края.

Региональное движение #МыВместе достигало этих целей следующими способами. Так, была предоставлена психологическая помощь всем нуждающимся на базе ГКУЗ ПК «Пермский краевой территориальный центр медицины катастроф». Волонтеры «Совета Пермской региональной общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов» помогали ветеранам и пожилым людям, доставляя лекарственные препараты, продукты питания. #МыВместе создавали амбулаторные центры по коронавирусу для популяризации проведения вакцинации и ревакцинации, проводили консультации по психологической и юридической помощи людям. «Общероссийский национальный фронт» (ОНФ), который сотрудничал с движением #МыВместе, реализовывал ряд социально значимых и благотворительных проектов по поддержке пожилых людей, многодетных и малоимущих семей, родителей детей с особенностями развития: «Расскажи, бабушка», «Бабушка онлайн», «Мечтают все», «Равные возможности», «Особый случай» и пр. Также в помощи людям участвовали студенты медуниверситета. Они работали в ковидных отделениях и мобильных пунктах вакцинации, помогали отвечать на звонки в стационарах и поликлиниках. Врачей обеспечивали водой и горячими обедами.

Объемная работа проекта требовала проводить мониторинги для отслеживания результатов и для будущих изменений в структуре самой работы или увеличения штата операторов. Данный мониторинг действовал на базе Министерства информационного развития и связи края. На основе этого были организованы дополнительные добровольческие штабы на предприятиях, слежение за здоровьем социальных участковых и координация работы штаба, чтобы было понятно, кто чем занимается, исходя из своих компетенций и возможностей.

Пермское волонтерское движение «SOSеди» имеет похожее, но более узкое направление деятельности: благотворительная и волонтерская помощь командам больниц, в которых лечат пермяков от коронавируса, консультации по решению проблем, возникших из-за коронавируса, срочная продовольственная помощь семьям с детьми, потерявшим доход из-за эпидемии коронавируса, поддержка пермяков в создании команд взаимопомощи в каждом доме.

Таким образом, движение #МыВместе специализировалось больше на Пермском крае и выполняло глобальные задачи для жителей, врачей и других работников, задействованных в лечении из-

за своей вертикальной структуры. В то время как «SOSеди» ограничили свою деятельность городом Пермь и помогали обычным гражданам.

За период коронавируса «SOSеди» добились больших результатов. «SOSеди» создали сайт sosediperm.ru и запустили акцию взаимопомощи «SOSеди» с плакатами, открытками и инструкциями о том, как начать безопасно помогать соседям в своём доме. Были созданы чат и бот в “Telegram” для того, чтобы соседи могли помогать друг другу в пандемию. Организация активно проводила агитацию: так, в период коронавируса распространили более 5 000 плакатов заботы о соседях¹ старше 60 лет и с хроническими заболеваниями, рассказывающих, почему людям в группе риска лучше сейчас не выходить из дома и как это организовать. «SOSеди» смогли привлечь различные организации и магазины. Например, «Покровский хлеб» подарил 1000 пасхальных куличей, которыми угостили бездомных людей, врачей скорой помощи, семьи, получающие помощь в СРЦН «Радуга» и в «Территории семьи»; кулинарная школа Pro100вкусно приготовила 206 порций (40 кг) горячего обеда для жильцов государственного приюта на ул. Героев Хасана, 47в. Также была организована доставка горячих обедов для 4 пермских станций скорой помощи. Салаты и второе блюдо весь май бесплатно готовили повара ресторана The Hound, по 150 порций ежедневно в будни, а в дальнейшем эту акцию оплачивали пермяки своими пожертвованиями. Движение помогало восьми психоневрологическим интернатам и двум детским домам-интернатам Перми тем, что более 300 развивающих игр, игровых и досуговых наборов были переданы туда для поддержки тех, кто оказался в режиме двойной самоизоляции. Движение привлекло для помощи обычных пермяков, которые помогали друг другу: шили маски для соседей, помогали отремонтировать ноутбук для дистанционной учебы в школе, проводили онлайн-концерты и онлайн читали сказки на ночь детям.

Результаты регионального движения #МыВместе были представлены на сайте Законодательного собрания Пермского края², что подчеркивает отношения с властными органами, и они следующие:

- 49 муниципальных волонтерских штабов;
- 900 чел. приняли участие в оказании адресной доставки продуктов и лекарств (заявилось 3000 чел.);
- 16 500 заявок обработано;
- 500 продуктовых наборов передано ветеранам войны;
- 690 участников Всероссийской донорской акции «МыВместе»;
- 355 литров заготовлено цельной донорской крови;
- 500 чел. оказали содействие в онлайн-помощи;
- 150 чел. оказали юридическую помощь;
- 200 чел. оказали психологическую помощь;
- 234 волонтера помогали в ЛПУ младшему и среднему персоналу;
- 242 волонтера Пермского края награждены Памятной медалью «За бескорыстный вклад в организацию Общероссийской акции взаимопомощи «#МыВместе».

Общие результаты показывают, что благодаря акции #МыВместе были привлечены властные структуры, парламент и волонтеры. За первый месяц работы 1 800 волонтеров приняли и выполнили 2 тыс. заявок на помощь с приобретением продуктов и лекарств от пожилых и маломобильных пермяков, находящихся в режиме самоизоляции из-за коронавируса. Также за месяц волонтерский штаб в Прикамье значительно расширил свою структуру: к основному штабу в Перми добавились 10 городских районных пунктов, где волонтеры могли получить средства индивидуальной защиты (СИЗ) для себя, прессу и листовки для бесплатного распространения среди заявителей. Также в крае функционируют 49 муниципальных пунктов – количество волонтеров в каждом из них исчисляется десятками. По результатам двух лет благодаря добровольцам за поддержку разного рода получили более 7,5 тыс. жителей Пермского края.

В таблице указан рост количества общественных организаций, готовых помочь проекту #МыВместе, а также ежегодный рост количества волонтеров.

¹ Sоседи Перми. Группа взаимопомощи [электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/vpermivsesosedi> (дата обращения: 25.05.2022).

² Законодательное собрание Пермского края. О развитии добровольчества (волонтерства) [электронный ресурс]. URL: https://www.zsperm.ru/01_%D0%A5%D1%83%D0%B7%D0%B8%D0%BD%20%D0%95.%D0%98_.pdf (дата обращения: 25.05.2022).

Официальная статистика по добровольческой деятельности¹

Количество общественных добровольческих организаций, ед.			Охват молодежи добровольческой деятельностью, тысяч чел.		
2018 г.	2019 г.	2020 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
33	46	60	35	40	52,2

Таким образом, количество общественных добровольческих организаций и охват молодежи добровольческой деятельностью за 2 года вырос почти в 2 раза. Это говорит о том, что к данному проекту были активно привлечены разного рода добровольческие организации для помощи гражданам, медикам, работников колл-центров и штабов, задействованных в работе акции #МыВместе.

Подводя итог деятельности «SOSедей» и #МыВместе, мы понимаем, что организации ставят перед собой одну цель – помочь гражданам, которые пострадали каким-либо образом в результате эпидемии коронавируса. «SOSеди» являются коалицией с другими организациями: Фонд «Дедморозим», Центр ГРАНИ, «Территория семьи», пермские отделения «Лизы Алерт», «Бессмертного полка», «Тотального диктанта», «Территория передышки», приют «Матроскин». Они сотрудничали с друг другом, так как большого финансирования не имели. По мнению главы фонда «Дедморозим» Д. Жебелева «команда SOSедей сейчас лучшая в Пермском крае, несмотря на структуры, которые имели государственный ресурс».

#МыВместе обладает в этом вопросе преимуществом, так как это организация — продукт провластной структуры. К проекту привлекались губернатор, правительство, Законодательное собрание Пермского края. Поэтому работа выходила за пределы краевой столицы и распространялась на весь край. Также организация имела штабы, которые отслеживали выполнение задачи и принимали заявки. Это говорит о том, что работа в акции имела большую вертикальную структуру, тогда как движение «SOSеди» представлено совокупностью организаций, которые самоорганизовались. Однако поле деятельности «SOSедей» узкоспециализированное и направленное напрямую на тесное взаимодействие с людьми. Деятельность же #МыВместе с каждым разом расширялась и становилась глобальнее. Таким образом, обе волонтерские движения эффективны, но на разных уровнях в силу своей структуры.

¹ Законодательное собрание Пермского края. О развитии добровольчества (волонтерства) [электронный ресурс]. URL: https://www.zsperm.ru/01_%D0%A5%D1%83%D0%B7%D0%B8%D0%BD%20%D0%95.%D0%98_.pdf (дата обращения: 25.05.2022).

Список литературы / Reference

- Плаксин, С. М., Жулин, А. Б., Фаризова, С. А. (2021) *Черный лебедь» в белой маске. Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19*. Москва: Дом Высшей школы экономики. [Plaksin, S. M., Zhulin, A. B., Farizova, S. A. (2021) "A 'black swan' in a white mask" ["Chernyi lebed'" v beloi maske]. Moscow: Home of the Higher School of Economics. (In Russ.)].
- Торкунов, Р. Л. (2021) *Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие*. Москва: Аспект Пресс. [Torkunov, R. L. (2021) *Pandemic COVID-19: Challenges, Consequences, Counteraction* [Pandemia COVID-19: Vyzovy, posledstvia, protivodeistvie]. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)].
- Bagnoli, L. & Megali, C. (2011) *Measuring performance in social enterprises*. Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly, pp. 149–165.
- Barhate, B., Hirudayaraj, M., Gunasekara, N., Ibrahim, G., Alizadeh, A. & Abadi, M. (2021) 'Crisis Within a Crisis: Migrant Workers' Predicament During COVID-19 Lockdown and the Role of Non-profit Organizations in India', *Indian Journal of Human Development*, pp. 151–164.
- Bizzi, L. (2015) 'Social Capital in Organizations', *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*, pp. 181–185.
- Christoforou, A. (2011) 'Social Capital Across European Countries: Individual and Aggregate Determinants of Group Membership', *The American Journal of Economics and Sociology*, pp. 699–728.
- Elias, M., & Maldaon, I. (2015) 'Social Capital: A Comprehensive Overview at Organizational Context', *Periodica Polytechnica Social and Management Sciences*, pp. 133–141.
- Farazmand, A. & Subedi, M. (2019) 'Membership Organization's Social Capital and the Impact on Nonprofit Sector Management', *International Journal of Public Administration*, pp. 880–892.
- Herrington, J. B. (2006) 'Nonprofits as Social Capital and Agents in the Public Policy Process: Toward a New Paradigm', *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, pp. 311–318.
- Hongseok, O., Myung-Ho, C. & Giuseppe, L. (2012) 'Group Social Capital and Group Effectiveness: The Role of Informal Socializing Ties', *Academy of Management*, pp. 860–875.
- Johnson, L. (2016) *What Is Social Capital? Social Capital and Community Well-Being*, pp. 53–66.
- Kaplan, R. & Norton, D. (1996) *The balanced scorecard: Translating strategy into action*. Boston: Harvard Business School Press.
- Kucheryavaya, E. (2016) 'The Role of NGOs in the Development of Societies and Overcoming the Consequences of Crises: Case Studies of Poland and Russia', *Polish Political Science Yearbook*, pp. 166–177.
- Marwaha, P. (2021) 'Celebrating the role of Indian NGOs in combating the COVID-19 pandemic', *Down to Earth*. URL: <https://www.downtoearth.org.in/blog/governance/celebrating-the-role-of-indian-ngos-in-combating-the-covid-19-pandemic-75697>.
- Medina-Borja, A. & Triantis, K. (2011) 'Modeling social services performance: a four-stage DEA approach to evaluate fundraising efficiency, capacity building, service quality, and effectiveness in the nonprofit sector', *Annals of Operations Research*, pp. 285–307.
- Moxham, C. (2010) 'Help or hindrance? Examining the Role of Performance Measurement in UK Nonprofit Organizations', *Public Performance & Management Review*, pp. 342–354.
- Pankaj, A. (2021) 'How NGOs have silently helped Indians combat the COVID-19 pandemic', *The news minute*. URL: <https://www.thenewsminute.com/article/how-ngos-have-silently-helped-indians-combat-covid-19-pandemic-156115>.
- Rossi, P., Lipsey, M. & Freeman, H. (2004) *Evaluation: A systemic approach*. London: Sage.
- Sawhiil, J. & David, W. (2001) 'Mission impossible? Measuring success in nonprofit organizations', *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, pp. 371–386.
- Sayarifard, A., Nazari, M., Rajabi, F., Ghadirian, L. & Sajadi, H. (2022) *Identifying the non-governmental organizations' activities and challenges in response to the COVID-19 pandemic in Iran*. BMC Public Health.

Tzifakis, N., Petropoulos, S. & Huliaras, A.
(2017) 'The Impact of Economic Crises
on NGOs: The Case of Greece', *VOLUN-*

*TAS: International Journal of Voluntary
and Nonprofit Organizations*, pp. 2176–
2199.

Статья поступила в редакцию: 20.06.2022

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 20.10.2022

Статья принята к печати: 01.11.2022

ANALYSIS OF THE EFFECTIVENESS OF VOLUNTEER ORGANISATIONS IN PERM KRAI DURING COVID-19

E. I. Askhadullina, D. A. Kononov, M. I. Kulichkova, A. K. Mikheev, M. P. Romanov

E. I. Askhadullina, Bachelor's student, Department of Political Science,
Perm State National Research University.
E-mail: elzakoyoto@gmail.com (ORCID: 0000-0001-9239-7356).

D. A. Kononov, undergraduate student, Department of Political Science,
Perm State National Research University.
E-mail: d359039@gmail.com (ORCID: 0000-0002-4770-0448).

M. I. Kulichkova, undergraduate student, Department of Political Science,
Perm State National Research University.
E-mail: mkulichkova26@gmail.com (ORCID: 0000-0002-0603-2818).

A. K. Mikheev, MA student, Department of Political Science,
Perm State National Research University.
E-mail: andreymikheev17@gmail.com (ORCID: 0000-0001-6179-2505).

M. P. Romanov, Undergraduate student, Department of Political Science,
Perm State National Research University.
E-mail: ermolinmarck@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-0991-4250).

Abstract

In 2020, the whole world faces the COVID-19 pandemic and its consequences. Ordinary people were particularly vulnerable. State-supported volunteer movements and independent civic associations came to their aid. Clearly, volunteers have played an enormous role in supporting citizens in the era of the coronavirus, but the question arises: how did they achieve their effectiveness and what influenced this? Scientific research defines effectiveness in different ways. The authors of this article focus on the structure of volunteer movements, financial performance and achievement of their goals. Based on normative documents and interviews, the activities of the Perm organisation SOSED and the regional chapter of #Wearetogether are studied. The authors conclude that the organisations have a different structure, which affects their activities, results and effectiveness.

Keywords: pandemic; volunteer movement; social capital; social ties.

УДК-324:353(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-4-73-84

**ПАТРОНАЖ КАК КЛЮЧЕВОЙ ПРЕДИКТОР РОТАЦИИ ГУБЕРНАТОРОВ:
ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОСТИ ГЛАВ РЕГИОНОВ РОССИИ ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ
ГУБЕРНАТОРСКИХ ВЫБОРОВ В 2012 г.**

Ю. А. Баландин

Баландин Юлиан Андреевич, преподаватель департамента политики и управления, аспирант аспирантской школы по политическим наукам, НИУ «Высшая школа экономики», Россия, Москва.
E-mail: ybalandin@hse.ru (ORCID: 0000-0002-6099-4436. ResearcherID: AAX-9185-2021).

Аннотация

Возвращение прямых губернаторских выборов в 2012 г. не привело к росту автономности региональных глав – федеральный центр напротив лишь усилил контроль над кадровым наполнением региональной исполнительной власти. Более того, ротация лишь нарастает, несмотря на позитивную динамику представительства и поддержки «Единой России» в федеральной и региональных легислатурах. В этой связи тезис о том, что высокие результаты «партии власти» обеспечивают стабильность губернаторов, нуждается в пересмотре. Цель исследования – проверить ключевые предикторы, влияющие на ротацию российских губернаторов после возвращения прямых выборов глав российских регионов. При помощи логистического регрессионного анализа на панельных данных была выявлена высокая значимость патронажа как предиктора отставок российских губернаторов с 2012 по 2020 гг. Подтвердилась гипотеза о том, что чем выше степень патронажа губернатора, тем ниже вероятность того, что глава региона покинет пост или не получит повышения в формальной иерархии. Регрессионный анализ показывает, что лояльность, выраженная в результатах «Единой России» на федеральных выборах, не является ключевым предиктором ротации губернаторов на современном этапе взаимоотношений центра и регионов. Рост социально-экономических показателей все еще не оказывает статистически значимого влияния на снижение вероятности отставки.

Ключевые слова: российская политика; региональная политика; российские губернаторы; патронаж.

Факторы ротации российских губернаторов – состояние дискуссии

Отмена губернаторских выборов в 2004 г. изменила подотчетность российских региональных глав – теперь их устойчивость стала в большей степени зависеть от федеральных властей, а не от электоральной поддержки. Поскольку выборы губернаторов были отменены, появилась необходимость определить иные критерии эффективности глав регионов. Первый перечень таких критериев был утвержден президентским указом 2007 г. и включал в себя исключительно социально-экономические параметры. Впоследствии критерии эффективности менялись в 2010 и 2012 гг., но неизменно базировались на социально-экономических характеристиках. Тем не менее, эмпирическое исследование факторов ротации российских губернаторов, в период отсутствия прямых выборов, указало на вторичность экономической эффективности как предиктора переназначения (Reuter, Robertson, 2012). Ройтер и Робертсон выявили, что экономический рост не влиял на вероятность переназначения губернаторов, поскольку ключевым предиктором ротации стала лояльность, выраженная в результатах «Единой России» в избирательных кампаниях (региональные и федеральные выборы).

Полученные результаты скорее отсылают к массиву литературы о значимости института выборов для устойчивости недемократических режимов (Ganghi, 2008; Geddes, 2005; Magaloni, 2008) – в таком случае губернаторы выполняют функцию поддержания федеральной власти на субнациональном уровне. Таким образом, в России выбор между лояльностью и компетентностью при принятии кадровых решений делается в пользу лояльности, выраженной в степени одобрения «Единой России»

на выборах. Для федерального центра успешен тот губернатор, который способен воспроизводить высокую поддержку «партии власти». Данный вывод подтвердился в сравнительном исследовании Майкла Рохлица, который обнаружил, что в России ключевой фактор устойчивости губернаторов – электоральная мобилизация, в то время как в Китае именно экономический рост является главным фактором ротации глав провинций (Rochlitz, 2015).

Тем не менее, после возвращения губернаторских выборов начинается новый этап интенсивной ротации глав регионов. В этой связи, ранее обнаруженная взаимосвязь устойчивости региональных глав и результатов «Единой России» требует дополнительной эмпирической проверки на новой выборке случаев: с 2014 по 2022 гг. новые губернаторы были назначены в 70 российских регионах.

На новой выборке случаев, после возвращения губернаторских выборов, уже не обнаруживается прямой взаимосвязи результатов общенациональных избирательных кампаний и ротации региональных глав, хотя экономический рост также не повышает устойчивость на губернаторском посту (Golosov, Tkacheva, 2018). В таком случае становится актуальным исследовательский поиск альтернативных предикторов ротации губернаторов в России. Например – фактор патрон-клиентских отношений, возрастание значимости которого было отмечено еще в 2006 г. в работе Н. Лапиной. В качестве одного из последствий отмены губернаторских выборов в 2004 г., автор спрогнозировала рост влияния неформальных связей на политическую стабильность региональных глав (Lapina, 2006: 89). В дальнейшем патронаж рассматривался скорее не как самодостаточный предиктор ротации губернаторов, но дополнительный фактор, который можно конвертировать в электоральные успехи «Единой России» (Slider, 2010: 257–275) или экономические выгоды в виде поддержки инфраструктурных проектов (Wolfe, Müller, 2018: 101–114). Обнаруживается взаимосвязь (выборка случаев: 2005–2017 гг.) наличия поддержки губернаторов со стороны силовых элит (территориальное руководство ФСБ) и экономического роста российских регионов, что также указывает на значимость патронажа (Yakovlev, Aisin, 2019). Высокая степень персонификации политического режима обнаруживается в исследовании Батуру и Элкинга: авторы проанализировали динамику ежегодного рейтинга наиболее влиятельных политиков России (топ-100) по версии «Vox Populi» и «Независимой газеты» с 1999 по 2014 гг. Выяснилось, что впервые в 2004 г., среди 100 наиболее влиятельных российских политиков, более 50% были связаны с Владимиром Путиным (Baturu, Elkin, 2016: 75–98). Дата совпадает с отменой прямых губернаторских выборов в России, когда степень региональной децентрализации стала постепенно снижаться. По этой причине, личное окружение Путина стало рассматриваться в качестве отдельного сегмента национальной политической элиты (Ратленд, 2016: 67). Такой результат отсылает к понятию «система одной пирамиды» (англ. – «single-pyramid system») исследователя Генри Хейла, которая характеризуется координацией наиболее влиятельных патрональных сетей вокруг одного патрона (Hale, 2017: 32).

Генри Хейл определяет патрональную политику как особый способ социального равновесия, где взаимоотношения политических субъектов организованы не вокруг абстрактных категорий (идеология, экономика, нация и т.д.), но посредством персонифицированных отношений, ключевой особенностью которых является обмен выгодами и санкциями. Преимущество такой концептуализации в том, что она подразумевает разные вариации неформальных политических отношений, будь то клиентелизм, (нео)патримониализм или то, что связано с различными формами коррупционного поведения, недостатка социального капитала. По отдельности данные концепты описывают слишком конкретные способы властных практик, в то время как теория патрональной политики описывает саму структуру не только политических, но и социальных отношений (Hale, 2014: 19–26).

Хейл рассматривает посткоммунистические политические режимы в Евразии именно как патрональные. В таких системах политическая борьба представляет собой конкуренцию различных патрональных сетей. Хейл определяет три наиболее влиятельных типа патронажных групп в России: 1) «олигархи», бенефициары крупнейших бизнес-активов; 2) политические машины субъектов РФ, которыми чаще всего руководят губернаторы; 3) «государственные сети» – представители бюрократических структур. Хейл считает патронаж ключевым фактором, определяющим властное влияние и успешность политических акторов (Hale, 2017: 33).

Иными словами, Хейл обращает внимание на важность неформальных правил игры, внутриэлитной динамики, которая может обуславливать ротацию российских губернаторов в контексте реконфигурации патрональных сетей. Поэтому помимо социально-экономических и электоральных предикторов не менее значимым становится фактор внутриэлитных отношений.

Теоретическая концепция Генри Хейла используется для понимания механизмов ротации российских губернаторов в исследовании Е. Иванова и Н. Петрова¹, где фактор патронажа рассматривается как один из ключевых после 2012 г. (Ivanov, Petrov, 2021). В качестве примера операционализации патрон-клиентских отношений между федеральным центром и губернаторами авторы указывают рейтинг устойчивости губернаторов «Госссовет 2.0» Е. Минченко и К. Петрова. Его актуальность авторы рассматривают в контексте общей политики централизации регионального контроля и «декоренизации» – замещения глав регионов из местных элит т.н. «варягами». Иными словами, авторы считают «Госссовет 2.0» той моделью, которая в значительной степени отражает текущие тренды кадровой политики на уровне губернаторского корпуса. В статье подробно изложена методология рейтинга «Госссовет 2.0» (все 9 критериев «выживаемости» губернаторов) с акцентом на критерии №1 – поддержка внутри «Политбюро 2.0». Данный критерий в наилучшей степени отражает значимость патрон-клиентских отношений в российской политической системе и значимость неформальной поддержки со стороны федеральных элит. Однако авторы не используют переменную патронажа в своей регрессионной модели и не подвергают ее эмпирическому тестированию.

В этой связи, цель исследования – эмпирически обосновать значимость патронажа как ключевого предиктора ротации российских губернаторов после возвращения прямых выборов в 2012 г. Использование переменной патронажа представляется релевантным по двум причинам: 1) социально-экономические и электоральные переменные могут оказаться недостаточными для понимания факторов ротации – ограниченный инструментарий измерения экономического успеха и консолидация партийной системы стимулируют искать новые объяснительные модели устойчивости глав регионов; 2) значимость патронажа все чаще фигурирует в качестве важной объяснительной переменной субнациональной ротации – однако патронаж ранее не подвергался четкой операционализации и эмпирической проверке на репрезентативной выборке случаев ротации. Тем не менее, социально-экономические и электоральные переменные могут быть использованы в качестве контрольных переменных для повышения валидности результатов.

Дизайн исследования

В рамках настоящей работы, при помощи регрессионного анализа, были протестированы четыре исследовательских гипотезы:

- **Гипотеза 1:** Чем выше степень патронажа губернатора, тем ниже вероятность его отставки и выше вероятность назначения на более высокий федеральный пост после ухода с губернаторской должности;
- **Гипотеза 2:** Качество электорального менеджмента, в виде способности обеспечить высокий результат «Единой России» на федеральных выборах главами российских регионов, не влияет на вероятность отставки или переназначения губернаторов;
- **Гипотеза 3:** Экономический рост региона не влияет на снижение вероятности отставки губернатора;
- **Гипотеза 4:** Опыт работы в федеральных органах власти, а также участие в избирательных кампаниях, снижают вероятность отставки губернатора.

Регрессионные модели включают в себя панельные данные с 2012 по 2020 гг. Такая выборка обусловлена институциональной реперной точкой в виде возвращения прямых губернаторских выборов. В таком случае, тестирование исследовательских гипотез на предмет предикторов ротации региональных глав позволяет учесть влияние изменившегося институционального контекста формирования российского губернаторского корпуса. Для идентификации факторов ротации используется логистическая регрессия, где зависимая переменная представлена в виде бинарной величины (0,1). Соответственно, в качестве зависимой переменной в исследовании будут два события: а) переназначение, закодированное как «0»; б) отставка, закодированная как «1». Случаи карьерного роста после отставки губернатора (например – в случае получения поста федерального министра или сотрудника администрации президента) также кодируются как «0» (событие переназначения). Иными словами, карьерный рост губернатора трактуется как индикатор его политической эффективности.

Эмпирическую базу исследования можно разделить на три категории:

1. **Социально-экономические показатели российских регионов** (Росстат) – они выполняют роль контрольных переменных и одновременно позволяют проверить ранее обнаруженную

¹ Петров Николай Владимирович внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов 03.06.2022 г.

эмпирическую закономерность об отсутствии влияния экономического роста на устойчивость губернаторов на своем посту (см: Reuter, Robertson, 2012). Данные переменные отражают структурные показатели экономики – это ВРП, инвестиции и доход на душу населения региона, а также уровень безработицы и оценка продолжительности жизни. Все переменные, выраженные в денежном эквиваленте, перемножены на индекс потребительских цен, чтобы учесть инфляционный фактор. Социально-экономические показатели структурированы с лагом в один год, поскольку предполагается, что динамика таких показателей имеет отложенный эффект.

2. **Биографические данные российских губернаторов.** Помимо официальных биографических справок (например – биографические профили «Персона ТАСС»), в исследовании используются данные Международного центра изучения институтов и развития (МЦИИР – НИУ ВШЭ), а также аналитические доклады проекта «Госсовет 2.0» коммуникационного холдинга «Минченко консалтинг».
3. **Результаты избирательных кампаний (электоральные данные).** Данные Центральной избирательной комиссии РФ о результатах «Единой России» на выборах в региональные законодательные собрания, Государственную думу Федерального собрания, а также результаты В. Путина на выборах президента РФ в разрезе субъектов РФ.

Карьерные траектории (переменная «бэкграунд») были операционализированы в виде восьми «идеальных типов», которые также используются для переменной «прошлая позиция¹»:

- 1) муниципальное самоуправление;
- 2) частный бизнес;
- 3) мэр региональной столицы;
- 4) региональное управление в исполнительной власти субъекта РФ и законодательном региональном собрании;
- 5) федеральная легислатура: Госдума и Совет Федерации;
- 6) госкорпорации, АНО, государственные предприятия;
- 7) силовики, армия;
- 8) федеральная исполнительная власть, администрация президента.

Данная интегральная шкала призвана отразить степень влияния той структуры, где преимущественно работал актер до назначения на губернаторский пост. Чем выше значение данных переменных, тем выше оценивается значимость управленческого опыта регионального главы, который влияет на вероятность ротации губернатора. Дополнительно в исследовании используется бинарная переменная «варяг» или «местный» с точки зрения опыта работы губернатора в регионе до назначения на свой пост. Бэкграунд губернатора как значимая переменная анализа региональной политики уже нашла свое отражение в исследованиях (см. Флягин, 2020) и является вариацией дискуссии о номенклатурном характере политической элиты (см. Snegovaya, Petrov, 2022).

Операционализация предиктора патронажа основана на серии экспертных докладов «Политбюро 2.0» с 2012 по 2019 гг. – аналитической концепции изучения политических элит, разработанной Евгением Минченко и Кириллом Петровым². Также используются оценки патронажа региональных глав на основе рейтинга политической устойчивости губернаторов «Госсовет 2.0», первый выпуск которого датируется 2017 г. Указанные экспертно-аналитические материалы уже рассматривались в качестве источника данных о патронаже губернаторов (см. Ivanov, Petrov, 2021). Авторская оценка патронажа региональных глав операционализируется интегральной шкалой, которая частично основана (но не повторяет её) на методологии рейтинга «Госсовет 2.0». Для кумулятивной оценки патронажа используется интегральный индекс (от 0 до 5), который отсылает к степени поддержки губернатора среди элитных групп влияния «Политбюро 2.0»: пять баллов присваивается губернатору, который пользуется прямой поддержкой президента; четыре балла – в том случае, если региональный глава патронируется одним из членов «Политбюро 2.0»; три балла получает губернатор, который является протеже кандидата в члены «Политбюро 2.0»; в два балла оценивается патронаж того главы

¹ Отличие переменных в том, что предиктор «прошлая позиция» прямо указывает на прошлую должность актера в момент его назначения главой региона (врио), в то время как переменная «бэкграунд» отсылает к преимущественному опыту – например, если актер занимал должность мэра города около года в момент назначения на губернаторский пост, но до этого 10 лет был депутатом Законодательного собрания региона, то именно региональный опыт управления (а не муниципальный) будет засчитан в качестве бэкграунда.

² Доклад «Минченко консалтинг»: Политбюро 2.0 и губернаторский корпус URL: http://www.minchenko.ru/netcat_files/userfiles/2/Dokumenty/PB_2.0_I_GUBERNATORSKIY_KORPUS_29.09.pdf (дата обращения: 10.04.2022).

региона, который патронируется членом ЦК «Политбюро 2.0» либо же пользуется поддержкой лидера парламентской партии. Лишь один балл присваивается тем губернаторам, которые являются членами парламентских партий, но которые не входят в центральные партийные органы управления. Отсутствие патронажа кодируется как «0» баллов. Баллы могут суммироваться, если глава региона пользуется патронажем нескольких персоналий, но оценка не может быть выше 5 баллов.

При этом сами губернаторы могут выступать в роли патронов, как, например, Сергей Собянин – мэр Москвы (член «Политбюро 2.0»). Также это относится к тем губернаторам, которые длительное время занимают свой пост (несколько сроков подряд). Например, Анатолий Артамонов в Калужской области или Владимир Якушев в Тюменской области – бывшие заместители таких глав регионов нередко сами становятся руководителями субъектов РФ. Например, глава администрации Калужской области Николай Любимов (занимал должность с 2011 по 2015 гг.) в 2017 г. возглавил Рязанский регион.

Чтобы повысить устойчивость оценок патронажа, экспертные оценки в докладах «Госсовет 2.0» и «Политбюро 2.0» валидизировались посредством дополнительного биографического анализа. Если в открытых источниках не находилось подтверждения связей между главой региона и федеральной персоной, то такой патронаж не учитывался в массиве данных.

Характеристика патронажа региональных глав во многом отражает структурные особенности политической элиты и экономической системы: самой большой «клиентурой» обладает мэр Москвы Сергей Собянин, который занимает уникальную позицию, одновременно возглавляя регион и патронируя несколько губернаторов. При этом больше всего губернаторов являются протеже либо высокопоставленных лиц органов государственной власти (спикер Госдумы – Вячеслав Володин, зампреда Совета Безопасности РФ – Дмитрий Медведев, первый заместитель руководителя администрации президента – Сергей Кириенко), либо же руководителей крупнейших государственных корпораций (ГК «Ростех» – Сергей Чемезов, ПАО «Газпром» – Алексей Миллер).

Таблица 1

Группы патронажа российских губернаторов

Патронаж	Численность клиентелы	Главы регионов
Сергей Собянин	5	Максим Решетников (Пермский край); Евгений Куйвашев (Свердловская область); Владимир Якушев, Александр Моор (Тюменская область); Вадим Шумков (Курганская область)
Сергей Чемезов	4	Антон Алиханов (Калининградская область); Сергей Носов (Магаданская область); Глеб Никитин (Нижегородская область); Дмитрий Азаров (Самарская область)
Вячеслав Володин	4	Александр Бречалов (Республика Удмуртия); Михаил Ведерников (Псковская область); Валерий Радаев (Саратовская область); Андрей Бочаров (Волгоградская область)
Дмитрий Медведев	3	Олег Кожемяко (несколько регионов); Дмитрий Кобылкин (ЯНАО); Алексей Гордеев (Воронежская область)
Сергей Шойгу	3	Александр Усс (Красноярский край); Андрей Воробьев (Московская область); Шолбан Кара-Оол (Республика Тыва)
Алексей Миллер	3	Сергей Жвачкин (Томская область); Виктор Назаров (Омская область); Василий Голубев (Ростовская область)
Сергей Кириенко	2	Валерий Лимаренко (Сахалинская область); Александр Евстифеев (Республика Марий-Эл)

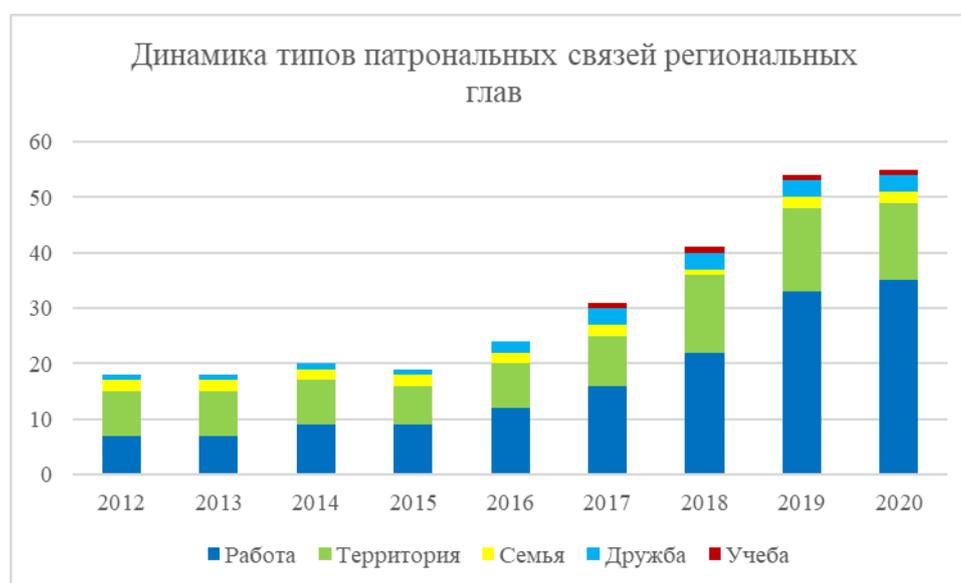
Отметим, что число губернаторов, обладающих патронажем, неуклонно растет: с 2012 г. – к 2020 г. количество региональных глав, связанных с высокопоставленными акторами федеральных элит, увеличилось в 3 раза по сравнению с датой возвращения прямых губернаторских выборов.

Таблица 2

Динамика количества патронируемых губернаторов (2012–2020)

Год	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Губернаторы с патронажем	18	18	20	20	24	31	41	54	55

Чтобы лучше понять саму специфику патронажа, снова обратимся к теоретической концепции «патрональной политики» Генри Хейла, который выделяет пять ключевых типов патрональных связей в российской элите: 1) регулярная совместная работа; 2) взросление или проживание в одном районе; 3) семейные узы; 4) дружба; 5) общее место образования – школа или университет (Hale, 2017: 31).

Типы патронажа губернаторов (2012–2020)

Для более точной операционализации, поясним адаптацию данных типов под особенности связей между федеральной элитой и губернаторами. Под регулярной совместной работой понимается опыт работы губернатора под руководством высокопоставленной персоналии или же совместная работа (горизонтальные отношения) в рамках одной структуры – органа власти, компании и т.д. Взросление и проживание в одном районе в настоящем исследовании интерпретируется несколько иначе – данный тип патронажа подразумевает карьерное развитие патрона (федеральная элита) и клиента (губернатора) в одном и том же регионе, либо же совместную работу в региональной администрации одного субъекта РФ. Подсчет динамики типов патронажных связей указывает на постепенное расширение первого типа, когда патронаж основан на совместном опыте работы «патрона» и «клиента», хотя в 2012 и 2013 гг. превалировал «территориальный» фактор в виде общего региона карьерного развития. Это указывает на постепенное снижение влияния региональных элит, которые могли предпринимать коллективные действия на основе принадлежности к одному и тому же субъекту РФ. Возрастает число тех губернаторов, чей карьерный успех в предыдущих местах работы связан с высокопоставленными акторами федеральных элит. Таким образом, расширяются иерархические патрональные связи и возрастает подготовленность губернаторского корпуса конкретным персоналиям. Отме-

тим крайне редкие случаи дружественных, семейных и «образовательных» патронажных связей, которые являются скорее исключением.

Результаты регрессионного анализа

Для повышения валидности данных используется несколько комбинаций предикторов, чтобы охватить максимальное число переменных. Первые три модели включают в себя полный набор социально-экономических показателей и различные электоральные переменные: в первую модель включены результаты «Единой России» на региональных выборах, во вторую модель – результаты В.Путина на президентских выборах, в третьей модели используются данные о результатах «ЕР» на думских выборах. Четвертая модель отличается тем, что среди социально-экономических индикаторов здесь применяется только безработица, но модель включает в себя максимальное число наблюдений с 2012 по 2020 гг. Пятая модель включает в себя все экономические индикаторы и наблюдения с 2012 по 2019 гг., но без учета результатов избирательных кампаний.

Результаты регрессионного анализа подтверждают ключевую гипотезу исследования – ротация глав российских регионов после 2012 г. (возвращение прямых губернаторских выборов) зависит от степени патронажа. На это указывает высокая статистическая значимость переменной «кумулятивного патронажа», хотя бинарная оценка наличия патронажа как такового не показала какой-либо каузальности. Незначимость бинарной оценки отсылает к сложности самой природы патронажа, который недостаточно операционализировать в рамках наличия или отсутствия покровительства. Возникает необходимость выработки более точного инструментария оценки патронажа, который бы учитывал весь перечень аффилиаций губернаторов с федеральными элитами. Можно говорить о том, что чем большим количеством связей обладает глава региона, тем ниже вероятность его отставки или ухода с поста главы региона без повышения в должности. Учитывая тот факт, что большинство губернаторов (обладающих патронажем) ранее работали в федеральных органах власти под руководством высокопоставленных акторов, возвращение на более высокую должность в центральные органы власти представляется логичным кадровым лифтом.

Таблица 3

Результаты Logit-регрессии					
Переменная	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5
ЕР региональные выборы	(-1.872) 0.061*	-	-	-	-
ЕР Госдума	-	-	(-0.575) 0.565	-	-
Президентские выборы	-	(2.110) 0.035*	-	-	
Электоральный опыт	(-0.713) 0.476	(-1.022) 0.307	(-0.617) 0.537	(-0.974) 0.330	(-0.676) 0.499
Бэкграунд	(-0.957) 0.338	(-0.384) 0.701	(-0.852) 0.394	(-0.282) 0.778	(-0.250) 0.803
Прошлая должность	(0.580) 0.562	(0.386) 0.699	(0.193) 0.847	(-0.257) 0.797	(0.193) 0.847
Местный/Варяг	(0.771) 0.441	(-0.645) 0.519	(1.530) 0.126	(0.796) 0.426	(0.142) 0.887

Результаты Logit-регрессии					
Переменная	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5
Патронаж кумулятивный	(-2.783) 0.005387 **	(-3.010) 0.00262 **	(-2.326) 0.020014 *	(-3.582) 0.000340 ***	(-3.030) 0.00245 **
Патронаж бинарный	(-0.015) 0.988	(-0.013) 0.989	(-0.015) 0.988	(-0.018) 0.985	(-0.016) 0.987
Инвестиции на душу	-0.625 0.532	(0.429) 0.667	(0.775) 0.438	-	(-0.783) 0.433
ВРП на душу	(0.858) 0.391	(-0.261) 0.794	(-0.838) 0.402	-	(1.594) 0.111
Доход на душу	(-0.330) 0.742	(0.419) 0.675	(0.573) 0.566	-	(-1.468) 0.142
Продолжит. жизни	-0.850 0.395	(-0.700) 0.484	(-0.392) 0.695	-	(-1.036) 0.301
Безработица	(1.946) 0.051696*	(0.493) 0.622	(1.163) 0.245	(1.089) 0.276	(1.320) 0.187
Лет на посту	(3.492) 0.000479 ***	(2.185) 0.028900 *	(3.001) 0.002690 **	(3.565) 0.000363 ***	(2.663) 0.00774 **
Количество наблюдений	502	425	437	738	552
R ²	0.23	0.27	0.23	0.25	0.27
Коэффициенты значимости: 0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.1					

Гипотеза о том, что после 2012 г. качество электоральной мобилизации перестанет влиять на ротацию губернаторов не подтвердилась в полной мере. Результаты выборов «Единой России» в региональные парламенты все еще влияют на вероятность отставки региональных глав. Однако направление связи в случае президентских выборов становится сюрпризом – чем выше результат В. В. Путина на президентских выборах 2018 г., тем выше вероятность отставки губернатора. Это может объясняться рекордным результатом – тогда Путин набрал 76,7%, что стало лучшим результатом за всю историю современной России. Более того, именно на 2018 г. пришелся пик ротаций глав регионов, когда в отставку отправили сразу 20 губернаторов. При этом значимость региональных парламентских выборов для устойчивости глав регионов оказалась выше думской федеральной кампании. Это может быть связано с тем, что выборы в региональные заксобрания полагаются как непосредственная зона ответственности губернаторов, поскольку они могут либо возглавлять, либо влиять на местные ячейки «партии власти». Высокий результат «Единой России» на выборах в заксобрание субъекта в том числе может считаться индикатором высокого уровня внутриэлитной сплоченности.

Выдвинутое в качестве гипотезы предположение о незначимости социально-экономических предикторов ротации губернаторов в целом подтвердилось – практически все переменные, за исключением безработицы, не показали какой-либо статистической значимости как фактор отставок глав регионов. Экономическая эффективность по-прежнему остается второстепенным фактором полити-

ческой устойчивости. Безработица оказывается значимым предиктором лишь в одной модели, поэтому данный результат нельзя назвать надежным.

Не подтвердилась гипотеза о том, что наличие опыта работы в федеральных органах власти снижает вероятность отставки губернатора. Наличие опыта участия в выборах также не влияет на ротацию. Также не увеличивает вероятность отставки принадлежность главы региона к местной элите – равно, как и губернаторы-«варяги» не демонстрируют какой-либо повышенной устойчивости к отставкам. Это лишь повышает исследовательскую значимость того факта, что именно патронаж в наибольшей степени влияет на вероятность отставки. Важен не формальный опыт работы, конкретные компетенции или экономические показатели, но количество связей с федеральными акторами, персонифицированные эксклюзивные взаимоотношения губернаторов и представителей федерального центра.

Заключение

Полученные результаты отражают общий вектор изменения кадровой политики в отношении региональных глав, когда на губернаторские посты все чаще назначаются выходцы из федеральных структур, а представительство региональных элит неуклонно снижается. Тем не менее, вопрос о соотношении местных губернаторов и «варягов» сам по себе не объясняет логику ротации глав регионов. На первый план выходит вопрос персональных связей конкретных губернаторов с представителями федеральных элит. Интенсивность таких контактов и количество уникальных связей определяет вероятность политического успеха. Патронаж является политической привилегией, которая не гарантирована ни для местных элит, ни для «варягов». Подтверждается теория «патрональной политики» Генри Хейла, согласно которой политический успех акторов зависит от степени «включенности» в патрональные сети правящих групп влияния (Hale, 2017). При этом публичное целеполагание ротации отсылает к меритократическим аргументам, когда при назначении новоиспеченных врио глав регионов акцентируется внимание на опыте участия в «школе губернаторов» РАНХиГС или кадровом конкурсе «Лидеры России». Однако отсутствие значимости экономического роста при ротации региональных глав указывает на второстепенность вопроса о компетенциях.

Отметим, что электоральный менеджмент все еще остается значимым при принятии кадровых решений в отношении губернаторов, однако важнее становятся уже не федеральные, а региональные выборы. Это может объясняться существенной консолидацией политического режима, уже отмеченной в исследованиях кадровой ротации – «Единая Россия» на протяжении нескольких лет удерживает большинство в федеральном парламенте. Но поскольку многие новоиспеченные главы регионов являются «варягами» и могут вступать в конфликты с местными элитами, способность обеспечивать высокие результаты «Единой России» на региональных выборах указывает на умение обеспечить внутриэлитный баланс. В условиях снижения представительства местных губернаторов, купирование внутрирегиональных конфликтов становится приоритетной задачей, условием политической стабильности. Поэтому статистическая значимость переменной региональных выборов (результаты «ЕР» в заксобраниях субъектов РФ) представляется логичной.

Таким образом, возвращение прямых губернаторских выборов не привело к изменению логики подотчетности региональных глав – они вынуждены опираться на поддержку федеральных групп влияния, чтобы обеспечить политическую выживаемость. В условиях высокой централизации экономики (по данным ФАС¹, госсектор экономики составляет 70%) и зависимости от федеральных трансфертов, губернаторы едва ли могут проводить автономную политику без поддержки патрональных сетей. В связи с этим встает вопрос о перспективах реализации макроэкономических KPI (Майские указы, Национальные проекты), поскольку экономический рост не гарантирует сохранение должности, и в таком случае мотивация губернаторов будет направлена на поддержание патрональных связей. Это ведет к тому, что институт региональной исполнительной власти трансформируется в субститут (термин Николая Петрова²), патрональных сетевых структур федерального уровня – губернаторская власть рискует утратить собственный источник легитимности.

Для будущих исследований встает вопрос о более точной операционализации предиктора патронажа. Использование экспертных оценок, даже с учетом перепроверки в открытых источниках и в

¹ ФАС в СМИ: доля государства в экономике РФ превысила 50% и препятствует развитию конкуренции // ФАС. – 2019. URL: <https://fas.gov.ru/publications/18306> (дата обращения: 10.04.2022).

² Петров Николай Владимирович внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов 03.06.2022 г.

рамках интегральной шкалы, все еще несет в себе риски чрезмерного упрощения. Представляется перспективным применение инструментария сетевого анализа (SNA – social network analysis), который позволяет оценивать различные метрики центральности конкретных акторов в рамках массива данных о связях между персоналиями. В таком случае, подсчитанные метрики центральности могли бы стать способом операционализации степени патронажа губернаторов, их укорененности в различные патрональные сети и отражать наличие уникальных персонифицированных связей. Настоящее исследование подтверждает перспективность такого рода работ, поскольку предиктор патронажа превалирует над экономическими и электоральными факторами с точки зрения объяснительной силы ротаций региональных глав.

Список литературы / References

- Лапина, Н. Ю. (2006) 'Центр-регионы' в постсоветской России: история, механизмы взаимодействия, сценарии будущего', *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 2(2), сс. 85–98. [Lapina, N. Yu. (2006) 'Center-Regions in Post-Soviet Russia: History, Interaction Mechanisms, Future Scenarios' [Tsentr-regiony] v postsovetsoi Rossii: istoriya, mekhanizmu vzaimodeistviya, stsensarii budushchego], *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 2(2), pp. 85–98. (In Russ.)].
- Ортунг, Р. (2010) 'Отношения между Центром и периферией', *Pro et contra*, 14(4–5), сс. 80–94. [Ortung, R. (2010) 'Relations between the Center and the Periphery' [Otnosheniya mezhdru Tsentrom i periferiei], *Pro et contra*, 14(4–5), pp. 80–94. (In Russ.)].
- Петров, Н. (2012) 'От федерации корпораций к федерации регионов', *Pro et contra*, 4–5, сс. 101–118. [Petrov, N. (2012) 'From a federation of corporations to a federation of regions' [Ot federatsii korporatsii k federatsii regionov], *Pro et contra*, 4–5, pp. 101–118. (In Russ.)].
- Ратленд, П. (2016) 'Постсоветские элиты России', *Polis: Journal of Political Studies*, 3, сс. 55–72. [Rutland, P. (2016) 'Russia's Post-Soviet Elite' [Postsovetskie jelity Rossii], *Polis: Journal of Political Studies*, 3, pp. 55–72. (In Russ.)].
- Флягин, А. М. (2020) 'Как изменился портрет российского губернатора: анализ биографий глав регионов. 1991–2019 гг.', *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 14(1), сс. 29–39. [Flyagin, A. M. (2020) 'How the portrait of the Russian governor has changed: an analysis of the biographies of the heads of regions. 1991–2019' [Kak izmenilsya portret rossiiskogo gubernatora: analiz biografii glav regionov. 1991–2019 gg.], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya:*
- Politologiya*, 14(1), pp. 29–39, DOI: 10.17072/2218-1067-2020-1-29-39. (In Russ.)].
- Туровский, Р. Ф. (2009) 'Практики назначения губернаторов: инерция и радикализм в политике центра', *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*, 2, сс. 72–89. [Turovsky, R. F. (2009) 'Appointment practices of governors: inertia and radicalism in the policy of the center' [Praktiki naznacheniya gubernatorov: inertsiya i radikalizm v politike tsentra], *Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki «Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz»*, 2, pp. 72–89, DOI: 10.30570/2078-5089-2009-53-2-72-89. (In Russ.)].
- Baturo, A. & Elkind, J. A. (2016) 'Dynamics of regime personalization and patron–client networks in Russia, 1999–2014', *Post-Soviet Affairs*, 32(1), pp. 75–98, DOI: 10.1080/1060586X.2015.1032532.
- Gandhi, J. (2008) *Political institutions under dictatorship*. Cambridge University Press, DOI: 10.1017/CBO9780511510090.
- Geddes, B. (2005) 'Why parties and elections in authoritarian regimes?', *In annual meeting of the American Political Science Association*, pp. 456–471.
- Golosov, G. V. & Tkacheva, T. (2018) 'Let my people run: Pre-election resignations of Russia's governors, 2013–2015', *Problems of Post-Communism*, 65(4), pp. 243–252, DOI: 10.1080/10758216.2017.1351305.
- Gorokhov, V. (2017) 'I will survive: regional chief executives (governors) and the principal-agent paradigm after the abolition of gubernatorial elections in Russia', *Journal of Contemporary Central and Eastern Europe*, 25(1), pp. 103–115, DOI: 10.1080/0965156X.2017.1346054.

- Hale, H. E. (2014) 'Patronal politics: Eurasian regime dynamics in comparative perspective', *Cambridge University Press*, pp. 453–455, DOI: 10.21226/T20P4R.
- Hale, H. E. (2017) 'Russian patronal politics beyond Putin'. *Daedalus*, 146(2), pp. 30–40. URL: https://www.mitpressjournals.org/doi/full/10.1162/DAED_a_00432#fn4 (дата обращения: 10.05.2020), DOI: 10.1162/DAED_a_00432.
- Ivanov, Y., & Petrov, N. (2021) 'Transition to a New Model of Russian Governors' Appointments as a Reflection of Regime Transformation', *Russian Politics*, 6(2), pp. 153–184, DOI: 10.30965/24518921-00602001.
- Lodola, G. (2010) 'The Politics of Subnational Coalition Building. Gubernatorial Redistributive Strategies in Argentina and Brazil', *University of Pittsburgh*, 411 p.
- Magaloni, B. (2008) 'Credible power-sharing and the longevity of authoritarian rule', *Comparative political studies*, 41(4–5), pp. 715–741, DOI: 10.1177/0010414007313124.
- Reuter, O. J. (2010) 'The politics of dominant party formation: United Russia and Russia's governors', *Europe-Asia Studies*, 62(2), pp. 293–327, DOI: 10.1080/09668130903506847.
- Reuter, O. J. & Robertson, G. B. (2012) 'Subnational appointments in authoritarian regimes: Evidence from Russian gubernatorial appointments', *The Journal of politics*, 74(4), pp. 1023–1037, DOI: 10.1017/S0022381612000631.
- Reuter, O. J., Buckley, N., Shubenkova, A. & Garifullina, G. (2016) 'Local elections in authoritarian regimes: An elite-based theory with evidence from Russian mayoral elections', *Comparative political studies*, 49(5), pp. 662–697, DOI: 10.1177/0010414015626439.
- Rochlitz, M., Kulpina, V., Remington, T. & Yakovlev, A. (2015) 'Performance incentives and economic growth: regional officials in Russia and China', *Eurasian Geography and Economics*, 56(4), pp. 421–445, DOI: 10.1080/15387216.2015.1089411.
- Sharafutdinova, G. (2013) 'Getting the «Dough» and Saving the Machine: Lessons from Tatarstan', *Demokratizatsiya*, 21(4). pp. 507–529.
- Sharafutdinova, G. & Turovsky, R. (2017) 'The politics of federal transfers in Putin's Russia: regional competition, lobbying, and federal priorities', *Post-Soviet Affairs*, 33(2), pp. 161–175, DOI: 10.1080/1060586X.2016.1163826.
- Slider, D. (2010) 'How united is United Russia? Regional sources of intra-party conflict', *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 26(2), pp. 257–275, DOI: 10.1080/13523271003712617.
- Snegovaya, M. & Petrov, K. (2022) 'Long Soviet shadows: the nomenklatura ties of Putin elites', *Post-Soviet Affairs*, pp. 1–20, DOI: 10.1080/1060586X.2022.2062657.
- Wolfe, S. D. & Müller, M. (2018) 'Crisis neopatrimonialism: Russia's new political economy and the 2018 World Cup', *Problems of post-communism*, 65(2), pp. 101–114, DOI: 10.1080/10758216.2018.1429934.
- Yakovlev, A. & Aisin, A. (2019) 'Friends or Foes? The Effect of Governor-Siloviki Interaction on Economic Growth in Russian Regions', *Russian Politics*, 4(4), pp. 520–545, DOI: 10.1163/2451-8921-00404005.

Статья поступила в редакцию: 12.07.2022

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 04.11.2022

Статья принята к печати: 10.11.2022

**PATRONAGE AS A KEY PREDICTOR OF GOVERNOR'S ROTATION:
FACTORS OF STABILITY OF THE HEADS OF RUSSIAN REGIONS
AFTER THE RETURN OF THE GOVERNOR'S ELECTIONS IN 2012**

Yu. A. Balandin

Yu. A. Balandin, Lecturer at the Department of Politics and Management, Doctoral Student, NRU HSE, Russia, Moscow.

E-mail: ybalandin@hse.ru (ORCID: 0000-0002-6099-4436. ResearcherID: AAX-9185-2021).

Abstract

The return of direct gubernatorial elections in 2012 did not lead to an increase in the autonomy of regional heads - on the contrary, the federal center only strengthened control over the staffing of regional executive power. Moreover, the rotation is only growing despite the positive dynamics of «United Russia» representation and support in the federal and regional legislatures. In this regard, the thesis that the good results of the "party of power" ensure the stability of governors (Reuter, Robertson, 2012) needs to be revised. The study aimed to identify the key predictors influencing the rotation of Russian governors after the return of direct elections of the heads of Russian regions. Using logistic regression analysis on panel data, the high significance of patronage as a predictor of the resignations of Russian governors from 2012 to 2020 was revealed. The hypothesis was confirmed that the higher the degree of patronage of the governor, the lower the likelihood that the head of the region will leave his post or not be promoted in the formal hierarchy. It turned out that the loyalty expressed in the results of the "United Russia" in the regional and federal elections is no longer a key predictor of the rotation of governors.

Keywords: Russian politics; regional policy; Russian governors; patronage/

Приложение

Характеристика бэкграунда губернаторского корпуса

УДК-324:353(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-4-85-93

КОГДА АВТОРИТАРНЫЕ ВЫБОРЫ КОНКУРЕНТНЫ? СЛУЧАЙ ВЫБОРОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Д. А. Козьмин

Козьмин Дмитрий Алексеевич, магистр политических наук, аспирант факультета политических наук, АНООВО Европейский Университет в Санкт-Петербурге.
E-mail: dkozmin@eu.spb.ru (ORCID: 0000-0001-5426-1335).

Аннотация

Выборы в авторитарных режимах принято определять как “нечестные и неконкурентные”, однако всегда ли они являются таковыми? В этой статье мы утверждаем, что в случае негомогенности элитных групп в регионе и возникновения конфликта между ними, региональные выборы становятся “ареной для противостояния” конкурирующих друг с другом акторов политической системы. Для проверки этого утверждения используются данные результатов выборов и особенностей избирательных кампаний в 25 одномандатных округах на выборах в Законодательное собрание г. Санкт-Петербурга 2021 г. С помощью метода сравнительного качественного анализа (QCA) гипотеза о конфликте элитных групп подтверждается. В том случае, если администрация города “одобрила” кандидата от оппозиционной партии вместо правящей, а также если предыдущий депутат в округе не переизбирается в том же самом округе, выборы проходят конкурентно, а победа конкретного кандидата на них непредсказуема. В результате анализа также были выявлены такие факторы конкурентности выборов, как количество кандидатов в бюллетене и высокая явка. Таким образом, в случае возникновения конфликта между региональными элитами авторитарные выборы выполняют свою изначальную функцию: площадки для конкурентной борьбы различных политических сил.

Ключевые слова: выборы; электоральный авторитаризм; региональная политика; региональные выборы; авторитарные выборы; выборы в России; конкурентность; деконсолидация элитных групп.

Введение

Выборы в авторитарных режимах принято определять как “нечестные и неконкурентные” (Schedler, 2002; Bogaards, 2009), однако всегда ли они являются таковыми? Исследователи электоральных процессов в авторитарных режимах утверждают, что авторитарные выборы, хотя и имеют существенное количество ограничений, но никогда не бывают полностью подконтрольны автократу (Egorov & Sonin, 2018; Esen & Gumuscu, 2019). В действительности, политические исследователи наблюдают, что отдельные выборы субнационального и локального уровней часто бывают неподконтрольны авторитарному лидеру, что приводит к победе оппозиционных кандидатов (Gandhi & Przeworski, 2007: 1283; Isaac, 2012).

Однако вопрос о том, какие именно выборы будут конкурентными, имеет весьма незначительное освещение в современной политической науке. Почему одни избирательные округа полностью “расчищены” для провластного кандидата, а в других кандидату приходится вести активную избирательную кампанию? Почему одни кандидаты побеждают с огромным перевесом голосов, который вовсе не обязателен в одномандатных округах, а другие либо побеждают с совсем небольшим перевесом, либо не побеждают вовсе? Что в конечном итоге влияет на конкурентность выборов в том или ином округе? Эти вопросы, отображающие факторы конкурентности авторитарных выборов, отражают основной исследовательский вопрос: какие факторы влияют на конкурентность выборов в условиях электорального авторитаризма?

Теоретическая рамка и обзор литературы

В период третьей волны демократизации политические исследователи ожидали, что новые электоральные демократии продолжат демократизироваться и развивать демократические институты, однако в реальности ситуация сложилась иначе: неустойчивые демократии, сохраняя при этом демократические институты, становились авторитарными (Diamond, 2002: 22). Подобная ситуация привела к обилию терминов, использующихся для того, чтобы характеризовать режимы подобного типа. Так, исследователи использовали термины «полудемократия», «гибридный режим», «виртуальная демократия», «псевдodemократия», «электоральная демократия», «нелиберальная демократия», «мягкий авторитаризм», «полуавторитаризм», «электоральный авторитаризм», а также «частично свободный режим» (Levitsky & Way, 2002: 52). Такое количество разных терминов по отношению к одному и тому же феномену привело не только к отсутствию понимания природы режимов данного типа, но и к сложности нахождения консенсуса между исследователями типов режимов и их трансформаций.

Для данного исследования полезно будет рассмотреть два термина: “электоральный авторитаризм” А. Шедлера и “соревновательный авторитаризм” Левицки и Вэя.

Концепция электорального авторитаризма характеризуется тем, что выборы в ней не являются демократическими, однако правители автократий всегда стремятся показать, что эти выборы проводятся по всем правилам, даже если эти правила нарушаются (Schedler, 2002). Таким образом, авторитарные выборы не являются “рудиментом” от прежнего демократического режима, как полагали исследователи ранее. Напротив, в электоральном авторитаризме выборы являются основным институтом, поддерживающим режим, и выполняют для автократа конкретные функции, которые помогают ему оставаться у власти.

Не менее важным, однако, представляется концепт соревновательного авторитаризма, поскольку он подчёркивает важную для исследования деталь выборов в условиях авторитарного режима: несмотря на все авторитарные черты выборов в условиях автократии, эти выборы не являются полностью подконтрольными автократу, поэтому в каком-то смысле являются соревновательными, хотя и с весомыми преимуществами для автократа (Levitsky & Way, 2002). И если в рамках национальных (или, в случае с Российской Федерацией, общенациональных) выборов это является препятствием и угрозой для авторитарного режима (Kaminski, 1999; Kim, 2017; Miller, 2020), то на субнациональном и локальном уровнях конкурентные выборы скорее способствуют сохранению авторитарного режима и выполняют конкретные функции (Golosov, 2011; 2016).

Одна из таких функций – распределение мандатов между различными элитными группами и оппозиционными силами. Так, согласно исследованиям, автократам выгоднее использовать конкурентные выборы в законодательные ассамблеи, поскольку это приводит к кооптации оппозиции (Lust-Okar & Jamal, 2002; Kaya & Bernhard, 2013). Иная функция, которая даёт преимущество автократу в случае конкурентных выборов – это контроль над различными элитными группами. Так, исследователи Хонг и Вонг, изучая локальные выборы в КНР, приходят к выводу, что авторитарные правители используют выборы в качестве схемы стимулирующего и консолидирующего механизма в отношении элитных групп. Конфликт элитных групп приводит к тому, что разные потенциальные кандидаты пытаются договориться о том, чтобы баллотироваться в каком-то округе без конкуренции, однако не всегда бывает так, что существует какой-то один одобренный авторитарным правительством кандидат. В том случае, если в округе конкурирует несколько элитных групп, ни одна из которых не получила однозначного одобрения автократом в свою пользу, выборы в этом округе, скорее всего, будут конкурентными (Hong & Wong, 2020).

Конкурентность на выборах в условиях соревновательного или электорального авторитаризма изучалась преимущественно в контексте предпосылки для дальнейшей демократизации и либерализации политического режима с последующим демократическим транзитом (Bunce & Wolchik, 2010; Donno, 2013). Важными факторами политической конкуренции назывались степень скоординированности действий оппозиционных сил (Howard & Roessler, 2006), тип избирательной и партийной систем (Morse, 2015) или уровень институционализации выборов в зависимости от продолжительности существования режима (Bernhard et al., 2020). Важное объяснение с точки зрения нашего анализа заключается во влиянии структуры экономики регионов на конкурентность выборов, поскольку распределение природных ресурсов также отражает степень консолидации региональных элитных групп (Saikkonen, 2016).

В условиях электорального авторитаризма весомый вклад в конкурентность выборов оказывают политические машины (Prasetyo, 2019; Golosov & Tkacheva, 2019). Логично предположить, что

администрация будет использовать их при поддержке своего кандидата через задействование административного ресурса. Однако исследования авторитарных выборов показывают, что иногда автократ поддерживает оппозиционного кандидата в округе в качестве договора о поддержке в будущем, поощрения или дальнейшей кооптации (Сох, 2009: 30).

Исходя из этого, гипотеза исследования будет сформулирована следующим образом: “Выборы в автократии могут быть конкурентными в том случае, если в округе происходит конфликт элитных групп”.

Ещё один фактор, который косвенно может влиять на конкурентность выборов, – это тип кандидата от умного голосования, стратегии голосования, позволяющие выбрать оппозиционно настроенным гражданам единого кандидата. Согласно исследованию Г. Голосова и М. Турченко, наиболее высокие шансы кандидат от умного голосования получает в том случае, если он или она изначально были известны и набрали бы весомый процент и без помощи умного голосования. В том случае, если кандидат выбирается исходя из идеологических предпочтений, умное голосование не сделает выборы более конкурентными (Turchenko & Golosov, 2021).

Исследования также показывают, что и само по себе количество кандидатов может влиять на конкурентность в округе. Так, в попытках “размыть” протестные голоса, автократы используют тактику включения множества кандидатов, тогда как при наличии в бюллетене лишь нескольких кандидатов выборы будут более конкурентными (Conitzer, 2007).

Явка, которая сама по себе не может являться фактором, поскольку это один из результатов выборов, может косвенно указывать на конкурентность в регионе. Эксперты по авторитарным выборам отмечают, что “сушка явки” – это один из способов снизить конкурентность на выборах для автократа (Кынев, 2019; 2020). В том же случае, если выборы являются конкурентными, каждая избирательная сторона, напротив, пытается привлечь своих избирателей, опираясь на разные социальные слои и группы в попытках привлечь свой электорат.

Данные и метод

Для исследования были проанализированы 25 одномандатных округов на выборах в Законодательное собрание г. Санкт-Петербурга 7 созыва 2021 г. Выбор объекта исследования обусловлен несколькими причинами. Во-первых, г. Санкт-Петербург является одним из немногих субъектов Российской Федерации, где конфликт элитных групп выражен достаточно явно и открыто (Bader, 2013). Различные наблюдения и инциденты показывают, что в г. Санкт-Петербурге различные элитные группы периодически сталкиваются, отстаивая свои интересы (Saikkonen, 2016; Кынев, 2020). Во-вторых, региональный уровень выборов, как уже замечалось выше, является тем типом выборов, который выполняет функцию распределения благ и несущественен для федерального уровня. В-третьих, одномандатная избирательная система, в рамках которой проходят выборы по округам, позволяет проанализировать результаты кандидатов в отрыве от результатов политических партий, где интересы федерального уровня могут влиять на интересы региональных элитных групп. Изучение округов позволяет если не устранить это влияние полностью, то по крайней мере минимизировать его.

В качестве метода анализа будет использован качественный сравнительный анализ (QCA), который поможет не просто распознать силу связи, а установить, при комбинациях каких факторов выборы в округе будут конкурентными. Округа, как можно будет удостовериться при операционализации конкурентности, достаточно чётко делятся на конкурентные и неконкурентные. Исходя из этих соображений, метод QCA является наиболее подходящим для данного исследования.

Одномандатные округа существенно отличаются по уровню конкурентности. Если в некоторых округах разница между победившим кандидатом и вторым кандидатом по количеству голосов не превышает 3–5% от общего числа голосов, то в других округах кандидаты выигрывают с отрывом в 30–35%. Такой разброс позволяет нам достаточно точно определить, в каких округах выборы были конкурентными, а в каких победа кандидата была весьма предсказуема. Для качественного анализа по наличию конкурентности округа будут разделены следующим образом: если разница между победившим кандидатом и вторым кандидатом по количеству голосов составляет менее 8%, выборы в этом округе были конкурентными (1), в противном случае – неконкурентными (0). Распределение разницы между 1 и 2 кандидатами по округам отображено на рис. 1.

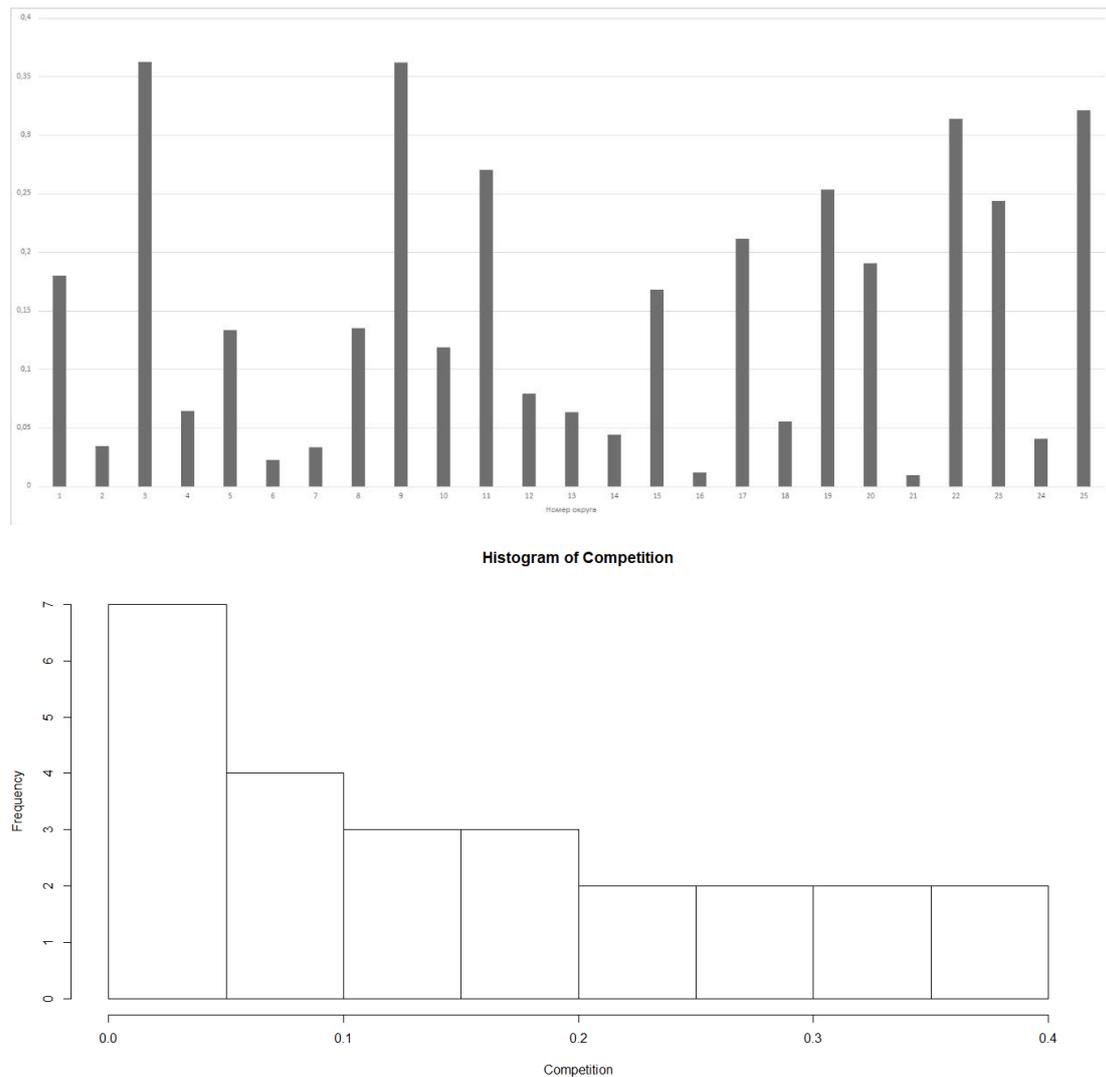

Рис. 1. Разница между количеством голосов за победившего и второго кандидата

Чтобы проверить основную гипотезу о конкурентности выборов при конфликте элитных групп, будет использовано два основных фактора. Первый из них заключается в вопросе о том, поддержала ли администрация города кандидата от ЕР, или отдала округ кандидату от другой партии. Для маркировки округов в статье используется расследование средства массовой информации “Ротонда”, которое специализируется на выборах в г. Санкт-Петербурге. С помощью опросов бюджетных предприятий было выяснено, за кого именно администрация города рекомендует голосовать. Так, согласно данным расследования “Ротонды”, большая часть одобренных кандидатов была от партии “Единая Россия”, однако в шести округах (№5, №7, №14, №17, №21 и №24) были кандидаты от других партий (“КПРФ”, “ЛДПР”, “Новые Люди”) (Карпенко и Клочкова, 2021). При этом важно подчеркнуть, что кандидаты от ЕР в этих округах уже были зарегистрированы. Исходя из этого, шесть перечисленных выше округов будут промаркированы как те, где кандидат от ЕР не был одобрен, поскольку администрация указывала голосовать за другого кандидата.

Второй фактор, который приводит к конфликту элитных групп, состоит в том, переизбирается ли предыдущий депутат из этого округа. Согласно теоретическим ожиданиям, если предыдущий депутат не переизбирается, выборы будут более конкурентными, поскольку округ освобождается, и ни один из кандидатов не может самостоятельно использовать административный ресурс в своих целях для того, чтобы переизбраться. Это приводит к образованию различных групп интересов, ни у одной из которых нет достаточно аккумулированного административного ресурса в округе для того, чтобы полностью подавить своих оппонентов до выборов, что, в свою очередь, превращает выборы в площадку для конкуренции между этими группами. Исходя из этого, те округа, в которых действующий депутат не переизбирался, будут обозначены как “1”, остальные как “0”.

Следующий фактор, который, исходя из описанных выше теоретических ожиданий, может влиять на конкурентность выборов – это количество кандидатов в бюллетене. По этому параметру в округах на выборах в Законодательное собрание г. Санкт-Петербурга так же наблюдается вариация: от пяти до девяти кандидатов, а в среднем по 25 округам – 6,6 кандидатов. Однако более половины округов имеют семь и более кандидатов. Таким образом, округами с небольшим количеством кандидатов будут обозначаться округа с пятью или шестью кандидатами в бюллетене.

Фактор явки, косвенно отражающий конкурентность, также будет добавлен. Вариация по явке не является существенной – она колеблется от 29 до 42%. Однако, исходя из среднего значения, явка, составляющая треть (33%) и выше, будет обозначаться как высокая (1), если же явка не составила и трети от общего количества избирателей в округе, она обозначается как низкая (0). Распределение перечисленных выше факторов по округам отображено в табл. 1.

Таблица 1

Распределение факторов анализа

Номер округа	Конкурентность	ЕР-кандидат не одобрен	Инкумбент не переизбирается	Мало кандидатов	Выс. явка
1	0	0	0	0	1
2	1	0	1	0	0
3	0	0	0	1	1
4	1	0	1	1	1
5	0	1	1	0	1
6	1	0	0	1	1
7	1	1	0	0	0
8	0	0	1	1	1
9	0	0	1	1	1
10	0	0	1	1	1
11	0	0	0	0	1
12	1	0	0	1	0
13	1	0	1	1	1
14	1	1	1	0	0
15	0	0	0	0	0
16	1	0	0	0	0
17	0	1	1	0	0
18	1	0	0	0	0
19	0	0	1	1	1
20	0	0	1	0	0
21	1	1	0	0	0
22	0	0	1	1	0
23	0	0	1	0	1
24	1	1	1	0	1
25	0	0	1	1	1

Результаты

В результате анализа наблюдается, что и фактор отсутствия поддержки кандидата властями и отсутствия инкумбента в округе, дают значимый результат и влияют на конкурентность выборов. Так, 7 из 11 конкурентных округов имеют либо фактор отсутствия инкумбента, либо фактор поддержки властями кандидата от оппозиционной партии. В дополнение к этому, в четырёх из шести округов, где кандидат от ЕР не был поддержан администрацией, были конкурентные выборы. Влияет также и комбинация этих факторов, однако покрытие от общего числа кейсов весьма низкое. Тем не менее, в обоих этих округах выборы были конкурентными. Факторы малого количества кандидатов и высокая явка также дали результаты. Показатели результатов QCA анализа отображены в табл. 2, а графическое распределение показано на рис. 2.

Результаты QCA-анализа

Terms	Consistency	Coverage	Combined
Not-UR	1	0.18	0.42
Not-UR*Not-reelect	0.67	0.36	0.36
Not-reelect	0.6	0.55	0.29
Not-reelect*LowCand	0.67	0.18	0.25
LowCand	0.36	0.36	0.09
Not-reelect*LowCand*HighTurnout	0.5	0.09	0.07
Not-UR* HighTurnout	0.5	0.09	0.07
HighTurnout	0.29	0.36	0.06
LowCand*HighTurnout	0.33	0.27	0.05
Not-reelect*HighTurnout	0.25	0.09	0.03

Not-UR – кандидат от ЕР не одобрен, Not-reelect – инкубент не переизбирается, LowCand – малое количество кандидатов, HighTurnout – высокая явка.

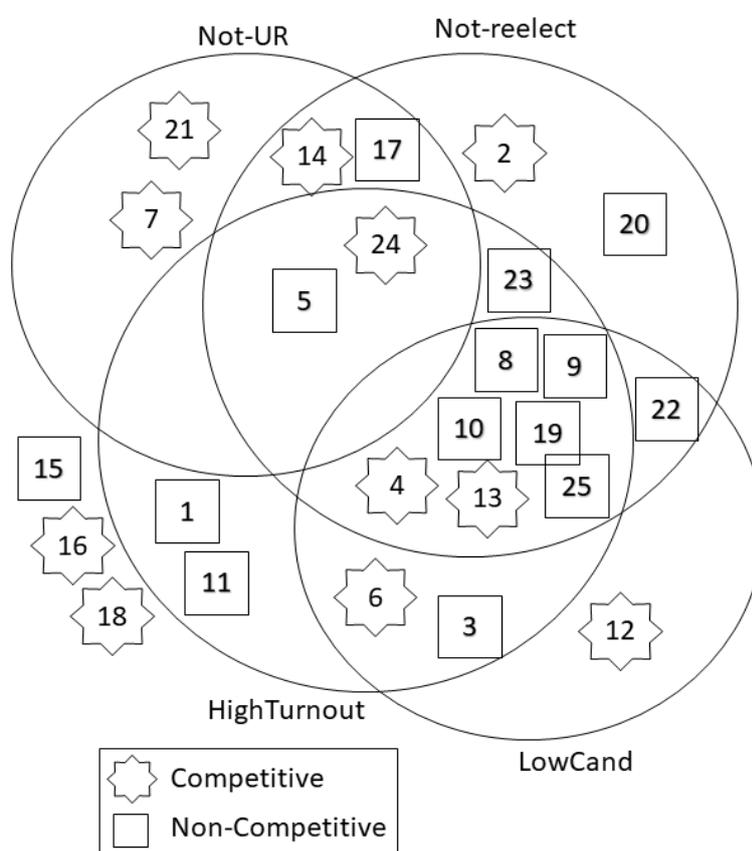

Рис. 2. Распределение округов в зависимости от комбинации факторов анализа

Значение «consistency» отображает соотношение различных исходов в одной группе по отношению к общей выборке. Так, для переменной «Not-UR» consistency 1, поскольку оба округа (7 и 21) – конкурентные. Однако значение «coverage» достаточно низкое, поскольку это лишь 2 случая конкурентных выборов из 11, что составляет приблизительно 18% (0.18). Соответственно, показатель «coverage» отображает объем объяснённых случаев по отношению к определённым исходам. Показатель «combined», в свою очередь, указывает на долю случаев вне пересечения переменной с остальными категориями.

Таким образом, мы подтвердили изначальную гипотезу о том, что конкурентности выборов способствует конфликт элитных групп. Когда администрация города одобряет округ для кандидата

от оппозиционной партии, провластный кандидат не уступает ему мандат автоматически, он пытается выиграть эти выборы, даже без поддержки вышестоящих лиц, принимающих решения. Из шести согласованных с администрацией оппозиционных кандидатов победить смогли только трое, с разницей лишь в несколько процентов. Подобная логика справедлива и для фактора отсутствия инкумбента в списке кандидатов. На самом деле это означает, что механизмы влияния в округе ослабли, и за округ сражаются разные группы интересов. Более того, сочетание факторов одобренного администрацией кандидата не из провластной партии и отсутствие инкумбента округа в списке кандидатов дают полную уверенность, что выборы в этом округе будут конкурентными.

Возможно, более тщательный качественный анализ сможет дать ответы на вопросы, почему в округе №16 кандидата от ЕР поддержали, но он проиграл, а в соседнем округе №17, напротив, провластный кандидат выиграл, несмотря на то, что администрация города поддержала кандидата от другой партии. Интересно было бы разобрать ситуацию в округах №5 и №21, которые, несмотря на покровительство кандидатам от оппозиционных партий, не были конкурентными, но даже в этом случае они не были конкурентными по-разному, поскольку в одном случае “согласованный” оппозиционный кандидат с большим отрывом победил, в другом же такой же согласованный от оппозиционной партии кандидат с ещё большим отрывом проиграл. Все эти вопросы по-прежнему актуальны, и их разрешение позволит углубить те выводы, которые были сделаны в этой работе.

Выборы в условиях электорального авторитаризма действительно являются площадкой для конкурентности различных элитных групп в том случае, если эти элитные группы негомогенны. Такой случай можно наблюдать на примере политического противостояния разных элитных групп г. Санкт-Петербурга. Если решение по округу однозначное, результат в нём крайне предсказуем, и кандидат побеждает с большим отрывом. Однако если единого “решения сверху” по округу нет, выборы внезапно становятся тем, для чего они изначально задумывались – ареной для соревновательности и конкурентности разных кандидатов.

Список литературы / References

- Карпенко, М., Ключкова, К. (2022) ‘Некоторым бюджетникам в Петербурге рекомендовали голосовать за конкретных кандидатов. Рассказываем, за каких’, портал “Ротонда”. URL: <https://t.me/rotondamedia/2731> (Дата обращения: 08.06.2022). [Karpenko, M., Klochkova, K. (2022) ‘Some state employees in St. Petersburg were advised to vote for specific candidates. We tell you for who’ [Nekotorym byudzhnetnikam v Peterburge rekomendovali golosovat' za konkretnykh kandidatov. Rasskazyvayem, za kakikh], information portal “Rotonda”. Available at: <https://t.me/rotondamedia/2731> (Accessed: 8 June 2022) (In Russ.)].
- Кынев, А. В. (2020) *Губернаторы в России: между выборами и назначениями*. Москва: Фонд «Либеральная миссия», 1030 с. [Kynev, A. V. (2020) *Governors in Russia: between elections and appointments* [Gubernatory v Rossii: mezhdud vyborami i naznacheniyami]. Moscow: Liberal Mission Foundation, 1030 p. (In Russ.)].
- Bader, M. (2013) ‘Crowdsourcing election monitoring in the 2011–2012 Russian elections’, *East European Politics*, 29(4), pp. 521–535. DOI: 10.1080/21599165.2013.818979.
- Bernhard, M., Edgell, A. B., Lindberg, S. I. (2020) ‘Institutionalising electoral uncertainty and authoritarian regime survival’, *European Journal of Political Research*, 59, pp. 465–487, DOI: 10.1111/1475-6765.12355.
- Bogaards, M. (2009) ‘How to classify hybrid regimes? Defective democracy and electoral authoritarianism’, *Democratization*, 16(2), pp. 399–423. DOI: 10.1080/13510340902777800.
- Bunce, V., Wolchik, S. (2010) ‘Defeating Dictators: Electoral Change and Stability in Competitive Authoritarian Regimes’, *World Politics*, 62(1), pp. 43–86. DOI: 10.1017/S0043887109990207.
- Conitzer, V. (2007) ‘When are elections with few candidates hard to manipulate?’, *Journal of the ACM*, 54(3), pp. 14–28. DOI: 10.1145/1236457.1236461.
- Diamond, L. (2002) ‘Elections Without Democracy: Thinking About Hybrid Regimes’, *Journal of Democracy*, 13(2), pp. 21–35. DOI: 10.1353/jod.2002.0025.
- Donno, D. (2013) ‘Elections and Democratization in Authoritarian Regimes’, *American*

- Journal of Political Science*, 57(3), pp. 703–716. DOI: 10.1111/ajps.12013.
- Egorov, G., Sonin, K. (2018) ‘Elections in Non-Democracies’, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2497277> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2497277>.
- Esen, B., Gumuscu, S. (2019) ‘Killing Competitive Authoritarianism Softly: The 2019 Local Elections in Turkey’, *South European Society and Politics*, 24(3), pp. 317–342. DOI: 10.1080/13608746.2019.1691318.
- Frye, T., Reuter, O. J., Szakonyi, D. (2014) ‘Political machines at work: Voter Mobilization and Electoral Subversion in the Workplace’, *World Politics*, 66(2), pp. 195–228. DOI: 10.1353/wp.2014.0012.
- Golosov, G. V. (2011) ‘The Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia’, *Europe-Asia Studies*, 63(4), pp. 623–639. DOI: 10.1080/09668136.2011.566427.
- Golosov, G. V. (2016) ‘Why and how electoral systems matter in autocracies’, *Australian Journal of Political Science*, 51(3), pp. 367–385. DOI: 10.1080/10361146.2016.1182617.
- Hong, H., Wong, T-N. (2020) ‘Authoritarian election as an incentive scheme’, *Journal of Theoretical Politics*, 32(3), pp. 460–493. DOI: 10.1177/0951629820910563.
- Howard, M. M., Roessler, P.G. (2006) ‘Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes’, *American Journal of Political Science*, 50(2), pp. 365–381. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2006.00189.x.
- Kaminski, M. M. (1999) ‘How communism could have been saved: Formal analysis of electoral bargaining in Poland in 1989’, *Public Choice*, 98(1–2), pp. 83–109.
- Kaya, R., Bernhard, M. (2013) ‘Are Elections Mechanisms of Authoritarian Stability or Democratization? Evidence from Post-communist Eurasia’, *Perspectives on Politics*, 11(3), pp. 734–752. DOI: 10.1017/S1537592713002119.
- Kim, N. K. (2017) ‘Anti-regime uprisings and the emergence of electoral authoritarianism’, *Political Research Quarterly*, 70(1), pp. 111–126. DOI: 10.1177/1065912916675739.
- Kuzio, T. (2015) ‘Rise and Fall of the Party of Regions Political Machine’, *Problems of Post-Communism*, 62(3), pp. 174–186. DOI: 10.1080/10758216.2015.1020127.
- Levitsky, S., Way, L. A. (2002) ‘Elections Without Democracy: The Rise of Competitive Authoritarianism’, *Journal of Democracy*, 13(2), pp. 51–65. DOI: 10.1353/jod.2002.0026.
- Miller, M. K. (2020) ‘The strategic origins of electoral authoritarianism’, *British Journal of Political Science*, 50(1), pp. 17–44. DOI: 10.1017/S0007123417000394.
- Morse, Y. L. (2015) ‘From Single-Party to Electoral Authoritarian Regimes: The Institutional Origins of Competitiveness in Post-Cold War Africa’, *Comparative Politics*, 48(1), pp. 126–151. DOI: 10.5129/001041515816075141.
- Prasetyo, W. (2019) ‘Political Machine and Challenger Victory in a Javanese Village Chief Election’, *PCD Journal*, 7(2), pp. 317–374. DOI: 10.22146/pcd.52779.
- Saikkonen, I. A.-L. (2016) ‘Variation in subnational electoral authoritarianism: evidence from the Russian Federation’, *Democratization*, 23(3), pp. 437–458. DOI: 10.1080/13510347.2014.975693.
- Schedler, A. (2002) ‘The Menu of Manipulation’, *Journal of democracy*, 13(2), pp. 36–50. DOI: 10.1353/jod.2002.0031.
- Tkacheva, T., Golosov, G. V. (2019) ‘United Russia’s Primaries and the Strength of Political Machines in the Regions of Russia: Evidence from the 2016 Duma Elections’, *Europe-Asia Studies*, 71(5), pp. 824–839. DOI: 10.1080/09668136.2019.1613515.
- Turchenko, M., Golosov, G. V. (2021) ‘Smart enough to make a difference? An empirical test of the efficacy of strategic voting in Russia’s authoritarian elections’, *Post-Soviet Affairs*, 37(1), pp. 65–79. DOI: 10.1080/1060586X.2020.1796386.

Статья поступила в редакцию: 26.09.2022

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 06.11.2022

Статья принята к печати: 13.11.2022

**WHEN ARE AUTHORITARIAN ELECTIONS COMPETITIVE?
THE CASE OF ST. PETERSBURG'S LEGISLATIVE ASSEMBLY ELECTIONS**

D. A. Kozmin

D. A. Kozmin, Master of Political Science, PhD Student, Faculty of Political Science,
ANOOVO "European University in St. Petersburg".

E-mail: dkozmin@eu.spb.ru (ORCID: 0000-0001-5426-1335).

Abstract

Elections in authoritarian regimes are commonly defined as “unfair and uncompetitive,” but is it always true? The author argues that in the case of the heterogeneity of elite groups in the region and the emergence of a conflict among them, regional elections become an "arena for confrontation" for competing actors of the political system. To test this assertion, data on the results of elections and the characteristics of election campaigns in 25 single-member districts in the elections to the Legislative Assembly of St. Petersburg in 2021 are used. With the method of qualitative comparative analysis (QCA), the hypothesis of the existing conflict among elite groups is confirmed. In case the city administration "approved" a candidate from the opposition party instead of the ruling one, and also if the previous deputy in the district is not re-elected in the same district, the elections are competitive, and the victory of a particular candidate is unpredictable. As a result of the analysis, such factors of election competitiveness as the number of candidates on the ballot and high turnout are also identified. Thus, in the event of a conflict between regional elites, authoritarian elections fulfill their original function: serve as platforms for the competitive struggle of various political groups.

Keywords: elections; electoral authoritarianism; regional politics; regional elections; elections in Russia; authoritarian elections; competitiveness; deconsolidation of elite groups.

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-4-94-104

ДЕПОРТАЦИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СЛУЧАИ РЕСПУБЛИКИ ЧЕЧНЯ И РЕСПУБЛИКИ ИНГУШЕТИЯ

И. А. Ушпаров

Ушпаров Игорь Андреевич, аспирант факультета политических наук,
Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: igor.usparov@mail.ru (ORCID: 0000-0002-4908-5645).

Аннотация

Память о трагических событиях играет важную роль при формировании коллективной идентичности. Этнические группы борются за право конструировать собственный исторический нарратив, который часто не совпадает с официальной государственной исторической политикой. Депортация, осуществленная в годы Великой Отечественной Войны, сыграла ключевую роль в определении этнической идентичности для чеченских и ингушских групп. В настоящей статье изучается процесс формирования и эволюции локального исторического нарратива о депортации чеченского и ингушского народов в советское и постсоветское время. Проведенный анализ показал, что существующий способ коммеморации и взаимодействия с памятью о трагических событиях в Республиках Чечня и Ингушетия отличаются, несмотря на существовавшую общую социально-культурную и институциональную среду. В настоящий момент в Чеченской Республике можно наблюдать низкий уровень институционализации памяти, в которой семейные воспоминания о депортации остаются доминирующей формой передачи памяти. Власть республики активно вытесняет память о депортации из мемориального и публичного пространства, связывая его с политическим кризисом в 1990-е гг., однако, продолжает использовать нарратив для мобилизации граждан. В Республике Ингушетия, наоборот, обращение к мемориалам, а также закрепление статуса травмы в качестве ключевого исторического события носит институционализированный и общеразделяемый характер, поддерживаемый со стороны как властей республики, так и общественности.

Ключевые слова: политика памяти; культурная травма; депортация; дискурс; исторический нарратив; Республика Ингушетия; Республика Чечня.

Введение

Использование опыта культурной травмы является эффективным инструментом конструирования и управления коллективной памятью сообщества. Различные мнемонические акторы формируют, распространяют и закрепляют в массовом сознании особую интерпретацию исторических событий, тем самым воздействуя на их социальное представление в обществе (Малинова, 2018: 34). Культурная травма является основой для конструирования этнической идентичности (Шнирельман, 2021: 8). Такие трагические события, как депортация, репрессии, геноцид и этническая чистка оставляют глубокий шрам в памяти. Использование опыта травмы в политике памяти может рассматриваться в качестве применения классического антагонистического подхода (Bull & Hansen, 2016: 6).

В статье основное внимание сосредоточено вокруг изучения опыта использования и институционализации памяти о депортации 1944 г. в Республике Чечня и Республике Ингушетия. В советской практике был выработан общепринятый государственный нарратив, который оправдывал насильственные действия по отношению к депортированным народам. В то же время чеченские и ингушские группы сформировали свою собственную интерпретацию трагических событий, не принимая во внимание официальную версию прошлого. В рамках советского авторитарного режима невозможно говорить об эффективных попытках местных групп институционально конкурировать с государственным нарративом, однако борьба за доминирование той или иной исторической интерпретации вышла на новый уровень в период «перестройки».

Депортация, осуществленная 23 февраля 1944 г., является центральным местом коллективной памяти для обоих народов. Опыт совместного проживания (*в рамках ЧИАССР*), принадлежность к единой культуре (*вайнахская группа*), а также наличие общей коллективной травмы повлияли на выработку собственной политики памяти, контрастирующей с государственным нарративом. Тем не менее, современные формы работы с коллективной памятью в Республиках Ингушетия и Чечня отличаются. Ингушские акторы максимально используют нарратив о депортации и встраивают его в собственный дискурс, в то время как в Чечне тема депортации эволюционно передается забвению. Это задает риск трансформации памяти о депортации в «неофициальную» историю, что провоцирует отчуждение травмы от публичного дискурса в целом. Таким образом, дискурс, формируемый «сверху», и его институциональная «открытость» является важным инструментом для формирования и распространения общей интерпретации тех или иных событий. Выбранные случаи предполагают выработку различных подходов в работе с памятью о депортации 1944 г. Исходя из предложенных предпосылок, необходимо выяснить: в чем состоит и чем обусловлена основная разница в формах взаимодействия с памятью о депортации 1944 г. в Республиках Ингушетия и Чечня?

Эволюция исторического нарратива о депортации 1944 г.

23 февраля 1944 г. под кодовым названием «Чечевица» была осуществлена высылка чеченских и ингушских этнических групп с территории их компактного проживания. Согласно официальным данным выселению подлежало около полумиллиона человек на территорию Казахстана и Киргизии. Подобное политическое решение обосновывалось сложными отношениями, существовавшими между органами центральной советской власти и местными этническими группами в довоенное время (Акаев и др., 2014: 130).

Анализ конструирования исторического нарратива депортированных народов во многом связан с рассмотрением взаимоотношений местной этнической истории и официальной государственной интерпретации трагических событий (Шнирельман, 2021: 19). В рамках советского режима формирование исторических нарративов о депортации стоит разделить на несколько периодов, *первый* из которых относится к процессу депортации и жизни в спецпоселениях (1944–1957 гг.).

Согласно проведенному анализу, можно сделать вывод, что советский официальный нарратив определил депортацию 1944 г. в качестве необходимой меры для наказания чеченских и ингушских групп. В Указе Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве её территории», принятом 7 марта 1944 г., обосновывается ряд причин, согласно которым вайнахская группа обвиняется в сотрудничестве с немецко-фашистскими силами. Более того, массовое дезертирство из РККА, распространение антикоммунистического движения, а также организация налетов, грабежей, набегов и иных преступлений на мирных жителей конструирует чеченскую и ингушскую группы как «врагов» народа. Ликвидация Чечено-Ингушской автономии, а также последующие административные преобразования послужили будущим катализатором многих территориальных и межэтнических споров, которые стоит учитывать при анализе политики памяти в регионе.

Выработанный государственный нарратив о предательстве чеченских и ингушских групп не соотносится с локальной интерпретацией событий. Чеченские и ингушские историки отмечают, что территория ЧИАССР никогда не была под оккупацией враждебных сил (за исключением небольшого г. Малгобека, находящегося в северной части республики), а масштабы бандитизма и мародерства крайне преувеличены (Акаев и др., 2014: 131). Помимо этого, личные амбиции партийного руководства, необходимость в «упрощении» полиэтничного состава страны и напряженные отношения с Турцией во время Великой Отечественной Войны составляют ряд альтернативных предположений о реальных причинах массовой депортации народов Северного Кавказа (Акаев и др., 2014: 130).

В рамках советского режима борьба за доминирование того или иного дискурса в публичном пространстве была крайне ограничена. Этнический нарратив не смог институционально конкурировать с официальной интерпретацией исторических событий на протяжении многих десятилетий после осуществления депортации. Однако память о ней дополнялась новыми сюжетами во время размещения в спецпоселениях. Именно там чеченские и ингушские группы активно взаимодействовали с другими депортированными группами. Несмотря на разность культур, языка и традиций, местное население (в основном казахи и киргизы) устанавливало доверительные отношения, помогая чеченцам и ингушам при процессе трудоустройства и организации собственного быта в спецпоселениях (Исакиева, 2019: 70). Более того, коммуникация с другими наказанными народами позволила обмениваться

мнениями и формировать новую коллективную память вне определенной этнической группы. Это кардинально изменило направление в поиске нового «общего врага/палачей», а также «жертв» (Гучинова, 2021: 37). Таким образом, социальный статус группы и её положение заменил этническую идентификацию. Нарратив о депортации 1944 г. дополняется историями о судьбах не только чеченского и ингушского, но и других пострадавших народов, что позволяет трансформировать глобальную для этнических групп травму в инструмент солидарности (Gould, 2012: 152).

Таким образом, изначально чеченские и ингушские группы конструировали противоположный нарратив относительно официально принятой версии. Последующая виктимизация памяти и встраивание травмы в нарратив стали передаваться из поколения в поколение в условиях ограничений на институционализацию трагедии. Это привело к тому, что политика замалчивания стала наиболее характерной чертой для всей вайнахской группы (Тишков, 2001: 80).

Второй период захватывает реабилитационный этап и длится до начала проведения политики гласности и разрешения публикации материалов о трагических событиях (до середины 1980-х гг.). После смерти И. Сталина и осуждения его культа личности в 1957 г. принимается решение о восстановлении Чечено-Ингушской автономии и возвращении репрессированных народов, однако, институциональная, мемориальная и дискурсивная среда не изменяется. В публичном пространстве продолжает доминировать выработанный взгляд на депортацию и роли вайнахской группы в коллаборационизме с немецко-фашистскими силами. К тому же, многие историки продолжали избегать темы депортации в процессе написания учебников по истории. Вплоть до периода гласности и перестройки, существовали ограничения на всевозможные попытки дискурсивно работать с памятью о трагических событиях (Саправа, 2012: 146). К примеру, чеченским и ингушским сообществам не разрешалось строить памятники, посвященные депортации, а также публиковать какие-либо материалы. Сложившаяся ситуация только усилила роль коллективной памяти для мобилизации чеченского и ингушского населения в период перестройки.

Немаловажным фактором для этого послужило вытеснение чеченской и ингушской памяти из культурного пространства. После выселения территория была заселена новыми жителями, которые стали убирать традиционные места захоронения предков, а именно «чурты» (Williams, 2000: 112). Безусловно, после возвращения чеченского и ингушского населения это привело к формированию множество конфликтов не только на бытовом и этническом уровне, но и вокруг памяти (Jaimoukha, 2004: 62). Новое поколение активно сопротивлялось возвращению с мест ссылки депортированных народов, устраивая большие беспорядки в городах и сёлах. Государственный нарратив смог окончательно закрепить в массовом сознании советских граждан страх по отношению к вайнахской группе.

Вторую половину 1980-х гг. можно обозначить как третий период, поскольку именно в нем исторические нарративы депортированных групп приобретают не только этнический и институциональный, но и политический характер. К периоду гласности так и не было установлено ни одного памятника, материалы о трагедии были под запретом или не проходили в рамках цензуры, а учебники по истории старались избегать иных версий интерпретации депортации и последующую за ней ликвидацию автономии (Perović, 2018: 319). Однако с приходом М. Горбачева ситуация меняется. Одна из первых серьезных попыток произошла по инициативе историка М. Музаева. В 1980-е гг. группа под его руководством написала письмо, в котором осудила доминирующую версию прошлого, конструируемую советским руководством (Jaimoukha, 2004: 63). Более того, в ЧИАССР были организованы научные конференции, которые дискредитировали советский нарратив о взаимоотношениях России и Кавказа в целом. Это вызвало бурную общественную реакцию и заложило основы для будущего политического конфликта между органами центральной власти и республик.

В частности, к концу 1980-х гг. уже появляются первые местные монументы, печатаются научные исторические книги, снимаются фильмы, а также публикуется литература, повествующая о жизни людей во время депортации и жизни в спецпоселениях. Уже к началу 1990-х гг. были размещены статьи в журналах и газетах, в которых содержались секретные материалы об организации массового выселения в 1944 г. (Perović, 2018: 320).

Ключевым событием на рубеже десятилетий становится публикация материалов о совершенном массовом убийстве в селе Хайбах. В феврале 1944 г., согласно позиции НКВД, ввиду невозможности транспортировки местных жителей, было принято решение о ликвидации деревни, в результате которой было убито примерно 700 человек. Трагедия в Хайбахе стало частью нового исторического нарратива чеченцев и ингушей, который теперь дополняется описаниями жестокости советского руководства к собственным гражданам (Саправа, 2012: 150). Таким образом, происходившие тогда

первые попытки институционально работать с памятью и встроить её в публичное пространство повлияло на формирование конкурентного локального дискурса. В случае с чеченскими и ингушскими группами, ограничения на институциональную работу, формирование собственной коллективной памяти и трагедия в Хайбахе заложили основу для будущих политических кризисов в 1990-е и начале 2000-х гг.

С распадом Советского Союза память о трагедии в чеченских и ингушских сообществах переходит из «семейной», передаваемой из поколения в поколение, в память «институционализированную», транслируемую через различные инструменты политики памяти. Несмотря на схожесть судеб ингушского и чеченского народов, а также общность травмы и опыт совместного переживания, на современном этапе можно увидеть два прямо противоположных подхода к памяти и к способу её коммеморации.

Современные формы взаимодействия с памятью о депортации в Республике Ингушетия и Республике Чечня

Мнемонические акторы формируют исторический нарратив и закрепляют определенные представления о прошлом в массовом сознании через инструменты политики памяти. Одним из таких способов является контроль над публичным дискурсом, который выстраивает значения и понятия, важные для эффективной борьбы за доминирование того или иного нарратива (Macgilchrist and Van Hout, 2011: 4). В Чечне и в Ингушетии формируются разные формы взаимодействия с памятью о депортации, что активно прослеживается через анализ дискурса в рамках применения стратегии множественной кейс-стади (*multiple case-study*).

При анализе новостных публикаций и текстовых материалов, собранных с интернет-ресурсов, был использован качественный анализ документов. Материалы были отобраны по набору ключевых слов, а именно: «депортация», «Чечня», «Ингушетия», «1944 год», «23 февраля», «память», «годщина» с целью выявления необходимой информации, относящейся к памяти о депортации вайнахской группы. Собранные материалы были подвергнуты дальнейшему качественному анализу нарративных шаблонов (*schematic narrative templates*). Существующие схемы описания депортации, а также встраивание её в тексты и публичные выступления мнемонических акторов определяют культурные, исторические и повествовательные традиции, закреплённые в обществе. Таким образом, данный текстуальный анализ собранных материалов отображает репрезентацию дискурса относительно нарратива о депортации 1944 г. в обеих республиках.

Особое внимание уделялось материалам, касающимся принятым политическим и управленческим решениям относительно формирования мемориального законодательства, а также организации проведения ежегодных коммеморативных практик в республиках. В том числе, были отобраны материалы, посвященные траурным мероприятиям, в которых приводились высказывания мнемонических акторов, в частности, глав республик, представителей органов региональной власти и других высокопоставленных чиновников. Более того, открытие мемориальных проектов жертвам трагических событий, на которых проводились также коммеморативные мероприятия, дополнили выборку настоящего исследования. Таким образом, всего было проанализировано 24 материала.

С помощью собранных материалов прослеживаются изменения институциональной и дискурсивной среды, мемориального законодательства, процесса организации коммеморативных площадок. Борьба за использование конкретного языка описания исторического прошлого позволяет конкретизировать не только дискурсивное, но и институциональное измерение политики памяти в обоих случаях.

Республика Ингушетия

На протяжении всей современной истории ингушской государственности память о депортации использовалась региональными элитами в качестве опоры этнической идентичности. Местное население, взаимодействуя с органами власти, активно защищает своё право на закрепление статуса депортации в дискурсивном и мемориальном поле. В частности, активисты со стороны правозащитной организации «Машр» и общественного движения «Опора Ингушетии» призывают жителей республики отмечать 23 февраля как день памяти о трагических событиях. Эту инициативу поддерживает и власть республики, установив этот день в качестве национального «траура» ингушей. Здесь ежегодно проходят митинги, проводятся траурные мероприятия с возложением цветов и обязательным посещением мемориальных комплексов. Выступления главы республики, тейпов, представителей религиозных учреждений и местных жителей являются главными атрибутами процесса коммемора-

ции. Подобная активная роль элиты в конструировании общественного дискурса и привлечении местного населения во многом отражает активную и антагонистическую позицию мнемонических акторов в использовании памяти о депортации как инструмента легитимации собственной власти.

Несмотря на убежденность региональной власти и общества в проведении коммеморативных мероприятий 23 февраля, существовали дискуссии о переносе даты годовщины памяти о депортации. Во всероссийском масштабе 23 февраля является праздником *Днём Защитника Отечества*, пересечение с которым вызывает трудности в институционализации одновременно двух событий. Таким образом, в ингушском политическом и общественном истеблишменте существовали как минимум три модели отношений к двум датам. *Первая* концепция предполагала перенести День Защитника Отечества на другой день в знак солидарности государства и окончательного признания трагедии северокавказских народов¹. Многие пользователи социальных сетей поддержали это решение, однако, это не нашло отклика как на региональном, так и на государственном уровне. *Вторая* концепция рассматривала идею о переносе даты памяти о жертвах депортации на другой день, 30 октября. Это вызвало волну недовольства среди не только мирных жителей, но и среди элит. Акторы считают своим долгом защищать 23 февраля, как: «национальный, сугубо ингушский памятный день»². *Третья* версия предлагала эклектично совместить оба события в один день. Практическая её имплементация просуществовала недолго.

23 февраля 2019 г. на одном из траурных мероприятий были установлены плакаты, повествующие о противоположных исторических нарративах для местного населения. Первый из них был посвящен депортации ингушского народа в 1944 г., а другой баннер – Дню Защитника Отечества. Местные жители и активисты начали резко протестовать против объединения дат. Во время выступления Ю.-Б. Евкурова, бывшего лидера республики, публика начала его освистывать и требовать прекратить все попытки покушения на память о трагических событиях³. В результате после официальной церемонии развернулась драка. На следующий год во время проведения траурных мероприятий была усилена роль правоохранительных органов, чтобы не допустить эскалацию конфликта и провокаций. Однако в 2020 г. власть пошла на уступки и оставила все попытки объединения разных исторических нарративов.

На данный момент М. Калиматов неоднократно подчеркивал этническую важность истории депортации ингушского народа⁴. Принимая во внимание отсутствие механизма вытеснения «Дня Защитника Отечества» из публичного дискурса, власть прислушивается к мнению местных жителей и продолжает договариваться с ними в попытках отстаивать институционализацию обоих праздников, но отдельно друг от друга. Уже в 2021 г. оба праздника проводились отдельно друг от друга. Было организовано множество коммеморативных площадок, на которых были размещены различные символические и культурные объекты. В 2022 г. власти республики сохранили традицию разделения траурного мероприятия от празднования государственного праздника. На фоне процесса припоминания (*remembering*) ингушские акторы и местное население вспоминают жертв конфликта вокруг Пригородного района 1992 г., другого важного трагического события в истории Ингушетии⁵. Таким образом, память о трагедии дополняется воспоминаниями о других травмах, непосредственно связанных с ингушской идентичностью.

Другим немаловажным аспектом борьбы за институционализацию памяти является принятие закона о запрете увековечивания памяти об И. Сталине в регионе. Это решение вызвало ряд бурных обсуждений среди общественности. Практически все депутаты поддержали законопроект, несмотря на разницу в идеологической и партийной принадлежности. Среди проголосовавших «за» были депутаты и от КПРФ, однако, региональное отделение попыталось опротестовать вынесенное решение. Судьба данного законопроекта до сих пор не известна, однако отношение к И. Сталину в республике, действительно, сложное. Как правило лидеры республики во время своих публичных выступлений

¹ Кавказский Узел (2020) Правозащитники поддержали идею отказа от празднования 23 февраля на Северном Кавказе. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/346408/> (дата обращения: 11.04.2022). ООО «МЕМО», учредитель регионального интернет-СМИ «Кавказский узел», внесено Минюстом РФ в реестр иностранных агентов 08.10.2021 г.

² Кавказский Узел (2017) Спикер Парламента Ингушетии предложил вспоминать жертв депортации 30 октября. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/298257/> (дата обращения: 15.04.2022).

³ Кавказский Узел (2020) Траурный митинг в Назрани прошел под присмотром силовиков. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/346253/> (дата обращения: 16.04.2022).

⁴ Кавказский Узел (2021) Власти Ингушетии попытались увязать годовщину депортации с празднованием 23 февраля. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/360093/> (дата обращения: 12.04.2022).

⁵ Кавказский Узел (2022) В Ингушетии развели по разным городам траурные и праздничные мероприятия 23 февраля. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/373518/> (дата обращения: 19.04.2022).

резко критиковали И. Сталина и принятые им политические решения относительно выселения не только вайнахской группы, но и других репрессированных народов¹. К тому же, тот факт, что депутаты от коммунистической партии поддержали законопроект, говорит о первостепенной значимости памяти о депортации ингушского народа в качестве этнической идентификации. Таким образом, элиты республики демонстрируют свое отношение к прошлому, разделяя общественное мнение и заслуживая авторитет среди местного населения.

Формирование общественного дискурса происходит не только через коммеморативные практики, изменение мемориального законодательства и выступления мнемонических акторов, но и через создание различных проектов, поддерживаемых (не)государственными акторами. В данном случае такой инициативой выступает «Я – очевидец», при Мемориальном комплексе жертвам репрессий в г. Назрань. Суть проекта заключается в фиксации материалов через различные средства запечатления (текст, фото и видео) памяти и свидетельств людей, переживших депортацию 1944 г.² Авторы проекта надеются не только сохранить, но и повлиять на общественный дискурс, формирующийся вокруг памяти о депортации ингушского народа. На данный момент уже выпущено 2 сборника, а работа по сбору и анализу материалов активно продолжается и сейчас. Власть поддерживает и финансирует, таким образом, различные инициативы по формированию мемориального наследия.

Более того, ингушское научное сообщество также подключено к поддержке местного исторического нарратива. В 2019 г. «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева» подготовил и выпустил сборник, посвященный 75-летию депортации ингушского народа. Различные ученые и специалисты по местной истории попытались повлиять на общественный и академический дискурс, отобразив существующую полемику относительно причин депортации, условий жизни ингушского и чеченского народов во время ссылки, а также собственное отношение к статусу народа. Используя архивные документы, а также яркую эмоциональную риторику, сборник стал удачным в рамках проведения исторической политики.

К тому же, память о депортации 1944 г. активно используется и в мемориальном наследии республики. В 1997 г. в с. Насыр-Корт Назрановского района, на окраине г. Магас под руководством Р. Аушевым строится «Мемориальный комплекс жертвам репрессий Девять башен». Деньги на строительство комплекса были собраны от пожертвований граждан. В течение всей современной истории мемориала, власть республики постоянно поддерживает и финансирует различные проекты, проводит на месте коммеморативные мероприятия 23 февраля. Позже Государственный Музей истории ГУЛАГа становится его главным партнером, с которым они вместе работают над различными исследовательскими и образовательными программами. В последующие годы мемориальный комплекс достраивался и наполнялся новыми смыслами. Помимо депортации 1944 г. новый мемориал приобретает повествование о различных значимых не только трагических, но и героических событиях истории ингушского народа. Теперь депортацию встраивают в основной исторический нарратив Ингушетии, а память о ней приобретает все больше институционализированный характер. Организация экскурсий, создание множество других культурных объектов на территории комплекса (к примеру, «экспонат поезда времён депортации ингушей 1944 года», «чурты», «Вечный огонь»), проведение коммеморативных мероприятий закрепляет основной акцент и нарратив, в котором отображается местная интерпретация событий, отличающаяся своей интонацией и эмоциональностью. Таким образом, память о депортации 1944 г. в Республике Ингушетия носит скорее институционализированный, общеразделяемый характер и передается в рамках существующих эффективных инструментов политики памяти.

Республика Чечня

С конца 1980-х гг. власть республики начала активно использовать депортацию 1944 г. в качестве опоры чеченской идентичности (Бюллетень Правозащитного центра «Мемориал», 2019: 15). Вплоть до начала 2000-х гг. взаимодействия с памятью о прошлом носили системный характер, однако, со стабилизацией ситуации на Северном Кавказе произошли новые институциональные ограничения в мемориальной и дискурсивной среде.

После распада СССР в республике официально не было установлено дня памяти жертв депортации. Коммеморация трагических событий обычно ежегодно проходила 23 февраля, что активно

¹ ТАСС (2016) Евкуров: нельзя не признать заслуг Сталина, но он – враг ингушского народа. URL: https://n.tass.ru/politika/3362194?utm_source=tass.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=tass.ru&utm_referrer=tass.ru (дата обращения: 14.04.2022).

² Официальный сайт «Мемориальный комплекс жертвам репрессий». URL: <http://memorialing.ru/proekty/>.

поддерживала региональная власть и общественность. В 2010 г. принимается указ «День памяти и скорби в Чеченской Республике», который юридически закрепил этот день. Однако в 2011 г. это решение отменяется, и дата переносится на 10 мая. Во-первых, смена даты объясняется празднованием в этот день другого государственного праздника – Дня Защитника Отечества, пересечение с которым будет нарушать логику проведения траурных мероприятий. Во-вторых, 9 мая 2004 г. в результате теракта был убит А. Кадыров, который имеет большое символическое и политическое значение для республики. Решение о переносе даты на 10 мая является попыткой совместить все трагические события чеченского народа, в центре которых стала бы потеря отца Р. Кадырова. Однако это вызвало тогда бурный общественный резонанс, в результате которого местные жители требовали устроить массовый бойкот и продолжать проводить собственные коммеморативные мероприятия 23 февраля.

Власти республики продолжали игнорировать многие общественные акции, и после 2011 г. официально проводили все траурные мероприятия именно 10 мая. Теперь основной фокус всех публичных выступлений Р. Кадырова о трагических событиях чеченского народа строился вокруг личных воспоминаний об отце и его биографии, а не депортации чеченского народа¹. Помимо этого, контролирование процесса коммеморации исторического нарратива происходило через мониторинг СМИ и медиапространства. 23 февраля транслируют различные новостные сюжеты, связанные с отмечанием общероссийского праздника, к которому местные жители и до этого относились с осторожностью. По телевизору лишь несколько слов упоминалось о депортации 1944 г., все остальное эфирное время занимал государственный исторический нарратив². Таким образом, память о депортации чеченского народа вытесняется с изначальной даты. Попытки сконструировать «новую традицию» не привели к формированию нового исторического нарратива, в центре которого бы стояла фигура А. Кадырова.

На дискурсивное восприятие депортации влияет академическая среда в том числе. Путем формирования научных дискуссий вокруг той или иной темы, власть может контролировать процесс выработки исторического нарратива. В 2014 г. была проведена конференция «Депортация чеченского народа. Что это было и можно ли это забыть?», посвященная 70-летию годовщины депортации чеченского и ингушского народов. На базе открытых материалов можно сделать вывод о доминирующем представлении депортации в качестве трагедии всего чеченского народа, память о которой важна для современной этнической идентификации в том числе. В Академии наук Чеченской Республики была проведена также конференция «Чечено-Ингушетия в годы Великой Отечественной войны», на которой обсуждались спорные моменты об интерпретации тех или иных исторических событий. Участники конференций являются известными и уважаемыми местными историками, задача которых была определить новую траекторию исторического нарратива и снизить уровень «чувствительности» самой темы (Бюллетень Правозащитного центра «Мемориал» 2019: 17). Те участники конференций, которые позволяли себе резко критиковать новый разворот в исторической политике после 2011 г., были институционально ограничены от дальнейшего участия в разделении общественного дискурса (Бюллетень Правозащитного центра «Мемориал» 2019: 18).

В последующие годы власть в институциональном и дискурсивном смысле пытается предать забвению память о депортации. Во многом это было связано, с одной стороны, с попыткой Р. Кадырова окончательно встроиться в вертикаль власти, а с другой стороны, укрепившаяся связь между событиями 1944 г. и политическим кризисом в 1990-е гг. мешает окончательно решить национальный вопрос республики. Трагические события часто связаны между собой, несмотря на существующую большую дистанцию между ними. Поэтому на современном этапе мнемонические акторы выбирают стратегию замалчивания для постепенного вытеснения политического кризиса в 1990-е из публичного и мемориального дискурса республики.

В 2019 г. происходит новый разворот в исторической политике. 23 февраля по всей республике проходят траурные и коммеморативные практики, посвященные 75-летней годовщине со дня депортации народа. В последующие годы данная тенденция продолжает сохраняться, несмотря на официальный перенос отмечания всех трагических событий на 10 мая. В 2022 г. также были проведены траурные мероприятия, в ходе которых вспоминалась депортация 1944 г., однако, в узком кругу представителей власти. Местное население не было приглашено. Во время публичного выступления

¹ Кавказский Узел (2018) Власти Чечни поставили Ахмата Кадырова в центр Дня памяти и скорби. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/320299/> (дата обращения: 20.04.2022). Региональное интернет-СМИ «Кавказский узел», учредитель которого ООО «МЕМО» внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов 08.10.2021 г.

² Кавказский Узел (2018) Жители Чечни поминают жертв депортации, несмотря на запрет властей. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/316945/> (дата обращения: 12.04.2022).

лидера республики в «закрытом» процессе коммеморации, Р. Кадыров неоднократно подчеркивал значимость заслуг своего отца¹. Помимо этого, в записях и постах в социальных сетях лидер республики резко критикует И. Сталина. Однако власти республики решили объединить два дискурса, вспоминая роль чеченских солдат во время Великой Отечественной Войны во время проведения различных мероприятий по празднованию Дня Защитника Отечества². В отличие от Ингушетии, в Чечне оба исторических нарратива пытаются объединить в единое дискурсивное пространство.

Очередная смена вектора и частичное возвращение 23 февраля связаны с упрочнением Р. Кадырова во власти и взаимоотношениях с федеральным центром³. Более того, становится необходимой легитимация собственного режима из-за резкой общественной реакции по отношению к смене даты, запрета на празднование и проведение митингов 23 февраля. Тот факт, что в соседней Ингушетии и Дагестане проходят ежегодно траурные мероприятия именно 23 числа поспособствовали принятию решения о частичном возвращении к истокам важного для чеченского сообщества вопроса.

Существует ряд особенностей развития мемориального и культурного наследия, посвященных депортации чеченского народа. Заложенные первые памятники и мемориальные площадки в 1990-х гг. на текущий момент достаточно трудно обнаружить в республике в связи с недавним поворотом в исторической политике. Первый монумент, посвященный местной истории выселения жителей города во время депортации, открылся в 1991 г. в г. Урус-Мартане. Мемориальные плиты символизируют скорбь, жестокость и несправедливость принятого решения о массовом выселении народа с их Родины, подчёркивая местную специфику.

Однако противоречивая ситуация складывается с бывшим главным монументом «Жертвам депортации 1944 г.», открытым 23 февраля 1994 г. в г. Грозный по инициативе Д. Дудаева. Мемориал выглядел символически и политически значимым местом для чеченского населения, особенно в период политической нестабильности в регионе. Эмоциональный, религиозный и этнический характер памятника закладывает основы для формирования и закрепления нового исторического нарратива. Таким образом, данный мемориал становится институционализированным местом памяти для чеченского народа в период 1990-х гг. Его дальнейшая судьба изменила состояние институциональной памяти и публичного дискурса в целом в Чечне. После 1990-х гг. мемориал был практически разрушен, а к 2000-м гг. начал постепенно демонтироваться. Подобное решение не помешало местным жителям собираться и проводить коммеморативные мероприятия на месте бывшего монумента в день памяти (23 февраля) ещё долго.

В 2008 г. Р. Кадыров, высказался о необходимости переноса «места памяти» на окраину в связи: «неудобства самого места коммеморации». Несмотря на формально позитивное отношение лидера республики к мемориальному наследию и желанию возвести новый крупный мемориальный комплекс, многие жители старались защитить старый памятник. Связано это с действиями со стороны властей по переносу местных «чурт», символизирующих память о предках⁴. Другая же причина лежит в основе дискуссий о наследии Д. Дудаева, который и заложил основы памяти о депортации в республике (Хлынина и Кринко, 2014: 274). Таким образом, власти хотели вынести из публичного поля этнический (националистический) характер памяти о депортации, связанный с кризисом в 1990-е гг.

В 2014 г. остатки бывшего мемориального комплекса, а именно чурты, были перенесены на площадь им. А. Кадырова. Чурты находились в запустении, а многие жители даже не знали, куда их конкретно перенесли со старого места. Позже плиты были убраны и оттуда, судьба которых до сих пор неизвестна. На современном этапе в Республике Чечня так и не построили нового обещанного мемориального комплекса, посвященного жертвам депортации. Местные жители и вовсе перестали посещать какие-либо коммеморативные места⁵. Память о депортации стала предаваться постепенно-

¹ Вести Республики (2022) Рамзан Кадыров: Мы должны помнить чёрные страницы нашей истории и жертв трагических событий. URL: <http://vesti95.ru/2022/02/ramzan-kadyrov-my-dolzny-pomnit-chyornye-stranitsy-nashej-istorii-i-zhertv-tragicheskikh-sobytij/> (дата обращения: 04.04.2022).

² Кавказский Узел (2022) Чеченские чиновники ограничились постами о депортации на фоне празднования 23 февраля. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/373505/> (дата обращения: 12.04.2022). Региональное интернет-СМИ «Кавказский узел», учредитель которого ООО «МЕМО» внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов 08.10.2021 г.

³ Кавказский Узел (2018) Ингушские активисты в годовщину депортации упрекнули власти в беспринципности. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/316915/> (дата обращения: 12.04.2022).

⁴ Кавказский Узел (2008) В столице Чечни обсудили проекты Мемориала жертвам депортации. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/138381/> (дата обращения: 20.05.2022).

⁵ Кавказский Узел (2019) Демонтаж мемориала в Грозном подчеркнул безразличие властей к памяти жертв депортации. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/340934/> (дата обращения: 01.06.2022).

му «забвению» или замалчиванию со стороны властей республики в контексте мемориального пространства. Это во многом соотносится с попыткой вытеснения другой травмы, связанной с наследием Д. Дудаева и политическим кризисом в 1990-е гг. В республике память о депортации сохранилась лишь г. Урус-Мартане, который повествует о местной истории выселения.

Таким образом, проанализировав эволюцию исторической политики в Чечне можно понять, что власть республики вытесняет память о депортации в мемориальном контексте, что заставляет людей либо бойкотировать публичную коммеморацию 10 мая, либо возвращаться к семейной форме передачи памяти о трагедии. Постоянная смена вектора, наблюдаемая с 1990-х, сконструировала новую концепцию, в результате которой все острые моменты, связанные с памятью о политическом кризисе, сглаживаются или стираются. В данный момент, память о депортации передается забвению, с точки зрения его институционального и дискурсивного содержания. Региональная власть пытается контролировать общественную дискуссию, но принимает во внимание важность и значимость трагического события для чеченского народа в целом.

Заключение

Депортация 1944 г. является опорой современной ингушской и чеченской идентичности. Однако в наблюдаемых случаях формы взаимодействия с памятью о трагических событиях отличаются друг от друга. Основная разница определяется через коммеморативные мероприятия, состояние мемориального законодательства, общественные дискуссии об отношениях между государственным праздником «Днём Защитника Отечества» и депортацией, а также содержание мемориального наследия. Проведенный анализ в рамках case-study показал, что память в Республике Ингушетия приобрела институционализированный характер, в рамках которого власть сотрудничает с общественностью и поддерживает существующий статус-кво в мемориальном и дискурсивном пространстве. Напротив, в Республике Чечня память о депортации постепенно вытесняется из мемориального и культурного наследия. Через законодательство, а также дискурсивные практики власть республики пытается объединить разные исторические нарративы, а интерпретация исторических событий часто смешивается с памятью об А. Кадырове. Таким образом, семейная форма передачи памяти является доминирующим способом транслирования интерпретации депортации народов. Подобное взаимодействие с памятью о депортации чеченского народа во многом связано с попыткой предать забвению наследие политического кризиса в 1990-е гг.

Список литературы / References

- Акаев, В., Бугаев, А. и Дадуев, М. (2014) 'Депортация чеченского народа: что это было и можно ли это забыть? (к 70-летию депортации чеченского и ингушского народов)', *Кавказ и глобализация*, 8 (1–2), сс. 128–139. [Akaev, V., Bugaev, A. and Daduev, M. (2014) 'Deportation of the Chechen people: what was it and can it be forgotten? (On the 70th anniversary of the deportation of the Chechen and Ingush peoples) [Deportatsiya chechenskogo naroda: chto eto bylo i mozhno li eto zabyt'? (K 70-letiyu deportatsii chechenskogo i ingushskogo narodov)], *The Caucasus and Globalization*, 8 (1–2), pp. 128–139. (In Russ.)].
- 'Ситуация в зоне конфликта на Северном Кавказе: оценка правозащитников. Зима 2013–2014 гг.' (2019), *Бюллетень Правозащитного центра «Мемориал»*. Москва, сс. 1–31. [The situation in the conflict zone in the North Caucasus: the assessment of human rights defenders. Winter 2013–2014 (2019) [Situatsiya v zone konflikta na Severnom Kavkaze: otsenka pravozashchitni-kov. Zima 2013–2014 gg.], *Bulletin of the Memorial Human Rights Center*. Moscow, 1–31. (In Russ.)].
- Гучинова, Э.Б. (2021) 'Как калмыки рассказывают о депортации: дискурсивные стратегии нарратива', *Сибирские исторические исследования*, 2, сс. 30–52. [Guchinova, E.-B. (2021) 'How Kalmyks talk about deportation: discursive narrative strategies' [Kak kalmyki rasskazyvayut o deportatsii: diskursivnyye strategii narrativ], *Siberian Historical Research*, 2, pp. 30–52. DOI: 10.17223/2312461X/32/2 (In Russ.)].
- Исакиева, З. (2019) 'К 75-летию депортации чеченцев и ингушей в среднюю Азию и Казахстан: о жизни спецпоселенцев',

- Общество: философия, история, культура*, 4 (60), сс. 68–71. [Isakieva, Z. (2019) 'On the 75th anniversary of the Chechen and Ingush deportation to Central Asia and Kazakhstan: The life of special settlers' [К 75-летию deportatsii chechentsev i ingushey v srednyuyu Aziyu i Kazakhstan: o zhizni spetsposelentsev], *Society: Philosophy, History, Culture*, 4 (60), pp. 68–71. DOI: 10.24158/fik.2019.4.11 (In Russ.)].
- Малинова, О. (2018) 'Политика памяти как область символической политики', *Методологические вопросы изучения политики памяти*, сс. 27–53. [Malinova, O. (2018) 'Memory politics as a symbolic policy area' [Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki], *Methodological issues of studying memory politics*, pp. 27–53. (In Russ.)].
- Тишков, В. (2001) *Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны)*. Москва: Наука. [Tishkov, V. (2001) *Society in armed conflict (ethnography of the Chechen War)* [Obshchestvo v vooruzhennom konflikte (etnografiya chechenskoy voyny)]. Moscow: Science. (In Russ.)].
- Хлынина, Т. и Кринко, Е. (2014) *История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН. [Khlynina, T. and Krinko, E. (2014) *History, policy and nation building in the Northern Caucasus* [Istoriya, politika i natsiyestroitel'stvo na Severnom Kavkaze]. Rostov-on-Don: Institute for Social and Economic Research and Humanities of the South Science Center of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)].
- Шнирельман, В. (2021) 'Травматическая память: подходы к изучению и интерпретации', *Сибирские исторические исследования*, 2, сс. 6–29. [Shirelman, V. (2021) 'A traumatic memory: how to study and interpret it' [Travmaticheskaya pamyat': podkhody k izucheniyu i interpretatsii], *Siberian Historical Research*, 2, pp. 6–29. DOI: 10.17223/2312461X/32/1 (In Russ.)].
- Bull, A. and Hansen, H. (2016) 'On agonistic memory', *Memory Studies*, 9 (4), pp. 390–404. DOI: 10.1177/1750698015615935.
- Campana, A. (2012) 'The Chechen memory of deportation: from recalling a silenced past to the political use of public memory', in: Lee, Ph. and Thomas, Pr. (eds) *Public memory, public media and the politics of justice*. London: Palgrave Macmillan, pp. 141–162.
- Gould, R. (2012) 'Leaving the house of memory: post-Soviet traces of deportation memory', *Mosaic: a journal for the interdisciplinary study of literature*, 45, 2, pp. 149–164.
- Jaimoukha, A. (2004) *The Chechens: a handbook*. London: Routledge.
- Macgilchrist, F. and Hout, T. (2011) 'Ethnographic discourse analysis and social science', *Forum: Qualitative Social Research*, 12, 1. URL: <http://nbnresolving.de/urn:nbn:de:0114-fqs1101183> (дата обращения: 01.06.2022).
- Perovic, J. (2018) *From conquest to deportation: the North Caucasus under Russian rule*. Oxford: Oxford University Press.
- Williams, Br. (2000) 'Commemorating "the deportation" in post-Soviet Chechnya: the role of memorialization and collective memory in the 1994–1996 and 1999–2000 Russo-Chechen Wars', *History & Memory*, 12, 1, pp. 101–134. DOI: 10.1353/ham.2000.0006.

Статья поступила в редакцию: 18.07.2022

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 28.10.2022

Статья принята к печати: 06.11.2022

**THE DEPORTATION OF NORTH CAUCASIAN PEOPLES IN THE PUBLIC PERCEPTION:
CASES OF THE REPUBLIC OF CHECHNYA AND THE REPUBLIC OF INGUSHETIA**

I. A. Ushparov

I. A. Ushparov, 3rd year postgraduate student of the Faculty of Political Sciences,
Autonomous non-profit educational organization of higher education "European University in St.
Petersburg", Russia, St. Petersburg.
E-mail: igor.ushparov@mail.ru (ORCID: 0000-0002-4908-5645).

Abstract

The memory of tragic events plays an important role in the formation of collective identity. Not all ethnic groups' historical narratives coincide with the official state historical policy. The deportation of 1944 played a key role in determining ethnic identity for Chechen and Ingush groups. This article examines the process of construction and evolution of the local historical narrative about the deportation of the Chechen and Ingush peoples in Soviet and post-Soviet period. The analysis shows that the existing way of commemoration and interaction with the memory of the tragic events in the Republics are different. In the Chechen Republic a low level of institutionalization of memory of deportation can be observed, and in-family form of sharing remains the dominant approach. The authorities of the Republic actively displace the memory of the deportation from the memorial and public space, linking it with the political crisis in the 1990s. However, they continue to use the narrative to mobilize citizens. In the Republic of Ingushetia, on the contrary, the appeal to memorials, as well as the consolidation of the status of trauma as a key historical event, is institutionalized and generally shared, supported by both the authorities of the Republic and the public.

Keywords: memory politics; cultural trauma; deportation; discourse; historical narrative; Republic of Ingushetia; Republic of Chechnya.

Международные отношения

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-4-105-117

LEGITIMISATION OF RUSSIA'S SPECIAL FOREIGN POLICY OPERATIONS: STRATEGIC NARRATIVES OF RUSSIAN OFFICIALS

S. A. Myasnikov

S. A. Myasnikov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of politics and governance,

NRU "Higher school of economics", Russia, Moscow.

E-mail: Stanislav.a.m@mail.ru, smyasnikov@hse.ru (ORCID: 0000-0001-5398-7337. ResearcherID: B-6219-2018).

Abstract

The article presents the results of an analysis of the strategic narratives of the President of Russia and representatives of the Russian Foreign Ministry in substantiating Russian military operations abroad. The analysis is carried out on the example of the military operation in Georgia (2008), special operation in Crimea (2014), Crimea joining Russia, and the military operation in Syria (since 2015). The justification for military operations was mainly carried out by the president and representatives of the Russian Foreign Ministry. The justification for military operations was intended to legitimize the military actions and decisions of the Russian Federation. Officials used strategic, national and issue narratives. The core of the justification was the interpretation of historical memory and the description of the actions of Western countries as contrary to international law. The author shows that the justification for Russia's military operation in Georgia differed from that of the Crimea joining Russia, and the military operation in Syria. In the first case, Russian officials blamed Western countries for illegitimate actions to a lesser extent than in the case of justifying the Crimea joining Russia, and the military operation in Syria. Moreover, after 2017 Russian actors began to use narratives about the humanitarian mission of Russia.

Keywords: legitimation; Crimea; Syria; Georgia; Russian military operation; Putin; Lavrov; Medvedev; MFA; strategic narratives.

The history of modern international relations remembers several cases when Russia used its military capabilities abroad. The most known cases were the Russian military operation in Georgia in 2008, Crimea joining Russia in 2014, Syrian operation, which was initiated in 2015, and the most recent one was the operation in Ukraine. In order to legitimise such activities, Russian officials used specific narratives, explaining its military acts domestically and abroad.

Different discourses had been present in the Russian political agenda at the time periods when military operations were in progress. For instance, in 2008, when the Russian operation in Georgia started, it was a widely used discourse of Russia, intending to engage with the international community, and cooperate with the West. But, in 2014, things changed and Russia found itself confronting the West, in the rhetoric of Russian officials. It became evident that the Crimean annexation¹ became a demonstration of the position which did not correspond to the previously-stated intentions, debated earlier, regardless of whether the Russian actions were based on calculation or miscalculation. The Russian operations in Syria and Ukraine in 2022 showed the same trends.

Such sort of a new Russian foreign policy required legitimisation domestically and abroad. It is highly likely that active foreign policy positioning after 2014 echoed in a selection of some certain justification strategies, in order to legitimise military interventions. This article reveals Russian officials' rhetoric in periods of military acts and discusses features of the strategic narratives used to legitimise military interventions.

© Myasnikov S. A., 2022

¹ In the case of Crimea, Russia was not using the term 'annexation' (aneksiya) thinking of its negative connotation, substituting it with 'Crimea joining Russia' (prisoedinenie Kryma), though 'annexation' has no negative connotation in English.

This article contains interpretation of the narratives and their effects used by Russian officials. This article is not supporting or non-supporting any political statements.

Policy justification and policy legitimization

State policies are justified in order to obtain legitimacy. *Policy justification* becomes crucial for a *legitimation* in cases of military interventions. We consider *legitimation* as a process of obtaining legitimacy - people's acceptance of policy, political regime, political order, leader, political actions and decisions (Dahl, 1956; Del Sordi and Dalmaso, 2018; Gelpi, 2010; von Haldenwang, 2017), wherein *legitimation* can be obtained by different instruments, one of which is *policy justification*, which is a communicative instrument of legitimation (George, 1980; von Haldenwang, 2017), 2017) that involves rhetoric means, interpretation, argumentation of the legitimation's object as the best among alternatives (Abulof and Kornprobst, 2017). Comparison of the justification of the Russian military operation in Georgia (**then RMOG**), the Crimea joining Russia (**then AC**), and the Russian military operation in Syria (**then RMOS**) allows us to identify the justification strategies used to legitimise the military operations.

Why the Russian military came in Georgia, Crimea, and Syria

There is a plurality of reasons for the Russian - Georgian conflict. K. Welt explained the Russian intervention by the response towards Georgian aggression against Ossetia, the author revealed that both sides were guilty – Georgia that believed it could defend its interests, and Russia, who started the military operation (Welt, 2010). The study of A. Kohen and R. Hamilton showed that Russia's operation in Georgia was explained by the geopolitical goal: not allowing Georgia to enter NATO (Cohen and Hamilton, 2011). Analysis of the discourse was presented by R. Sakwa, who indicated that Russia used conspiratorial narratives, for instance 'NATO expansion', which was perceived as a threat for Russia (Sakwa, 2012). Historical analysis of the circumstances of the Russian intervention revealed that Russian intervention in 2008 had changed the status-quo, as Russia took responsibility for South Ossetia and Abkhazia (Markedonov, 2015). Analysis of the media discourse concerning the Russian – Georgian conflict showed that the Russian media were representing Georgia as the aggressor, but the conflict was personified by M. Saakashvili as a responsible person (Tønnessen and Kolstø, 2012). A negative image of Georgians and Georgia was also formed. The Russian operation was interpreted as a response towards Georgian aggression (Akhvlediani, 2009).

The Crimea joining Russia drew the attention of scholars. Law scholars (more often Russian), underlined the justice and accordance of Crimea joining Russia in the norms of 'right to self-determination' (Tomsinov, 2014), which was not an argument to be agreed among western scholars. For instance, some part of the Crimean discussion in literature was dedicated to the comparison of the cases of Kosovo and Crimea and the possibility to use the right of self-determination. A. Bebiev concluded that Kosovars suffered repressions, which did not happen in Crimea, so the cases were incomparable in terms of applying the right to self-determination (Bebiev, 2015). The analysis of the diplomats' narratives revealed that the Crimean crisis was not resolved because of the colliding narratives, and due to some different interpretations of international norms (Faizullaev and Cornut, 2017). S. Hutchings and J. Szostek had shown that the Russian media highlighted the self-identity of Russia, via reporting about the Crimean issue, which was based on a cultural and historical basis (Hutchings and Szostek, 2015). The literature regarding the Crimean issue provided us with an understanding of different positions towards the legal aspects of such annexation; the media discourse analysis revealed the major media narratives and communicative means used by the media. We will use this data to compare media discourse with official discourse.

The reasons for Russian intervention in Syria were explained by major arguments. A. Stent revealed that Russia wanted to prevent the situation where a new Syrian president would be set up by the West, as happened in Egypt; the author considered the Syrian conflict as a proxy war between the US and Russia (Stent, 2016). R. Dannreuther studied the Russian response to the Arab Spring and concluded that Russia suffered a political crisis because of the protests in 2011 and 2012, so the support and participation in the Syrian conflict could contribute to increasing the assurance to authorities inside Russia (Dannreuther, 2015). Analysis of the discourse by D. Averre and L. Davis showed Russia was following 'great power' interests, justifying them by the liberal conception 'responsibility to protect', but Russia supported Assad and required a strong interpretation of the conception, underlying that the sovereignty principle strengthened the state, as it was provided by the stability of a legitimate government (Averre and Davies, 2015). Media discourse analysis of the Russian intervention in Syria revealed that Russian media used the narratives of necessity to

prevent a possible intervention of extremists to Russia; and illegal intervention of Western countries to Syria (Strovsky, 2015).

The analysis demonstrates that the official legitimising discourse has not received enough attention from the scholars' side. But some existing research argues that the official discourse and media discourse were related.

Strategic narratives theory as a tool to analyse rhetoric

A variety of tools can be used to justify the policy, for example, toposes (Zagar, 2010), whether or not framed; speech acts, such as performatives. Focusing on each of them requires a different methodology. This study focuses on the study of policy justification, which implies the use of structured storytelling to convince the audience of the correctness of such a policy. In this regard, an important role in the discourse of politicians is played by narratives (Bottici, 2010; De Fina, n.d.; Miskimmon et al., 2017), which is a more complex rhetorical tool - narration, a story that gives meaning to the past, present and future. Narratives are used to achieve goals through the formation of a certain attitude of society towards themselves, their policies, actions and decisions. Narratives can be used to achieve different goals: agenda setting, legitimisation, distraction, securing consensus, increasing popularity, mobilising (Roselle et al., 2014). By identifying and analysing narratives, it is possible to determine how the narratives of politicians have changed and transformed, which could allow us to understand how the justification strategies used to legitimise foreign policy have changed.

The theory of strategic narratives proceeds from the premise of the importance of political discourse (correlated with the concept of soft power (Nye, 2009), which can influence decision-making in international relations and helps to reveal how actors achieve the set communicative goal, based on how they form their position in international relations. Using the toolkit of the theory of strategic narratives, we operationalise the levels of strategic narratives and create an integrated model for analysing the justification of policy by state actors, conduct a comparative analysis of the application of models of using narratives, and identify communication strategies.

There are three levels of strategic narratives according to Roselle, O'Loughlin and Miskimmon (Roselle et al., 2014) - the system narrative - serves to describe the state of affairs, how the world "works", who are the actors in the international environment, and what their actions are. The national/identity narrative - contains a story about values, identity of an actor, nation, state. The issue narrative - informs about what the problem is, what is the policy and why it is needed, how it is implemented. According to the theory of strategic narratives, actors need to take into account other peoples' narratives, thereby making their own narrative more competitive in order to implement a successful strategy. At the same time, the formulation of narratives, both for the internal audience and external audience, can occur for the purpose of legitimising foreign policy (Miskimmon et al., 2017). Competing narratives are semantic schemes formed by state actors and the media of other countries. The development of new media has led to the fact that the public has access to a wide range of information sources that the "new communicative environment" (Roselle et al., 2014: 77) offers. In this regard, people within the state become more critical of narratives, which gives a rise to their contestation. In order to make a narrative more attractive than the opponent's, actors must take into account not only the cultural characteristics of the public, but also the existing discourses that people tend to perceive positively or negatively. Implying the instruments of the theory, we can understand what was the official justification of changing the foreign policy.

Scope and limitations of the research

Russian foreign policy is conducted by multiple actors whose roles are defined by the Constitution and law. Foreign policy media discourse is studied more often (Brown, 2014; Strovsky, 2015), however the level of pluralism of media discourse can be dependent on the type of political regime and media system (Hallin and Mancini, 2004; McCombs, 1997; Vartanova, 2011). In authoritarian and hybrid media systems such as Russian, the authorities can impact media discourse using administrative resources. Thus, in cases of authoritarian and hybrid regimes, it is more important to look at the official discourse. This research is limited to the analysis of the official discourse of the president (due to article 80.3 of the Russian Constitution, which defines the directions of the foreign policy, and due to article 87.1, the President is the supreme commander), the Ministry of Foreign Affairs (a body carrying out foreign political activities, provides its coordination due to the presidential decree of the 8th of November, 2011). The Ministry of Defence played a signif-

ificant role in justifying Russia's actions in Syria. However, in cases of the justification of the Crimea joining Russia and military operation in Syria, its role was more modest, which limits the possibilities for comparative analysis.

In each of the cases selected for analysis, policy justification was a dynamic process. The chronological framework of the analysis is determined by this circumstance: for the justification of the Russian military operation in Georgia: 2008-2009; for the justification of the Crimean joining Russia: 2014 - 2019; and for the justification of the Russian military operation in Syria: 2015-2019. The limitation of the research is that we compare only cases of justification of Russian operations in Georgia, Crimea, and Syria, (because the case of Ukraine does not provide us with enough empirical material yet). The current study reveals the features of the Russian official's strategies of justification to legitimise its military operations.

Data

Empirical data included speech transcripts of the Russian President and representatives of the Russian Foreign Ministry from 2008 to 2009 (justification of the Russian operation against Georgia in 2008); and from 2014 to 2019 (justification of the Crimea joining Russia in 2014, the military operation of the Russian Federation in Syria in 2015). It contained 56 transcripts of the President's speeches; 59 transcripts of the Minister of Foreign Affairs' speeches; 48 transcripts of the MFA representatives' speeches; as well as 33 reports of the UN Security Council meetings, containing transcripts of the counter-actors' speeches. The transcripts were selected by a thematic search on the web portals "President of Russia", "The Ministry of Foreign Affairs of Russia", "The Permanent Mission of the Russian Federation to the UN", and "the UN".

Method

The research method is a qualitative content analysis of speeches of the Russian President and representatives of the Russian Foreign Ministry, carried out on the basis of the QDA Miner computer software.

Measuring

To analyse the texts, 6 deductively distinguished categories of codes were set (strategic system narrative, strategic national narrative, strategic issue narrative, method of justification, the president's speeches for different audiences, and speeches by representatives of the Ministry of Foreign Affairs for different audiences). Sub codes were highlighted inductively.

Measuring included 3 stages of coding. At the first stage, the main strategic narratives were identified by type – systemic, national, issue. At the second stage, thematic coding was applied to the identified narratives. The main themes of the narratives repeated in different speeches of the president and representatives of the Russian Foreign Ministry were inductively highlighted. Themes of system narratives: "about the connection between the Cold War and the current situation", "about a unipolar world", "about the violation of international law by the West", "about the destabilising actions of the West", "about the use of double standards by the West", "about the compliance of Russia's actions with international law", "about ensuring human rights by Russia", and "about partners of Russia in international relations". Themes of national narratives: "We and Others", "about the religious / sacred meaning of the discussed territories", "about Our tolerance towards other religions and peoples", "about Our past, about Our values", "about heroes", "about Our national qualities", and "about Our self-sufficiency". Themes of issue narratives: "the need to ensure security", "the threat to the "Russian world"", "the threat of restricting access to the Black Sea", "the humanitarian role of Russia in Syria", "the use of the veto by Russia in the UN Security Council", "the demonstration of the arms and will of the Russian army", "the decisive contribution of Russia to the defeat of terrorism", "the return of a part of the military contingent to Russia", "the repeated provocations of Georgia", "the violation of obligations by Georgia", and "the provision of stability in the Caucasus region".

At the third stage, the narratives were coded according to the type of justification and speech of the president, representatives of the Foreign Ministry, for domestic or foreign audience (that is a limitation for the research as in the intertwining media channels messaging to domestic or foreign audience is hardly distinguished). At the final stage, the frequency of the use of narratives by year was revealed, which made it possible to demonstrate when new strategic narratives appeared, and which of them were used more often than others in a given time interval.

Codes, subcodes, features

Group of codes	Category of codes	Category of subcodes	Features
Strategic narratives	System narrative	Inductively defined theme of the narrative	Description of the “order of the world”, the system of international relations, “who is who” in international relations, description of the actions of actors in international relations
	National Narrative	Inductively defined theme of the narrative	Description of national values, history, symbols
	Issue Narrative	Inductively defined theme of the narrative	Description of the problem, explanation of why such a policy was chosen to solve it
Justification methods	Justification method	Position declaration	Statement and argumentation of the actor's foreign policy position, the actor's attitude to a particular issue, which determines his further political actions and decisions
		Communicative attack	Statement of the illegality and unacceptability of the actions of the opponent, the accusation of the opponent
		Communicative defence	Denial of one's own guilt, narrative about the groundlessness of the accusations
		Agreeing with the position of the opponent	Consent with the illegality of one's own actions, justifying narrative
		Avoidance of discussion	Absence of the justification
Audience	Speech by the president for different audiences	Speech for domestic audiences	Speaking at events in Russia, interviews with Russian media
		Speech for international audience	Speaking at international events, interviews with international media
	Speech by representatives of the Russian Foreign Ministry for different audiences	Speech for domestic audiences	Speaking at events in Russia, interviews with Russian media
		Speech for international audience	Speaking at international events, interviews with international media
	Strategic use of the narrative		The use of the narrative frame repeatedly in different and similar communicative situations, but with different content, in relation to the justification case
Attitude towards the communicative opponent	Critical strategies of justification	N/A	Using justification methods: communicative attack, communicative counterattack
	Non-critical strategies of justification		Avoiding or rarely using justification methods: communicative attack, communicative counterattack.

System narratives analysis

System narratives were used by officials in explaining “the World” and international relations. There were several such narratives.

The narrative *about the connection between the Cold War* and the current situation, in the case of the RMOG, was presented as the presence of the absence of a Cold War that ended in the past. In justifying the AC, the president understood the Cold War not as a confrontation between ideological blocs, but as a rivalry in international relations, in which Russia's opponents play against the rules and, use "dirty" methods, trying to limit Russia and its interests. Putin accused the West of counteracting the Russian Federation and blackmailing, and spoke about NATO aggression near the borders of Russia. At the same time, the president used the image of a bear close to the Russians: “Maybe our bear needs to sit quietly ... Maybe they will leave him alone? They will not leave ... they will always strive ... to put him on a chain”, Putin said in one of his addresses. In contrast to the case of the AC, in the justification of the RMOS and the RMOG, it was stated that the cold war had ended long ago, and the conflict in international relations was presented as an issue requiring settlement by joint efforts.

The narrative *of a unipolar world* differed significantly in the justifications for RMOG and RMOS. In the case of the RMOG, NATO was the key actor in the narrative. NATO has been accused of destabilising unilateral moves. In justifying the RMOS, the president and representatives of the Foreign Ministry accused Western countries (mainly the United States) of imposing their values and striving to dominate. So, the narrative in both cases assumed the use of a communicative attack, however, the difference in the addressees of the communicative attack - NATO and Western countries, can be explained by the caution of Russian representatives, in the case of the WORG, to openly oppose the West in order to preserve relations, and in the case of the WORS, on the contrary, by demonstrating their own independent position in international relations.

To accuse opponents, the president and representatives of the Foreign Ministry used the narrative *about the destabilising actions of the West*. In justification of the RMOG, NATO was accused of conducting military exercises destabilising the Caucasus region. In justifying the AC, this narrative arose in February 2014 and did not change in content, only supplemented by arguments about the guilt of Western states. In justifying the RMOS, the argument was built in a similar way, "Western colleagues" were accused of pursuing their own interests by any means, a secret game, the actions of Western countries led by the United States.

The narrative *about the use of double standards by the West* in the discourse of the President and representatives of the Ministry of Foreign Affairs was revealed only in the justification of the AC and RMOS. This narrative appeals to double standards in the interpretation of the right to self-determination and territorial integrity, thus accusing the international community of unfair treatment of the will of the Crimean population. The justification was based on the interpretation of the facts in such a way that the actions of Western countries contradicted their declared positions, which characterised their actions as illegitimate. In the justification of the RMOG, Russia's actions were explained as necessary to prevent a humanitarian catastrophe, that is, for humanitarian purposes. In the justification of the AC, the compliance of the actions of the Russian Federation with international law was explained by the results of the referendum. In justifying the RMOS, the legal basis was interpreted as the invitation of the government of B. Assad.

To form a positive image of Russia in international relations, the president and representatives of the Foreign Ministry tried to use the narrative *about Russia's provision of human rights*. Justifying RMOG and RMOS, the actors talked about securing the right to life. In the case of the AC, the narrative has been transformed and referred to the threat of discrimination against Russians and the deprivation of their rights to the Russian language. Later, the actors began to declare that the rights of Russians, Hungarians, Bulgarians and Ukrainians inhabiting Crimea, were protected.

Another system narrative was the narrative *about Russia's partners in international relations* which differed in the justification of RMOG, AC and RMOS. In the first case, the EU was described as a partner of Russia, and the situation around the RMOG as an incentive for the development of relations between Russia and the EU. A negative role in relations with Russia was assigned to the NATO military alliance. Thus, Russian actors accused NATO as an organisation hindering cooperation in the military sphere. In justification of the AC and RMOS, the partners' role was given to Iran, Turkey, Syria and mostly non-western countries.

National narratives analysis

National narratives were used by the president and representatives of the Ministry of Foreign Affairs in justifying the AC and RMOS, to a lesser extent, in justifying the RMOG.

The Us and Others narrative, used to justify the AC, described the connection of peoples. Initially, in February and March 2014, the narrative emphasised the closeness of the peoples of Russia and Ukraine: Ukraine and Russia are fraternal republics, one people; Russia and Ukraine are close relatives. After the referendum in Crimea, which Ukraine and Western countries did not approve of, the plot began to be based on the proximity of the peoples of Russia and Crimea - "native shores ... the connection of generations and times ... heroic ancestors ... the historical origins of spirituality and statehood ... a single people ... a close-knit nation". Using this narrative, the president probably sought to evoke compassion, a special attitude towards "the same as Us", towards "brothers" who found themselves in a difficult situation.

The narrative *about the religious/sacred significance of the territories* under discussion was the key one, both in justifying the AC and in justifying the RMOG. The strengthening of the territorial significance of the Crimea for Russia was described - the place where Prince Vladimir was baptised, where the source of Russian civilisation began. At the same time, in 2017, the President of Russia made some changes to this narrative and began to use the myth of the Russian Mecca in Chersonese. Crimea was given nation-forming significance, which was probably aimed at a positive response from the people - the bearers of the Russian cultural code. Thus, the myth of the Russian Mecca in Chersoneses became a strategic national narrative, which the president used to take the correctness of Russian actions in Crimea "on faith". In justifying the RMOS, the description of the significance of the territory was also built on the basis of religion and the interests of Christians and Muslims in the region. At the same time, to describe, in essence, different cultures - Muslim and Russian, Orthodox, a unifying core was found.

The multinationalism of Crimea, as well as, later, Syria, determined the use of the narrative *about Our tolerance for other religions and peoples*. Tolerance as a value is present on the Western agenda. Probably, the President and representatives of the Foreign Ministry sought to present Russia's policy as corresponding to mass ideas, including those in Western culture.

The narrative of *Our Past* has been used to justify the RMOG, AC, and RMOS. In the first case, the common past was described through an appeal to the Second World War, which is a universal unifying factor of the former republics of the USSR. In fact, stories about the Second World War are a narrative template, which J. Wertsch (Wertsch, 2017) wrote about. This pattern is often used by Russian politicians. In the case of the AC justification, both the Second World War and the fact that Crimea was part of the USSR seemed to be a common past. The Russian authorities, as it were, opposed themselves to the Soviet authorities from the position of the correctness of their own decisions and actions, on the contrary, the decisions of the Soviet leaders were described as illegitimate (they gave up Crimea to Ukraine). In the justification for the RMOS, the common past was based on the economic partnership between Russia and Syria.

The narrative *about heroes* was applied in the case of the RMOG, AC and RMOS in a similar way - at military holidays and ceremonies, mainly by the President. In the case of RMOS, the narrative formed a special image of Russia, which gave significance to the actions of the military, "who were fighting against the global threat – terrorism".

The narrative *about Our national qualities* was used by the President to justify the RMOS, it was stated about the uniqueness of the Russian nation, where citizens are able to give their lives for the fatherland.

The national narrative *about Our self-sufficiency* was different in the case of the RMOG. Thus, the President declared that Russia was becoming independent. In the case of the AC and the RMOG, the President spoke of Russia as an independent active participant in international life and Russia's self-sufficiency. The national narratives, in the justification of the RMOG, were used only by the president, while the hero narrative was used most often among the national narratives. Probably, the President sought to raise the military spirit, declaring the merits of the Russian military, as well as to form the image of a strong army.

The dynamics of the use of narratives shows that national narratives were most actively used in justifying the AC and RMOS. This can probably be explained by the desire of the President and representatives of the Foreign Ministry to use additional arguments to legitimise foreign policy. Since national narratives were likely to respond to mass notions of identity, actors sought to bring the issues of the AC and RMOS to the level of the personal agenda of citizens, through the description of the common identity of Us and Others.

Issue narratives analysis

Since the RMOG, AC and RMOS were separate events, the issue narratives differed in their justification. However, the narrative *about the need to ensure security* was revealed in all three cases, in fact being a narrative template.

In the case of the RMOG, the argument was built through an appeal to the concept of responsibility to protect, as stated, for example, by R. Chatham (Chatham, 2011). Russia, as it was presented in speeches, took upon itself the responsibility of protecting the people of South Ossetia, which, according to this internationally recognised principle, should have positively legitimised Russia's military operation against Georgia. A negative image of Georgia was formed, while the conflict was personified by M. Saakashvili, who became the "image of the enemy" in the officials' speeches. Justifying the AC through the narrative *about the need to ensure security*, an existential threat was identified - the new authorities of Ukraine, were described as accomplices of radicals who did not comply with laws, human rights, they posed a threat to the security of Russians in Crimea, so the image of "Others" was used. Thus, the argument was based on securitisation, and the actions of the Russian Federation in Crimea were justified as necessary to ensure the security of the population of Crimea. In the case of RMOS, *the narrative* identified an existential threat - terrorists, and the image of "Others" was formed. It was said that terrorists followed a barbaric ideology, they burned mosques, churches, monuments, hospitals and schools. It increased the emotional load of the narrative. Specific actions by Russia, in response to this issue, were described as necessary, since Russia would allegedly face terrorism already on its territory, in the absence of decisive actions. In the case of the RMOS, *the narrative about the need to ensure security* was transformed into two, both jointly and separately used narratives by V.V. Putin - the narrative *about the decisive contribution of Russia to the defeat of terrorism* and the narrative *about the return of part of the military contingent to Russia*. In this manner, the significance of Russia as an influential international actor was taking shape. Russia was credited with a military victory.

Other issue narratives were not identified as being applicable in justifying all three cases.

Thus, the President and representatives of the Ministry of Foreign Affairs declared *a violation of obligations by Georgia*. The argument was based on an appeal to the Russian-Georgian agreement, according to which, Russia withdrew its military bases from Georgia, and Georgia had to pass a law prohibiting the deployment of military bases of other states on its territory. This narrative was probably used to justify a military solution to the conflict through the formation of a negative image of M. Saakashvili as a president who could not be negotiated with, could not be trusted.

The strategic illegitimate actions of Georgia were described by the President and representatives of the Foreign Ministry with a narrative *about Georgia's repeated provocations*.

Another narrative in the justification of the RMOG - *about ensuring the stability of the Caucasus region*, presented the actions of the Russian Federation as more ambitious - not just stabilising the conflict, but also preventing the destabilisation of the entire Caucasus region.

Unique narratives were also used to justify the AC. For example, the narrative *about the threat to the "Russian world"* argued Russia's actions from the standpoint of the need to protect culture and historical memory. At the same time, the concept of the "Russian world" was used broadly - not necessarily in relation to ethnic Russians, but also to those who consider themselves Russians.

The President, in contrast to the representatives of the Foreign Ministry, used the narrative *about the threat of restricting access to the Black Sea*. According to the President, if Russia had not annexed Crimea, the NATO fleet and troops would have occupied its territory, which was a threat to the international balance of power.

A number of unique narratives were also justifying the RMOS. V.V. Putin articulated a narrative *about the demonstration of weapons and the will of the Russian army*, which appeared in 2015, then again in 2017. The President talked about the need to demonstrate to the world that Russia not only has good weapons, but has the will and ability to use them in practice. Thus, the position of the Russian Federation was declared regarding its readiness to use weapons to defend its interests, and the President acted as a military leader, ready to make decisions effectively, which probably should have been evidenced by the effectiveness of the operation in Syria.

Representatives of the Russian Foreign Ministry applied the narrative *about Russia's use of the right of veto in the UN Security Council*. The narrative was formulated in response to US accusations that Russia was opposing the normal functioning of the Security Council, protecting Bashar al-Assad and escalating the conflict in Syria.

The narrative *about Russia's humanitarian role in Syria* demonstrated Russia's noble actions. The facts were interpreted in such a way that Syria, which suffered from terrorists, needed assistance, which Russia provided through various channels, this assistance was also provided through donations; rebuilding the infrastructure was also described as an urgent task.

Thus, in issue narratives, Russia's key argument was based on an appeal to the "defence concept". Other narratives were used ad hoc as additional arguments in favour of Russia being right.

Results

The representation of narratives in officials' speeches by years shows trends in use of certain strategic narratives.

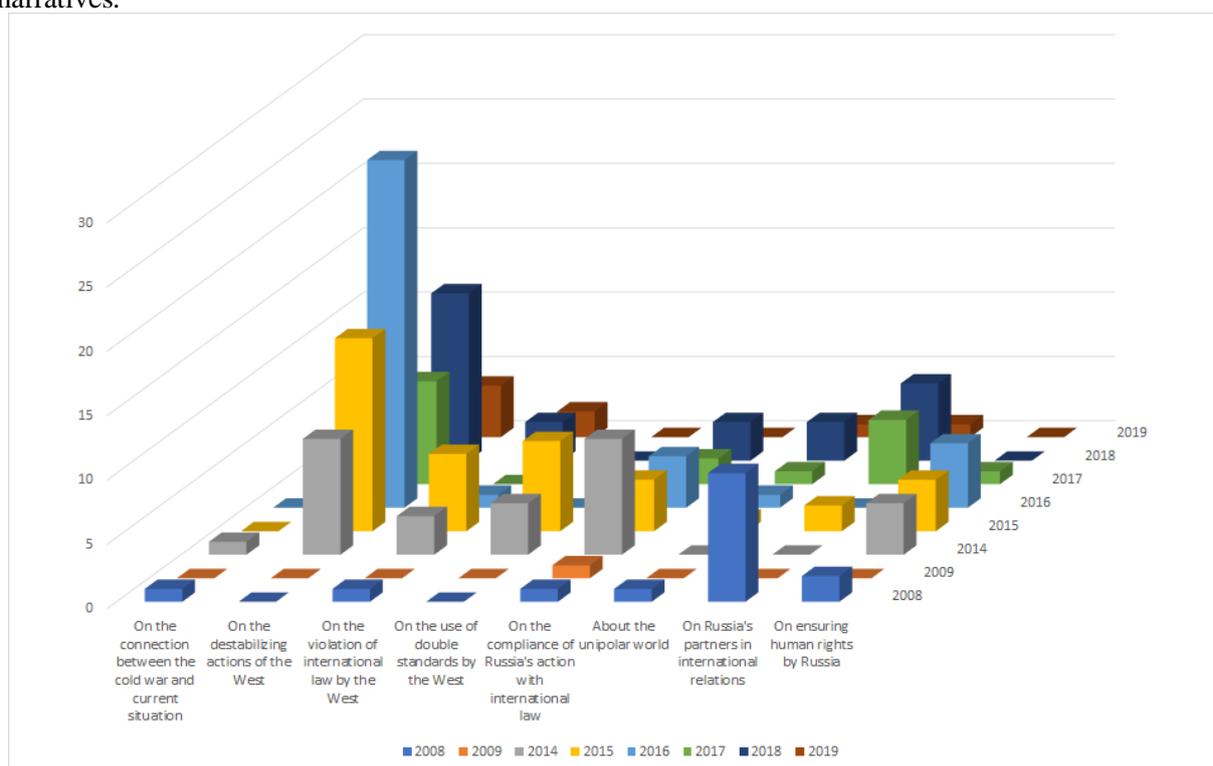

Figure 1. The frequency of occurrence of system narratives in the speeches of the President and representatives of the Ministry of Foreign Affairs in the justification of 2008–2009 and 2014–2019

The AC and RMOS justifications were more critical than the RMOG justification. Thus, the addressee of the critic in the case of the RMOG was NATO. The accusations were made to a greater extent against the military alliance, while the EU, as the addressee of the critic, was not mentioned, which indicated the avoidance of communicative confrontation with the EU directly. An opposite situation - the case of AC and RMOS, as the addressees were Western partners, Western countries, the USA, and NATO. Although the President and representatives of the Ministry of Foreign Affairs, in the justification of the AC and RMOS, called the European countries and the United States Western partners. This was done, probably to comply with diplomatic protocol. To a greater extent, it showed a desire to improve relations, since the so-called Western partners were repeatedly accused by Russia of unacceptable behaviour. Thus, changes in justification methods after 2014 may indicate more critical justification strategies, which probably served the purpose of demonstrating the new positioning of the Russian Federation in the international arena.

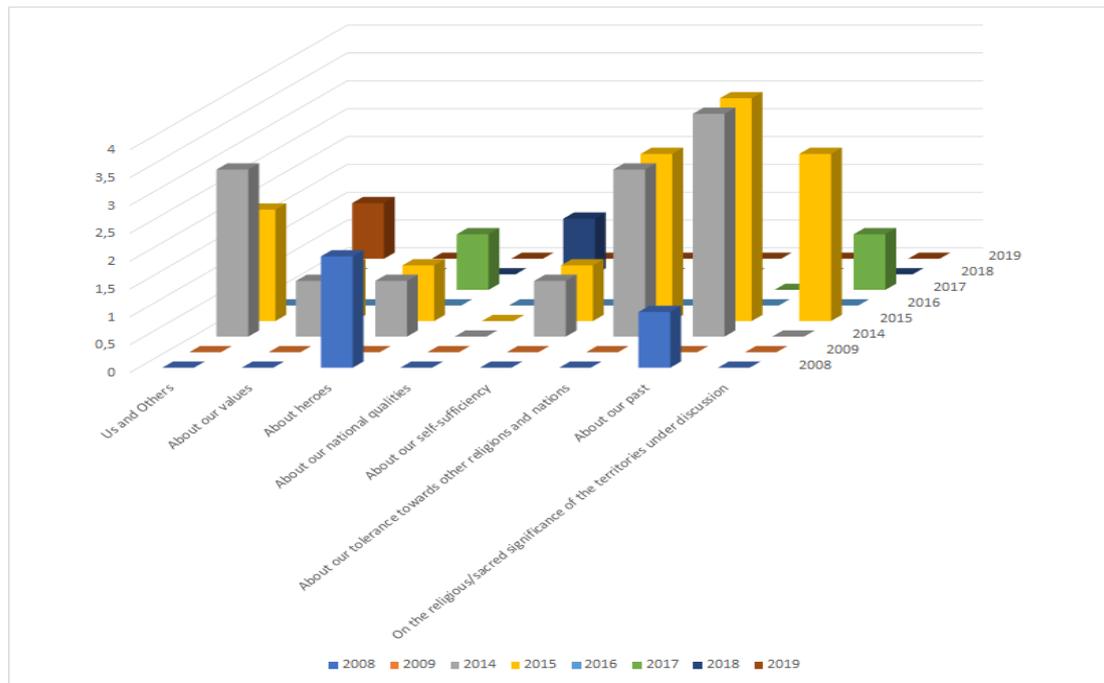

Figure 2. The frequency of appearance of national narratives in the speeches of the President and representatives of the Ministry of Foreign Affairs in the justification for 2008–2009 and 2014–2019

The President and representatives of the Russian Foreign Ministry acted as "ideologists" using national narratives in their justification. Probably, the actors tried to encourage the domestic audience to perceive the problems of Ossetia, Abkhazia, Crimea and Syria as important for the Russian people. The population of Crimea and the Syrian people were presented as sharing the same values as the Russian people. Through the use of national narratives, Russia's foreign policy was justified by an appeal to the fact that "We carry out our own will because of the need to help 'brothers' and preserve a common culture". In the case of justifying the Russian operation in Syria, a greater number of national narratives were used than in the case of justifying the Crimea joining Russia. In justifying the actions of the Russian Federation in Syria, in most cases, national narratives were used once and most often only for the internal audience, mainly by the President, at military events. Probably, Russian actors sought to use national narratives as more effective for the domestic arena, to maintain military spirit and consolidate society.

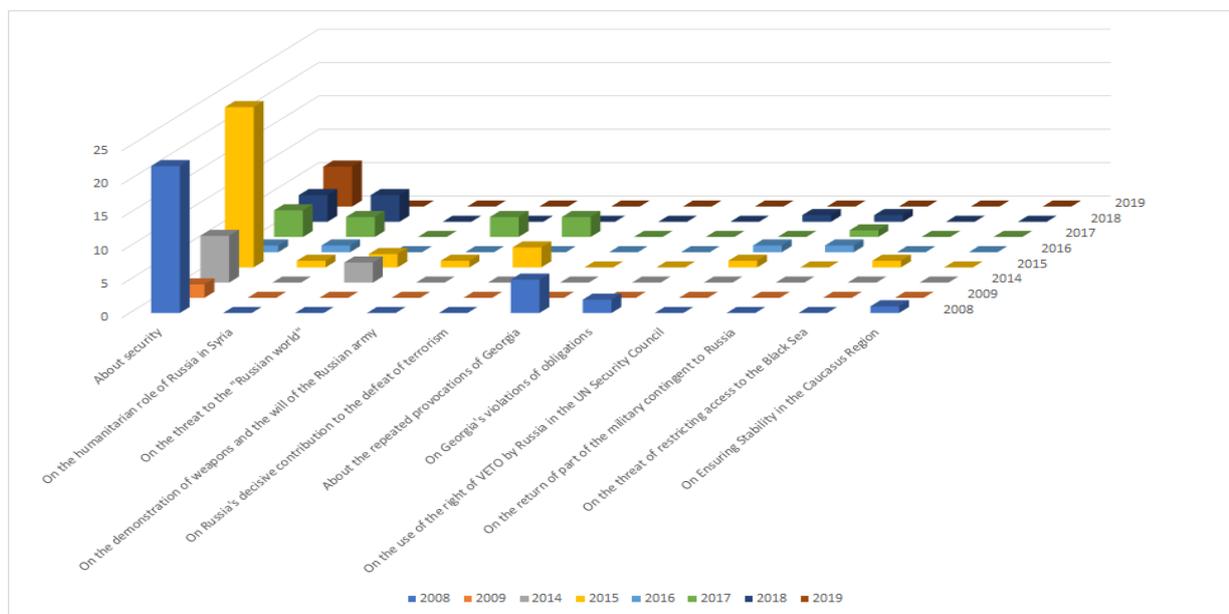

Figure 3. The frequency of appearance of issue narratives in the speeches of the President and representatives of the Ministry of Foreign Affairs in the justification of 2008–2009 and 2014–2019

Through the issue narratives, Russian officials were declaring the position. The President and representatives of the Russian Foreign Ministry described the actions of the Russian Federation from the standpoint of their necessity. The desire to convey one's own position may indicate a desire to demonstrate one's independence in making foreign policy decisions.

Discussion

In 2015, the communication strategy moved from the defence phase to the attack phase. Representatives of the Ministry of Foreign Affairs began to use concise narratives, declaring their unwillingness to discuss the topic of Crimea, which has de facto become part of the Russian Federation. The actions of Western countries in Syria served as a pretext for bringing charges against them, thereby strengthening the anti-Western discourse used by the Russian authorities in the case of justifying the AC. It is likely that such a discourse has worked positively in the domestic arena, stimulating the acquisition of domestic legitimacy in Russia's foreign policy.

In justifying the RMOG, Russia avoided an acute communicative confrontation with the West and did not present direct accusations to it, which can be explained by a political orientation towards cooperation with the West and the United States, the accusations were more directed towards NATO, and not specific Western countries. On the contrary, the justification for the AC and RMOS formed a negative image of Western countries led by the United States. This may indicate a change in the approach to the justification of Russian foreign policy after 2014.

Justifying the RMOS, the President and representatives of the Russian Foreign Ministry applied narratives in the same way as in the case of justifying the AC. This fact allows us to say that the justification of foreign policy after 2014 was carried out strategically.

The international communication regarding the AC and RMOS represented two opposing positions. From the first position, Russia was responsible for the Crimea illegitimately being taken away from Ukraine and the escalation of the Syrian conflict (Western discourse). From the second position, Western countries supported the coup in Ukraine and opposed the legitimate army of Assad in Syria, with the aim of overthrowing him (Russian discourse). Both the first and second discourse had their supporters.

Military victories were of particular importance in justification used by the President of the Russian Federation. V.V. Putin acted as a "triumphant" who declared that the RF ensured the safety of its citizens; or a "global triumphant" who claimed that Russia defeated the terrorists in Syria, thereby ensuring security for the world. Probably, such communicative behaviour pursued the goal of associating the military victories of the Russian Federation with the personality of the President, which should have had a positive effect on both his personal legitimacy and the legitimacy of his decisions, and, ultimately, the legitimacy of order.

The justification strategies used by Russian actors were based mainly on securitisation; description of historical memory; interpretation of facts and international law from the standpoint of the correctness of Russia. Such justification strategies probably made it possible to transfer the "problem" to the level of the personal agenda of citizens, causing approval and agreement with the actions of the authorities in the domestic arena. At the same time, such justification strategies are similar to the strategies for justifying the war in Iraq, which were used by the US authorities - ensuring security, humanitarian action, ensuring law and order (Miller, 2008). Thus, a model of justification similar to the American one was applied for a similar case - the use of fighter and bomber aircraft on the territory of another state.

We can say that the demonstration of military power and special justification are links in the same chain and are carried out strategically. Probably, the aggressive communicative environment and possible consequences did not become a reason for choosing other, softer communication strategies, which may also indirectly indicate a change in approaches to the positioning of the Russian Federation in the international arena.

Thus, the study showed that the justification was used strategically by the actors in both the justification of the AC and the justification of the RMOS; at the same time, the justification of the AC and RMOS was different from the justification of the RMOG. The justification actually reflected the changes that took place in the positioning of Russia in the international arena.

References

Томсинов, В. (2014) 'Крымское право', или юридические основания для воссоединения

Крыма с Россией', *Вестник Московского университета*, 11 (5), сс.

- 3–31. [Tomsinov, V. (2014) 'Crimean law' or legal basis for Crimea joining Russia' ['Krymskoe pravo', ili yuridicheskie osnovaniya dlya vossoedineniya Kryma s Rossiey], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, 11(5), pp. 3–31. (In Russ.)].
- Abulof, U., Kornprobst, M. (2017) 'Introduction: the politics of public justification'. *Contemporary Politics*, 23, pp. 1–18.
- Akhvlediani, M. (2009) 'The fatal flaw: the media and the Russian invasion of Georgia', 20, pp. 363–390. URL: 10.1080/09592310902975497.
- Averre, D., Davies, L. (2015) 'Russia, Humanitarian intervention and the Responsibility to Protect: the case of Syria', *International Affairs*, 91, pp. 813–834.
- Bebier, A. (2015) 'Crimea and the Russian-Ukrainian conflict', *Romanian Journal of European Affairs*, 15, pp. 35–54.
- Bottici, C. (2010) 'Narrative' in: Bevir, M. (Ed.) *Encyclopedia of Political Theory*. Sage, Thousand Oaks, CA, pp. 919–920.
- Brown, J. (2014) 'Better one tiger than ten thousand rabid rats: Russian media coverage of the Syrian conflict', *International Politics*, 51, pp. 45–66.
- Cohen, A., Hamilton, R. E. (2011) 'The Russian Military and the Georgia War: Lessons and Implications', *Strategic Studies Institute*, US Army War College.
- Dahl, R. (1956) *A Preface to Democratic Theory*. University of Chicago Press, Chicago.
- Dannreuther, R. (2015) 'Russia and the Arab Spring: Supporting the Counter-Revolution', *Journal of European Integration*, 37, pp. 77–94.
- De Fina, A. (2017) 'Narrative Analysis' in: Wodak, R., Forchtner, B. (Eds.) *The Routledge Handbook of Language and Politics*. Routledge, London, pp. 233–246.
- Del Sordi, A., Dalmaso, E. (2018) 'The Relation between External and Internal Authoritarian Legitimation: The Religious Foreign Policy of Morocco and Kazakhstan', *Taiwan Journal of Democracy*, 14, pp. 95–116.
- Faizullaev, A., Cornut, J. (2017) 'Narrative practice in international politics and diplomacy: the case of the Crimean crisis', *Journal of the international relations and development*, 20, pp. 578–604.
- Gelpi, C. (2010) *The power of legitimacy: Assessing the role of norms in crisis bargaining*. Princeton University Press, Princeton.
- George, A. L. (1980) 'Domestic constraints on regime change in US foreign policy: The need for policy legitimacy', in: Holsti, K. J. (Ed.) *Change in the International System*. Westview Press, Boulder, pp. 233–262.
- Hallin, D. C., Mancini, P. (2004) *Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics*. Cambridge University Press, Cambridge, MA.
- Hutchings, S., Szostek, J. (2015) 'Dominant narratives in Russian political and media discourse during the Ukraine crisis', in: McGlinchey, S., Karakoulaki, M., Oprisko, R. (Eds.) *Ukraine and Russia: People, Politics, Propaganda, Perspectives*. E-International Relations, Bristol, pp. 183–196.
- Markedonov, S. (2015) 'The South Ossetia conflict' in: Bebler, A. (Ed.) *Frozen Conflicts in Europe*. Verlag Barbara Budrich, pp. 111–118. URL: <https://doi.org/10.2307/j.ctvdf0bmg.11>.
- McCombs, M. (1997) 'Building Consensus: The News Media's Agenda-Setting Roles Perspectives on Journalism', *Power and Citizenship. Political communication*, 14, 433–444.
- Miskimmon, A., O'Loughlin, B., Roselle, L. (2017) *Strategic narratives: Communication power and the new world order*. Routledge, London.
- Nye, J.S. (2009) *Soft power: the means to success the worlds politics*. Public Affairs, New York.
- Roselle, L., Miskimmon, A., O'Loughlin, B. (2014) *Strategic narrative: A new means to understand soft power*. Media, War & Conflict. Cali., 7, pp. 70–84.
- Sakwa, R. (2012) 'Conspiracy Narratives as a Mode of Engagement in International Politics: The Case of the 2008 Russo-Georgian War', *Russian Review*, 71, 581 p. URL: 10.1111/j.14679434.2012.00670.x.
- Stent, A. (2016) 'Putin's play in Syria: how to respond to Russia's intervention', *Foreign Affairs*, 95, pp. 106–114.
- Strovsky, D. (2015) 'The Media as a Tool for Creating Political Subordination in President Putin's Russia', *Styles of communication*, 7, pp. 128–149.
- Tønnessen, H., Kolstø, P. (2012) 'Journalistic Identities and War Reporting: Coverage of the 2008 Russian-Georgian War in the Russian Press', *Scando-Slavica*, 58, pp.

101–121. URL:

10.1080/00806765.2012.669917.

Vartanova, E. (2011) 'The Russian media model in the context of post-Soviet dynamics' in: Hallin, D. C., Mancini, P. (Eds.) *Comparing Media Systems beyond the Western World*. Cambridge University Press, Cambridge, MA, pp. 192–142.

von Haldenwang, C. (2017) 'The relevance of legitimation—a new framework for analysis', *Contemporary Politics*, 23, pp. 269–286.

Welt, C. (2010) 'The Thawing of a Frozen Conflict: The Internal Security Dilemma and the 2004 Prelude to the Russo-Georgian War', *Europe-Asia Studies*, 62, pp. 63–97.

Zagar, I. (2010) 'Topoi in critical discourse analysis', *Lodz papers in pragmatics*, pp. 3–72.

Статья поступила в редакцию: 13.08.2022

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 28.10.2022

Статья принята к печати: 01.11.2022

ЛЕГИТИМАЦИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ РОССИЙСКИХ ОФИЦИАЛЬНЫХ ЛИЦ

С. А. Мясников

Мясников Станислав Александрович, кандидат политических наук, доцент кафедры публичной политики,

НИУ «Высшая школа экономики», Россия, Москва.

E-mail: Stanislav.a.m@mail.ru, smyasnikov@hse.ru (ORCID: 0000-0001-5398-7337. ResearcherID: B-6219-2018).

Аннотация

Представлены результаты анализа стратегических нарративов президента России и представителей МИД России в обосновании российских военных операций за рубежом. Анализ осуществлен на примере военной операции в Грузии (2008 г.), спецоперации в Крыму (2014 г.) и присоединения Крыма, военной операции в Сирии (с 2015 г.). Обоснование военных операций преимущественно осуществлялось президентом и представителями МИД России. Оно было призвано легитимизировать военные действия и решения РФ для внутренней и внешней аудитории. Официальные лица использовали стратегические, национальные нарративы и нарративы о проблеме. Ядром обоснования служили интерпретация исторической памяти и описание действий западных стран как противоречащих международному праву. Показано, что обоснование военной операции России в Грузии отличалось от обоснования присоединения Крыма и военной операции в Сирии. В первом случае российские официальные лица в меньшей степени обвиняли западные страны в нелегитимных действиях, чем в случае обоснования присоединения Крыма и военной операции в Сирии. Также после 2017 г. российские акторы стали использовать нарративы о гуманитарной роли России.

Ключевые слова: легитимация; Крым; Сирия; Грузия; российская военная операция; Путин; Лавров; Медведев; МИД; стратегические нарративы.

Обзоры и рецензии

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-4-118-126

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ МАССОВОЙ ПОДДЕРЖКИ АВТОКРАТИЙ: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ

Н. С. Зубарев

Зубарев Никита Сергеевич, аспирант, Департамент политологии и международных отношений; стажер-исследователь, Лаборатория сравнительных социальных исследований им. Рональда Франклина Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: nzubarev@hse.ru (ORCID: 0000-0002-2214-4457. ResearcherID: AАН-7936-2021).

Аннотация

Несмотря на частое изображение автократий как государств, в которых вся полнота власти находится в руках одного человека или группы лиц, такие государства нуждаются в массовой политической поддержке. Последняя служит сигналом о том, что попытки изменить статус-кво имеют малые шансы на успех, снижает вероятность жестоких революций, а также формирует демократическую легитимность при ослаблении политической роли гражданского населения. В значительной доле исследований, посвященных массовой поддержке в авторитарных государствах, рассматриваются экономические факторы в качестве ключевых. Однако в ряде работ, тем не менее, указывается на то, что такие страны могут быть довольно устойчивыми к экономическим шокам. Социальная психология предлагает ряд подходов, которые могут дать дополнительное объяснение динамики политической поддержки автократий. Данная статья предпринимает попытку систематизировать результаты публикаций, указывающих на значимость данных теорий. В качестве потенциальных объяснительных моделей были определены теория социальной идентичности, ценностные подходы Инглхарта-Вельцеля и Шварца, а также модель «Большой Пятерки» черт личности и эмоции в политике.

Ключевые слова: автократии; политическая поддержка; гибридные режимы; политическое доверие; социальная идентичность; большая Пятерка; эмоции; ценности; национализм.

Недемократическим государствам необходимо поддерживать высокий уровень политической поддержки населения по ряду причин. Во-первых, наличие поддержки, которое может быть продемонстрировано, например, через результаты выборов или данные опросов служат сигналом сторонникам и противникам статуса-кво. Поддержка показывает, что попытки сменить инкумбента «сверху» (через переворот внутри элит) и «снизу» (через массовую революцию) практически не имеют шансов на успех (Magaloni, 2006). Во-вторых, наличие массовой поддержки снижает вероятность жестоких революций и восстаний, в результате которых представители политической элиты авторитарных государств могут потерять доступ к ренте, власть, личную свободу, а в отдельных случаях и жизнь (Hale, 2013). В-третьих, ряд современных недемократических государств можно описать как плебисцитарные. Легитимность руководства этих стран обеспечивается через результаты выборов, которые позиционируются как выражение «воли народа». «Плебисцитарная демократия позволяет обеспечить прямую демократическую легитимность сильного лидера и при этом предельно сократить политическую роль масс в условиях быстрого и резкого расширения избирательного права» (Юдин, 2021: 9). Иными словами, лидеры недемократических государств имеют мотивацию для сохранения массовой поддержки населения.

Наиболее популярные объяснения массовой поддержки можно описать как «экономические». Сюда, в частности, относится экономическая модель голосования на выборах. Согласно ряду работ, избиратели поддерживают недемократических инкумбентов, несмотря на собственные предпочтения, потому что представители действующей власти обладают наилучшим доступом к ресурсам государ-

ства, которые могут быть направлены на поднятие качества жизни граждан. В случае протестного голосования государство имеет возможность «наказать» избирателей, сократив объём предоставляемых благ (Gandhi & Lust-Okar, 2009). Подобным образом исследователи говорят и об институциональном доверии, которое в значительной степени зависит от экономических результатов деятельности государственных институтов (Mishler & Rose, 2005). Однако ряд работ указывает на то, что массовая поддержка авторитарных режимов может быть довольно устойчивой к экономическим шокам (Diaz-Cayeros et al., 2003; Golosov, 2016). Данные работы опираются на тезис о «трагическом блеске» (*tragic brilliance*), согласно которому руководство авторитарных стран полагается на систему наград и наказаний для сохранения массовой поддержки, в то время как качество государственного управления остаётся низким. Электоральная поддержка сохраняется за счет перспективного голосования: избиратели продолжают поддерживать автократов из опасения потерять доступ к благам, предоставляемым государством. Однако данная логика упускает из внимания существование экспрессивного голосования: «[избиратель] может голосовать, чтобы выразить солидарность с классом или любой другой группой, к которой он принадлежит, подчеркнуть духовную верность партии или просто получить удовлетворение от выполнения гражданского долга» (Fiorina, 1976: 393). Экспрессивное голосование не является заменой инструментального объяснения: в одной стране избиратели могут использовать оба способа принятия решения о том, за какого кандидата или партию им стоит проголосовать.

Одной из групп, с которой избиратели могут выражать солидарность, голосуя на избирательных участках, является нация, к которой они принадлежат. Национальная идентичность, являясь одной из форм социальной идентичности, может оказывать влияние на поведение и установки людей. Однако большинство исследований, посвященных взаимосвязи национальной идентичности и политического поведения, выполнено на основе данных, собранных в демократиях. В последних идентификация с нацией не должна создавать стимулов для формирования моделей поведения и установок, которые будут благоприятны инкумбентам. Автократии же устанавливают синонимичность между понятиями инкумбентов и государства. Националистическая риторика используется в недемократических странах для поддержки статуса-кво: легитимность действующей власти обеспечивается через параллели с «великим» прошлым, а критика инкумбентов приравнивается практически к преступлению. Данная особенность автократий с большой вероятностью может повлиять на функционирование политической поддержки граждан в зависимости от их уровня привязанности к своей стране.

Наконец, одним из новых направлений исследований в политической психологии в последние годы стали работы о роли эмоций, «Большой пятерки» и ценностей Шварца как факторов, формирующих поведение и установки людей. Публикации, рассматривающие специфику функционирования данных характеристик людей в авторитарном контексте, в том числе их связь с политической поддержкой, остаются немногочисленными. Кроме того, эмпирические работы по политической психологии всё ещё являются редкостью в российской политической науке. Таким образом, данная статья имеет тройную задачу: обобщить результаты публикаций по социально-психологическим факторам поддержки автократий, предложить новые направления исследований, а также представить для российских исследователей несколько теорий из области политической психологии.

Политическая поддержка

Политическая поддержка – это многосторонний концепт, который описывает несколько измерений того, как индивиды воспринимают свои отношения с государством. Пиппа Норрис расширила типологию политической поддержки, предложенную Дэвидом Истоном (Easton, 1975) и представила теоретическую рамку, состоящую из пяти элементов (от самого диффузного к наиболее специфичному): идентификация с национальным сообществом, одобрение принципов и ценностей политического режима, оценка функционирования политического режима, уверенность в институтах политического режима (политическое доверие) и одобрение отдельных инкумбентов (Norris, 1999). Контекст авторитарных государств подталкивает исследователей к тому, чтобы добавить к этой классификации также уровень электоральной поддержки политических элит, обладающих статусом-кво. Выборы «помогают режимным инкумбентам идентифицировать свои базы поддержки и оплоты оппозиции» (Gandhi & Lust-Okar, 2009: 405). Статьи, включенные в данный обзор, используют это определение политической поддержки. Однако публикации о факторах, объясняющих силу идентификации с национальным сообществом, не были здесь рассмотрены, так как их проблематика значительно отличается от других упомянутых выше элементов политической поддержки.

Социальная идентичность и «ралли» вокруг флага

Теорию социальной идентичности можно определить как «социально-психологический анализ роли самовосприятия в групповом членстве, групповых процессах и межгрупповых отношениях» (Hogg, 2006: 111). Отчасти, влияние идентичности на поведение и установки можно объяснить через социальные нормы: люди получают удовлетворение, когда ведут себя в соответствии с нормами, установленными в группе, и чувствуют дискомфорт, когда «идут против течения» (Axelrod, 1986; Turner et al., 1987). Национальная идентичность – одна из форм социальной идентичности, которая, согласно сторонникам либерального национализма, играет в современном обществе роль «клея», объединяющего культурно разнообразных людей и поощряющего рост доверия и солидарности (Gustavsson & Miller, 2019). Однако в то же самое время такие авторитарные государства, как Северная Корея (Dukalskis & Lee, 2020), Россия (Laruelle, 2009) и Китай (Weiss, 2020) нашли инструментальное применение для национализма как способа укрепления собственной легитимности и, соответственно, обеспечения устойчивости политического режима. Учитывая характер использования национализма в недемократических странах, можно ожидать, что националистические установки их жителей будут позитивно связаны с поддержкой политического режима. Тан Вэньфан показал, что националистичность жителей Китая связана с оппозицией по отношению к демократическим реформам, нескольким формам гражданского неповиновения, капиталистической экономике, а также она имеет сильный позитивный эффект на доверие центральному правительству (Tang, 2016). Влияние социальной идентичности также было показано на опыте Африки, где избиратели на выборах голосовали за представителей собственной этнической и/или языковой группы (Posner, 2005). Особая сила социальной (национальной) идентичности состоит в том, что она может награждать авторитарных лидеров, например, за достижения во внешней политике, но при этом не играть особой роли при оценке гражданами социально-экономического положения государства (Sharafutdinova, 2020). Тем не менее, специфика взаимосвязи националистических установок и поддержки политического режима в авторитарных контекстах остаётся малоисследованной.

«Эффект сплочения» или «эффект «ралли» вокруг флага» можно определить как резкий рост поддержки политического режима, причиной которого могут стать патриотическая консолидация населения или отсутствие критичных точек зрения в СМИ. Исследования данного вопроса указывают на то, что «ралли-события», которые имеют внутреннее или международное значение повышают важность национальной идентичности и меняют поведение медиа и лидеров мнений (Mueller, 1970; Baker & Oneal, 2001; Groeling & Baum, 2008). Однако многие публикации, сосредоточивая внимание на странах Западной Европы и США, упускают из внимания контекст недемократических политических режимов, в которых сферы политической конкуренции и медиа в значительной степени регулируются. Например, Генри Хейл показал, что позитивный эффект присоединения Крыма на усиление национальной идентичности и последующий рост поддержки Владимира Путина был сильнее для тех, кто меньше смотрит государственное телевидение (Hale, 2018). Тем не менее, также есть данные, показывающие, что события 2014 г. могли, скорее, взаимодействовать с уже существующими сильными националистическими установками: одобрение Путина и восприятие его компетентности выросли гораздо больше, чем национальная гордость (Alexseev & Hale, 2016). В то же самое время не все институты могут выиграть от «ралли», а для некоторых из них «ралли-события» могут иметь и негативный эффект (Frye, 2019; Sirotkina & Zavadskaya, 2020).

Несмотря на новые работы, демонстрирующие, что значительная доля людей, подверженных «ралли вокруг флага», могла на самом деле находиться под влиянием «эффекта социальной желательности» (Hale, 2022), необходимость объяснить искреннюю поддержку среди населения остается. Предыдущие работы не рассматривали потенциальный медиативный эффект национальной идентичности. Избиратели имеют тенденцию полагаться на «когнитивные короткие пути» (*cognitive shortcuts*) при принятии решения о том, какого кандидата поддержать на выборах (Achen & Bartels, 2017). Исходя из этого, можно выдвинуть предположение о том, что избиратели, имеющие, например, высокий уровень субъективного благополучия, будут атрибутировать его результатам деятельности руководства страны, вследствие чего их привязанность к государству возрастёт. Данная гипотеза требует проверки.

Ценности

Отдельные исследователи обращают внимание на важность ценностей в определении поддержки или оппозиции по отношению к действующей власти в авторитарных странах. Ценности можно определить как «желаемые, межситуационные, варьирующиеся по важности цели, которые служат направляющими принципами в жизни людей» (Schwartz & Bardi, 2001: 269). Ряд авторов (Zavadskaya & Welzel, 2015; Nathan, 2020) сходятся в том, что распространённость в обществе ценностей, подчеркивающих важность свободы самовыражения и собраний, независимость судей, разделение властей, свободу личного выбора и равенство возможностей связаны с более критичным взглядом на авторитарных инкубентов и более частыми электоральными поражениями последних. Кроме того, эффект либерально-демократических и эмансипативных ценностей на критическое отношение к власти является более сильным в авторитарных странах, чем в демократических, по причине более широкого распределения таких ценностей в демократических обществах. Данные ценности формируют критические установки и поведение по причине того, что они связаны с желанием увеличить личную автономию и расширить спектр легальных возможностей для выражения собственных нужд и проблем. Эндрю Нэйтан также отдельно отмечает, что люди, придерживающиеся ценностей уважения к иерархии, избегания конфликтов и коллективизма с большей вероятностью будут поддерживать действующую политическую систему вне зависимости от типа политического режима. Также есть пример сравнительного анализа России и Боливии, который дал схожие результаты: предпочтение диктатуры и порядка вместо свободы связано с голосованием за недемократических лидеров (Seligson & Tucker, 2005).

Тем не менее, исследования связи эмансипативных ценностей, теоретическое обоснование которых было заложено в работах Рональда Инглахарта и Кристиана Вельцеля, остаются немногочисленными. Теория базовых индивидуальных ценностей Ш. Шварца, которая ещё не применялась для анализа политической поддержки в автократиях, может предложить альтернативное объяснение данного феномена. Шварц разделяет 10 базовых ценностей на два измерения: «Открытость изменениям – Сохранение» и «Забота о людях и природе – Самоутверждение». К этим ценностям относятся традиция, конформизм, безопасность, власть, достижения, гедонизм, риск-новизна, самостоятельность, забота о людях и природе, благожелательность. Согласно Шварцу, ценности представляют собой разные реакции на ключевые проблемы общества: отношения индивида и группы, структуру общества, а также отношение человечества к природе и социальному миру. В таблице кратко описано, как сегменты общества с отличающимися друг от друга ценностями реагируют на эти проблемы (Dobewall & Rudnev, 2014).

Общественные проблемы и реакции на них, согласно Ш. Шварцу

Проблема	Реакция	
Отношения индивида и группы	Включённость в коллектив	Выражение индивидуальности и независимости
Структура общества	Иерархичность	Эгалитаризм
Отношение человечества к природе и социальному миру	Гармония (сохранение статуса-кво)	Господство (активные изменения природы и социального мира)

Существует ряд публикаций, описывающих связь ценностей Шварца с политическими установками и поведением. Например, избиратели правых и левых коалиций в Италии имеют противоположные взгляды на отношения индивида с обществом, внутреннюю организацию последнего и характер допустимых реформ. Соответственно, они голосуют за те партии и тех кандидатов, политические программы которых будут способствовать реализации и сохранению определенной системы ценностей. Политики, в свою очередь, могут подстраивать риторику и политическую программу для привлечения избирателей с наиболее выгодным для них набором установок (Carra et al., 2006). Подобная логика применима и к авторитарным контекстам: руководство недемократических стран может выиграть от политической поддержки групп населения, ценностная система которых гармонирует с действующим политическим курсом. Как следствие, гипотезы, выдвинутые (Zavadskaya & Welzel, 2015) на основе эмансипативных ценностей, должны быть релевантны и для ценностей Шварца. Можно ожидать, что преобладание открытости изменениям будет связано с электоральными

поражениями авторитарных инкубентов, а также протестами в случае массовых нарушений на выборах. Данное предположение требует эмпирического подтверждения.

Подходы Инглхарта и Шварца имеют концептуальные и эмпирические сходства: анализ опросных данных показывает, что индикаторы включенности в коллектив (Шварц) и ценности выживания (Инглхарт), с одной стороны, и интеллектуальная автономия (Шварц) и ценности самовыражения (Инглхарт) – с другой, описывают одно и то же измерение межкультурных различий в автономности личного выбора. Однако ценности Шварца, связанные с организацией структуры общества (Иерархичность – Эгалитаризм) и характером допустимых реформ (Гармония – Господство) не имеют ассоциации с концептами Инглхарта, подразумевая, что они описывают иной социально-психологический феномен (Dobewall & Rudnev, 2014). Соответственно, данные теории не являются избыточными, а дополняют друг друга и могут быть использованы для объяснения разных аспектов функционирования политической поддержки в авторитарных странах. Например, можно выдвинуть гипотезу о взаимосвязи ориентации на иерархичность и поддержки авторитарных инкубентов. Стратегии легитимации многих авторитарных государств включают апелляции к авторитету, который может быть представлен нацией, религией или традициями (Gerschewski, 2013). Отсюда вытекает предположение о том, что такие стратегии могут иметь особо сильный эффект на граждан, рассматривающих мир через призму «естественных иерархий».

Эмоции и «Большая пятерка»

Психология граждан может послужить новым направлением, на которое исследователям массовой поддержки авторитарных режимов стоит обратить внимание. Эмоции как фактор в политике и «Большая Пятерка» (*Big Five*), модель личности человека получили широкую поддержку в современной политической науке (Marcus, 2000; Gerber et al., 2011). Однако они всё ещё находятся на этапе становления в качестве полноценной объяснительной модели поведения и установок жителей авторитарных стран. В частности, Вэнди Перлман продемонстрировала, что эмоции могут выступать в роли медиатора, определяющего, будут ли люди приоритизировать безопасность и неприятие рисков (страх, печаль и стыд) или чувство достоинства и готовность пойти на риск (злость, радость и гордость) при принятии решения об участии в протестах (Pearlman, 2013). Похожие результаты были получены с помощью эксперимента, проведенного в Зимбабве: страх в значительной степени может снизить проявление разных форм инакомыслия, кроме всего прочего, через снижение воспринимаемого числа других потенциальных участников протестных действий (Young, 2019). Такие позитивные эмоции, как гордость, надежда и доверие, возникающие вследствие ралли-событий, могут, в свою очередь, повышать одобрение действующей власти и снижать уровень восприятия коррупции (Greene & Robertson, 2020). Исследования, проводимые в демократиях, показывают, что призывы к таким эмоциям, как стыд, гордость, страх и энтузиазм, способны изменить паттерны политического поведения (повысить / снизить явку, волатильность избирателей, интерес к политическим кампаниям) (Brader, 2006; Panagopoulos, 2010). Тем не менее, публикации, посвященные роли эмоций в авторитарных режимах, на данный момент немногочисленны и являются в основном анализами кейсов отдельных стран¹. Поиск логики инструментального использования призывов к определенным эмоциям в авторитарных контекстах остаётся открытым исследовательским вопросом. Данное направление исследований только выиграет от введения сравнительной перспективы, что улучшит внешнюю валидность полученных выводов, а также позволит проверить, функционируют ли одни и те же эмоции одинаково в разных авторитарных контекстах.

Пятифакторная структура «Большой пятерки» измеряет такие личностные черты, как *экстраверсия*, *дружелюбность*, *сознательность*, *эмоциональная стабильность* и *открытость опыту*. Согласно исследованиям, данные характеристики личности являются стабильными и могут повлиять на взгляды и поведение людей по широкому спектру вопросов, начиная от потребления алкоголя и заканчивая стилем воспитания детей. Кроме всего прочего, они могут предсказывать политические взгляды и поведение. Например, открытость новому опыту может ассоциироваться с более либеральными взглядами на социальную политику, а сознательность – с консервативными (Gerber et al., 2011). Согласно исследованиям политической психологии именно эти личностные черты имеют наиболее сильную связь с политическими установками (Carney et al., 2008). Одной из особенностей данной модели личности является контекстуальность взаимодействия «Большой пятерки» и различных стиму-

¹ Работа Перлман является исключением: там проводится сравнительный анализ Алжира, Египта и Туниса.

лов, интерпретация которых определяет, какое влияние личность будет оказывать на установки и поведение. Так, сознательность может быть позитивно связана с политическим участием только для тех людей, которые рассматривают конкретный канал участия как важный или видят своё участие эффективным (Gerber et al., 2011).

На данный момент публикации о роли «Большой пятерки» в формировании массовой поддержки авторитарных режимов немногочисленны. В одной из них Сэм Грин и Грэм Робертсон показали, что *дружелюбность*, желание сохранять неконфликтные отношения с другими людьми, «косвенным образом формирует такие базовые формы поведения, как потребление медиа и более глубокие взгляды на режим и религию. Данные институты, в свою очередь, формируют понимание того, что является ‘нормальным’, а что ‘девиантным’». (Greene & Robertson, 2017: 26). Люди с низкой *дружелюбностью* чаще критикуют других, они более готовы отстаивать собственную точку зрения. Именно граждане с низкой *дружелюбностью*, низкой готовностью идти на компромисс, с большей вероятностью будут выступать против злоупотребления властью. Люди с высокой *сознательностью*, чаще соблюдающие социальные нормы, наоборот, будут реже выражать недовольство (Greene & Robertson, 2017). Данные результаты находят подтверждение и в опросных данных, собранных в Китае Рори Труэксом. Неудовлетворенность результатами работы руководства КНР распространена среди граждан с низкой *дружелюбностью*, *экстраверсией* и *сознательностью*. Высокие показатели этих черт связаны с поддержкой политического режима. Однако самый сильный эффект был найден для экстраверсии, низкий уровень которой распространён у критически настроенных китайцев. Точный механизм, лежащий за этой взаимосвязью, остался за рамками статьи, однако автор предложил несколько возможных теоретических механизмов для тестирования в будущем. Изоляция от общества может являться барьером, предотвращающим индоктринацию за счет снижения необходимости соблюдать социальную желательность. Обратная направленность связи также возможна: выражение оппозиционных взглядов в авторитарном контексте может привести к ухудшению отношений с друзьями и близкими. Кроме того, остается возможным снижение экстраверсии оппозиционно настроенных граждан вследствие проживания в репрессивном государстве. Наконец, Труэкс предлагает потенциальное объяснение отличных эффектов экстраверсии в Китае и России (в работе (Greene & Robertson, 2017) экстраверсия не имела статистической значимости). Ответ может скрываться за уровнем соревновательности политического режима: вероятность социальной изоляции граждан с оппозиционными взглядами выше в странах с более высокой репрессивностью (Truex, 2022). Данная гипотеза является приглашением к дальнейшим сравнительным исследованиям.

Таким образом, как отмечали ещё Гавел и Вилсон, конформизм вносит важный вклад в устойчивость авторитарных режимов (Havel and Wilson, 1985). Учитывая контекстуальность Пятерки, социальным ученым необходимо обратить внимание на возможность проведения сравнительных исследований с включением её элементов. Исследователи авторитарных стран могут предложить теоретическую взаимосвязь и провести эмпирический анализ того, как институциональные, культурные, экономические и прочие особенности разных недемократических стран задают природу взаимосвязи черт личности и взглядов / поведения жителей этих государств.

Заключение

Данная статья является попыткой систематизировать результаты публикаций, посвященных социально-психологическим факторам политической поддержки авторитарных государств. К таким факторам исследователи относят социальную идентичность, «эффект сплочения» («ралли» вокруг флага) и ценности. Отдельный интерес представляет гипотеза о медиативном эффекте социальной (национальной) идентичности, которая требует проверки. В контексте исследований массовой поддержки автократий к новейшим направлениям можно отнести анализ пятифакторной модели личности и эмоций. Социальным ученым стоит расширить географию применения этих переменных. Перспективными представляются сравнительные исследования, которые позволят определить контекстуальные факторы, взаимодействующие с измерениями «Большой пятерки» и отдельными эмоциями при формировании политической поддержки в авторитарных странах. Гипотезы о взаимодействии характеристик политического режима и черт личности требуют дополнительной проверки, так как имеющиеся на данный момент результаты отчасти противоречивы. В частности, необходим анализ механизмов взаимосвязи интроверсии и уровня поддержки. Ценностный подход также требует интеграции в современные объяснения массовой поддержки. Взгляд на общество через призмы эмансипативных ценностей Инглхарта-Вельцеля и базовых ценностей Ш. Шварца имеет потенциал показать

разные социально-психологические основания поддержки автократий. Например, ориентация на иерархичность может быть связана с поддержкой авторитарных лидеров, так как стратегии легитимации последних зачастую включают обращения к авторитету.

Список литературы / References

- Юдин, Г. Б. (2021) 'Россия как плебисцитарная демократия', *Социологическое обозрение*, 20 (2), сс. 9–47. [Yudin, G. B. (2021) 'Russia as a Plebiscitary Democracy' [Rossiya kak plebiscitarnaya demokratiya], *The Russian Sociological Review*, 20 (2), pp. 9–47. (In Russ.)]. DOI: 10.17323/1728-192x-2021-2-9-47.
- Achen, C. H. and Bartels, L. M. (2017) *Democracy for Realists*. Princeton: Princeton University Press. 408 p.
- Alexseev, M. A. and Hale, H. E. (2016) 'Rallying 'round the leader more than the flag: Changes in Russian nationalist public opinion 2013–2014', in Kolstø, P. and Blakkisrud, H. (Eds.) *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–2015*. Edinburgh: Edinburgh University Press, pp. 192–220. DOI:10.3366/edinburgh/9781474410427.003.0008.
- Axelrod, R. (1986) 'An Evolutionary Approach to Norms', *The American Political Science Review*, 80 (4), pp. 1095–1111. DOI: 10.2307/1960858.
- Baker, W. D. and Oneal, J. R. (2001) 'Patriotism or Opinion Leadership?: The Nature and Origins of the "Rally 'Round the Flag" Effect', *Journal of Conflict Resolution*, 45 (5), pp. 661–687. DOI: 10.1177/0022002701045005006.
- Brader, T. (2006) *Campaigning for Hearts and Minds: How Emotional Appeals in Political Ads Work*. Chicago, IL: University of Chicago Press (Studies in Communication, Media, and Public Opinion). 280 p. Available at: <https://press.uchicago.edu/ucp/books/book/chicago/C/bo3640346.html> (Accessed: 10 May 2022).
- Caprara, G. V., Schwartz, S., Capanna, C., Vecchione, M. and Barbaranelli, C. (2006) 'Personality and Politics: Values, Traits, and Political Choice', *Political Psychology*, 27 (1), pp. 1–28. DOI: 10.1111/j.1467-9221.2006.00447.x.
- Carney, D. R., Jost, J. T., Gosling, S. D. and Potter, J. (2008) 'The Secret Lives of Liberals and Conservatives: Personality Profiles, Interaction Styles, and the Things They Leave Behind', *Political Psychology*, 29 (6), pp. 807–840. DOI:10.1111/j.1467-9221.2008.00668.x.
- Diaz-Cayeros, A., Magaloni, B. and Weingast, B.R. (2003) *Tragic Brilliance: Equilibrium Party Hegemony in Mexico*. SSRN Scholarly Paper ID 1153510. Rochester, NY: Social Science Research Network. DOI:10.2139/ssrn.1153510.
- Dobewall, H. and Rudnev, M. (2014) 'Common and Unique Features of Schwartz's and Inglehart's Value Theories at the Country and Individual Levels', *Cross-Cultural Research*, 48 (1), pp. 45–77. DOI: 10.1177/1069397113493584.
- Dukalskis, A. and Lee, J. (2020) 'Everyday Nationalism and Authoritarian Rule: A Case Study of North Korea', *Nationalities Papers*, 48 (6), pp. 1052–1068. DOI: 10.1017/nps.2019.99.
- Easton, D. (1975) 'A Re-Assessment of the Concept of Political Support', *British Journal of Political Science*, 5 (4), pp. 435–457. DOI: <https://doi.org/10.1017/S000712340008309>.
- Fiorina, M. P. (1976) 'The Voting Decision: Instrumental and Expressive Aspects', *The Journal of Politics*, 38 (2), pp. 390–413. doi:10.2307/2129541.
- Frye, T. (2019) 'Economic Sanctions and Public Opinion: Survey Experiments From Russia', *Comparative Political Studies*, 52 (7), pp. 967–994. DOI: 10.1177/0010414018806530.
- Gandhi, J. and Lust-Okar, E. (2009) 'Elections Under Authoritarianism', *Annual Review of Political Science*, 12 (1), pp. 403–422. DOI:10.1146/annurev.polisci.11.060106.095434.
- Gerber, A. S., Huber, G. A., Doherty, D. and Dowling, C. M. (2011) 'The Big Five Personality Traits in the Political Arena', *Annual Review of Political Science*, 14 (1), pp. 265–287. DOI: 10.1146/annurev-polisci-051010-111659.
- Gerschewski, J. (2013) 'The three pillars of stability: legitimation, repression, and co-optation in autocratic regimes', *Democratization*, 20 (1), pp. 13–38. DOI:

- <https://doi.org/10.1080/13510347.2013.738860>.
- Golosov, G. V. (2016) 'Voter Volatility in Electoral Authoritarian Regimes: Testing the "Tragic Brilliance" Thesis', *Comparative Sociology*, 15 (5), pp. 535–559. DOI: 10.1163/15691330-12341399.
- Greene, S. and Robertson, G. (2017) 'Agreeable Authoritarians: Personality and Politics in Contemporary Russia', *Comparative Political Studies*, 50 (13), pp. 1802–1834. DOI: 10.1177/0010414016688005.
- Greene, S. A. and Robertson, G. (2020) 'Affect and Autocracy: Emotions and Attitudes in Russia after Crimea', *Perspectives on Politics*, 20 (1), pp. 1–15. DOI: 10.1017/S1537592720002339.
- Groeling, T. and Baum, M. A. (2008) 'Crossing the Water's Edge: Elite Rhetoric, Media Coverage, and the Rally-Round-the-Flag Phenomenon', *The Journal of Politics*, 70 (4), pp. 1065–1085. DOI: 10.1017/S0022381608081061.
- Gustavsson, G. and Miller, D. (2019) 'Why Liberal Nationalism Today?', in (Eds.), Gustavsson, G. and Miller, D., *Liberal Nationalism and Its Critics*. New York: Oxford University Press, pp. 1–20. DOI: 10.1093/oso/9780198842545.003.0001.
- Hale, H. E. (2013) 'Regime Change Cascades: What We Have Learned from the 1848 Revolutions to the 2011 Arab Uprisings', *Annual Review of Political Science*, 16 (1), pp. 331–353. DOI: 10.1146/annurev-polisci-032211-212204.
- Hale, H. E. (2018) 'How Crimea Pays: Media, Rallying 'Round the Flag, and Authoritarian Support', *Comparative Politics*, 50 (3), pp. 369–391. DOI: 10.5129/001041518822704953.
- Hale, H. E. (2022) 'Authoritarian rallying as reputational cascade? Evidence from Putin's popularity surge after Crimea', *American Political Science Review*, 116 (2), pp. 580–594. DOI: 10.1017/S0003055421001052.
- Havel, V. and Wilson, P. (1985) 'The power of the powerless', *International Journal of Politics*, 3/4 (15), pp. 23–96.
- Hogg, M. A. (2006) 'Social Identity Theory', in Burke, P.J. (Eds.) *Contemporary Social Psychological Theories*. Stanford, CA: Stanford University Press, pp. 111–136. DOI: 10.1515/9781503605626-007.
- Laruelle, M. (2009) *In the Name of the Nation: Nationalism and Politics in Contemporary Russia*. New York: Palgrave Macmillan. 254 p. Available at: <https://doi.org/10.1057/9780230101234>.
- Magaloni, B. (2006) *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico*. Cambridge: Cambridge University Press. (Cambridge Studies in Comparative Politics). 300 p. DOI: 10.1017/CBO9780511510274.
- Marcus, G. E. (2000) 'Emotions in Politics', *Annual Review of Political Science*, 3 (1), pp. 221–250. DOI: 10.1146/annurev.polisci.3.1.221.
- Mishler, W. and Rose, R. (2005) 'What Are the Political Consequences of Trust?: A Test of Cultural and Institutional Theories in Russia', *Comparative Political Studies*, 38 (9), pp. 1050–1078. DOI: 10.1177/0010414005278419.
- Mueller, J. E. (1970) 'Presidential Popularity from Truman to Johnson', *The American Political Science Review*, 64 (1), pp. 18–34. DOI: 10.2307/1955610.
- Nathan, A. J. (2020) 'The Puzzle of Authoritarian Legitimacy', *Journal of Democracy*, 31 (1), pp. 158–168. DOI: 10.1353/jod.2020.0013.
- Norris, P. (1999) 'The Growth of Critical Citizens', in Norris, P. (Eds.) *Critical Citizens: Global Support for Democratic Government*. Oxford: Oxford University Press, pp. 1–30. Available at: 10.1093/0198295685.003.0001.
- Panagopoulos, C. (2010) 'Affect, Social Pressure and Prosocial Motivation: Field Experimental Evidence of the Mobilizing Effects of Pride, Shame and Publicizing Voting Behavior', *Political Behavior*, 32 (3), pp. 369–386. DOI: 10.1007/s11109-010-9114-0.
- Pearlman, W. (2013) 'Emotions and the Micro-foundations of the Arab Uprisings', *Perspectives on Politics*, 11 (2), pp. 387–409. DOI: 10.1017/S1537592713001072.
- Posner, D. N. (2005) *Institutions and Ethnic Politics in Africa*. Cambridge: Cambridge University Press. 339 p. Available at: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511808661>.
- Schwartz, S. H. and Bardi, A. (2001) 'Value Hierarchies Across Cultures: Taking a Similarities Perspective', *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 32 (3), pp. 268–290. DOI: 10.1177/0022022101032003002.
- Seligson, A. and Tucker, J. (2005) 'Feeding the Hand that Bit You: Voting for Ex-Authoritarian Rulers in Russia and Boliv-

- ia', *Demokratizatsiya: The Journal of Post-soviet Democratization*, 13, pp. 11–44. DOI: 10.3200/DEMO.13.1.11-44.
- Sharafutdinova, G. (2020) 'Public Opinion Formation and Group Identity: The Politics of National Identity Salience in Post-Crimea Russia', *Problems of Post-Communism*, 69 (3), pp. 1–13. DOI: 10.1080/10758216.2020.1829975.
- Sirotkina, E. and Zavadskaya, M. (2020) 'When the party's over: political blame attribution under an electoral authoritarian regime', *Post-Soviet Affairs*, 36 (1), pp. 37–60. DOI: 10.1080/1060586X.2019.1639386.
- Tang, W. (2016) *Populist Authoritarianism: Chinese Political Culture and Regime Sustainability*. Oxford University Press. 220 p. Available at: 10.1093/acprof:oso/9780190205782.001.0001.
- Truex, R. (2022) 'Political Discontent in China is Associated with Isolating Personality Traits', *The Journal of Politics* [Preprint]. DOI: 10.1086/719273.
- Turner, J. C., Hogg, M. A., Oakes, P. J., Reicher, S. D. and Wetherell, M.S. (1987) *Rediscovering the social group: A self-categorization theory*. Oxford: Basil Blackwell. 239 p.
- Weiss, J. C. (2020) *China's Self-Defeating Nationalism, Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-07-16/chinas-self-defeating-nationalism> (Accessed: 10 May 2021).
- Young, L. E. (2019) 'The Psychology of State Repression: Fear and Dissent Decisions in Zimbabwe', *American Political Science Review*, 113 (1), pp. 140–155. DOI: 10.1017/S000305541800076X.
- Zavadskaya, M. and Welzel, C. (2015) 'Subverting autocracy: emancipative mass values in competitive authoritarian regimes', *Democratization*, 22 (6), pp. 1105–1130. DOI: 10.1080/13510347.2014.914500.

Статья поступила в редакцию: 30.09.2022

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 28.10.2022

Статья принята к печати: 01.11.2022

SOCIO-PSYCHOLOGICAL FACTORS OF MASS SUPPORT FOR AUTOCRACIES: LITERATURE REVIEW

N. S. Zubarev

N. S. Zubarev, 2 year postgraduate student, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics, Russia, St. Petersburg; trainee researcher,

Laboratory for Comparative Social Research. Ronald Franklin Inglehart.

E-mail: nzubarev@hse.ru (ORCID: 0000-0002-2214-4457. ResearcherID: AAH-7936-2021).

Abstract:

Despite the fact that autocracies are frequently portrayed in art as states where all power belongs to a single person or a group of people, such states need mass political support. The latter signals that attempts at changing the status quo have little chances of success, lowers the probability of violent revolutions, and forms democratic legitimacy, while at the same time weakening the political role of civilian population. A significant share of studies on mass support of autocracies considers economic factors as key variables. Nevertheless, a number of papers point out that such states could be rather resilient to economic shocks. Social psychology has a number of approaches that could offer additional explanations of dynamics of political support in autocracies. This article attempts to systematize results of publications that maintain the significance of these theories. Potential explanatory models include social identity theory, value theories of Inglehart-Welzel and Schwartz as well as Big Five personality traits and emotions in politics.

Keywords: autocracies; political support; hybrid regimes; political trust; social identity; Big Five; emotions; values; nationalism.

К сведению авторов

«Вестник Пермского университета. Политология» – периодическое издание, в котором публикуются результаты исследований по следующим отраслям политической науки (научным специальностям):

23.00.01. Теория и философия политики, история и методология политической науки.

23.00.02. Политические институты, процессы и технологии.

23.00.05. Политическая регионалистика. Этнополитика.

Журнал выходит 4 раза в год.

Журнал входит в список ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

После выхода из печати полнотекстовые версии номеров размещаются на интернет-сайте журнала и на интернет-сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

Обращаем внимание, что, посылая статью для публикации в журнале «Вестник Пермского университета. Политология», автор тем самым дает согласие на ее размещение в открытом доступе на интернет-сайте журнала (в случае принятия к публикации).

Принимаются рукописи научных статей, рецензий или обзоров, не опубликованные ранее. В случае, если автор решает направить свою рукопись на рассмотрение в другой журнал, он обязан уведомить редакцию «Вестника Пермского университета. Политология» о ее отзыве.

Принимаются к рассмотрению рукописи на русском и английском языках.

Следование настоящим инструкциям обязательно и гарантирует то, что рукопись вашей статьи будет принята редакцией к рассмотрению.

Рукопись должна включать:

- 1) название работы;
- 2) благодарности и/или упоминание организации, при финансовой поддержке которой выполнено исследование, представленное в статье (при необходимости);
- 3) аннотацию (для обзора и научной статьи);
- 4) ключевые слова;
- 5) основной текст, включая (при необходимости) таблицы, графики, иллюстрации;
- 6) приложения (при необходимости);
- 7) библиографический список, включающий статьи и монографии, цитируемые в работе.

Аннотация представляет собой краткий текст, который раскрывает цель и задачи работы, логику построения исследования, его структуру и основные выводы. Аннотация должна быть информативной, давать адекватное представление о проведенном исследовании без необходимости обращения к статье.

Название статьи, аннотация, ключевые слова должны быть на русском и английском языках.

Отдельным файлом должна быть представлена информация об авторе (ах):

- место работы / учебы, должность,
- ученая степень, звание (при наличии),
- адрес электронной почты,
- авторские ORCID и ResearcherID.

В случае, если авторов несколько, то дополнительно указывается контактное лицо и адрес его электронной почты.

Информация об авторе (ах) предоставляется на русском и английском языках.

Объем рукописи

Объем рукописи статьи, обзора – до 40 000 знаков (включая ссылки, подписи к таблицам, графикам и иллюстрациям, библиографический список).

Объем рукописи рецензии до 20 000 знаков.

Объем аннотации – 150–250 слов.

Количество ключевых слов – 7–10.

Требования к оформлению рукописи

Текст оформляется в формате MS Word через 1 интервал, шрифт Times New Roman, размер 14; поля: правое 2 см, левое 2 см, сверху и снизу по 2 см. Выравнивание текста по ширине, отступ первой строки – 1,25. Нумерация по центру страницы.

Иллюстративный материал (при наличии) должен быть высокого качества (600 dpi для оттенков серого и 300 точек на дюйм для цвета, в правильном размере). В случае, если в качестве иллюстраций к тексту используются фотографии, репродукции и иные визуальные материалы, принадлежащие третьим лицам и / или размещенные на открытых публичных ресурсах, то они должны сопровождаться ссылкой на источник и/или иметь необходимое разрешение правообладателя на их повторное использование.

Информация в виде таблиц, диаграмм, гистограмм должна представлять собой новую информацию, а не дублировать содержание текста. Таблицы, диаграммы, гистограммы должны быть доступны для редактирования и представлены отдельным файлом.

Если рукопись содержит уравнения, убедитесь, что они также доступны для редактирования.

Оформление ссылок в тексте рукописи на источники (нормативно-правовые акты, статистические данные, архивные материалы, интервью, мемуары и др.) постраничное (внизу страницы) продолжающейся нумерацией в соответствии с требованиями стиля Гарвард.

Ссылки на цитируемую (упоминаемую) академическую литературу оформляются в скобках, где указываются автор, год, страница(ы):

(Иванов, 2005) / (Иванов, 2005: 7)

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Иванов и Симонов, 1999) / (Иванов и Симонов, 1999: 46)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

Если у цитируемой работы авторов больше двух, то указать первого и ставить – и др. (et al.):

(Иванов и др., 1998) / (Иванов и др., 1998: 99)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

В случае, если цитируются две и более работы одного автора, изданные в один год, то при оформлении применяются следующие правила:

(Иванов, 2005a)

(Иванов, 2005b)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

Если в тексте есть упоминание идей, положений, суждений сразу нескольких авторов и нескольких работ, следует оформлять следующим образом:

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

В случае, если в библиографической ссылке отсутствует автор(ы) (коллективная монография, сборник, документ и т. п.), следует указывать либо название работы, либо фамилию редактора(ов). При этом, если название цитируемой работы состоит из одного-двух слов, то оно указывается полностью, если длинное, то следует дать первые одно-два слова, а далее поставить многоточие, затем знак запятой и год издания.

(Wales Act, 1998)

(ФЗ № 23-45, 2000)

(Было слово..., 2000)

При цитировании изданий одного автора, но относящихся к разным годам, следует указывать фамилию автора и годы через точку с запятой:

(Mitchell, 2010; 2017)

При цитировании источника без даты:

(Smith, no date: 15).

(Кузнецов, б.д.: 16)

При непрямом цитировании:

(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы

В конце статьи формируется *Библиографический список / References*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Вначале указываются источники на русском языке, затем – на иностранных.

Библиографический список должен сопровождаться транслитерацией и переводом русскоязычных источников на английский язык. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.net> (стандарт транслитерации – BSI).

В случае, если у цитируемой статьи или книги есть присвоенный DOI, следует его указывать.

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы оформляется в соответствии с требованиями стиля Гарвард¹.

Книга, монография:

Mitchell, J. A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Тошович, Б. (2011) *Корреляционная грамматика сербского, хорватского и бошняцкого языков*. (Том 1). Москва: Языки славянской культуры. [Toshovich, B. (2011) *Correlative Grammar of Serbian, Croatian and Bosnian* [Korreljatsionnaya grammatika serbskogo, khorvatskogo i boshnyatskogo yazykov] Vol.1, Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)].

Stone, S. J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher.

В: Панов, П. В. (ред.) (2017) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия. [Panov, P. V. (eds.) (2017) *Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights* [Balansiruyaya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.)].

Глава в книге, монографии:

Gray J. N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N. T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

Минаева, Э. Ю., Панов, П. В. (2017) 'Конструирование границ и сегментация политического пространства как фактор взаимодействий вокруг этнических региональных автономий' в: Панов, П. В. (ред.) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия, сс. 110–137. [Minaeva, E. Yu., Panov, P. V. (2017) 'The segmentation of political space as a factor for interaction over ethnic regional autonomies' [Konstruirovaniye granicz i segmentaciya politicheskogo prostranstva kak faktor vzaimodejstvij vokrug e'tnicheskix regional'nyx avtonomij] in: Panov, P.V. (eds.) 'Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights' [Balansiruyaya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, pp. 110–137. (In Russ.)].

Книги с анонимными или неизвестными авторами:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

Большая советская энциклопедия (1978), Т.30. Москва.: Советская энциклопедия. [Great Soviet Encyclopedia [Bol'shaya sovetskaya encyclopediya] (1978), Vol. 30. Moscow].

Монография (электронное издание или книга online):

Stoker, L. A., Falker, J. and Hatcher, K. P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: URL: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10.09.2016).

В случае цитирования переводной книги написание фамилий давать в оригинальном, а не в транслитерированном варианте:

Боуэн, У. Г. (2018) *Высшее образование в цифровую эпоху*. Москва: Издательский дом Высшей Школы экономики [электронное издание]. URL: <https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/>

¹ *Harvard Format Citation Guide*. [Online]. Available at: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide> (Accessed: 12 August 2018)

Bowen_ %D1 %81 %D0 %B0 %D0 %B9 %D1 %82.pdf (дата обращения: 12.08.2018). [Bowen, W. G. (2018) *'Higher Education in the Digital Age'* [Vysheee obrazovanie v cifrovuyu epoxu] Moskva: Izdatel'skij dom Vysheej Shkoly ekonomiki.] [online]. Available at: URL: [https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_ %D1 %81 %D0 %B0 %D0 %B9 %D1 %82.pdf](https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf) (Accessed: 12.08.2018)].

Статья в периодическом издании (журнале, газете):

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296.

Mitchell, J. A. 'How citation changed the research world', *The Mendeley*, 62(9) [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 15 November 2016)

Германова, Н. Н. (2009) 'Искусственные языки воображаемых сообществ: проблема национальных языков в западной лингвистике', *Вестник МГЛУ*, 557, сс. 24–41. [Germanova, N. N. (2009) 'Artificial Languages of Imagined communities: the Problem of National languages in Western Linguistics' [Iskusstvennyye yazyki voobrazhaemykh soobshchestv: problema natsional'nykh yazykov v zapadnoi lingvistike], *Vestnik MGLU*, 557, pp. 24–41. (In Russ.)].

Если русскоязычный журнал/газета имеет официальное название на латинице, то следует приводить это название, а не транслитерацию.

Описание диссертации, проектов, студенческих эссе:

Leckenby, R. J. (2005) *Dynamic characterisation and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

Энгельгардт, Г. (2005) *Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Москва*. [Engel'gardt, G. (2005) *'Republic Serbska in Bosnia and Hercegovina. Genesis and evolution (1990–2006 gg.)'* [Respublika Serbskaya v Bosnii i Gercegovine. Vozniknovenie i evolyuciya]. Dr. Diss. (Hist.). Moscow. (In Russ.)].

**Более подробные инструкции для библиографического описания источников и литературы см.:
URL: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>**

Information for the authors

Thank you for choosing to submit your paper to us. Our journal accepts previously not published articles and reviews. The journal publishes manuscripts in both English and Russian.

The instructions will ensure we have everything required so your paper can move through peer review.

Manuscripts should be compiled in the following order:

- 1) Title;
- 2) Acknowledgements as well as Funding and grant-awarding body (where appropriate);
- 3) Abstract (for article);
- 4) Key words;
- 5) Main text, including tables, graphs and illustrations;
- 6) Appendix (where appropriate); bibliographic list (references), including cited articles and books.

Abstract is a short text that shows the aims, logic, claims and results of the research. The abstract should be informative and give an adequate idea of the research.

The title, abstract, key words are set to be in both English and Russian.

Author(s) details should be submitted as a single file in both English and Russian:

- place of employment / study, position,
- academic degree (if applicable),
- e-mail,
- ORCID & ResearcherID.

In the case there are several authors, please, indicate the contact person and his / her e-mail.

Wordage

Please keep in attention a typographical unit count for your paper. A typical article for the journal should be no more than 40000 typographical units; this limit includes tables, references, figure captions, footnotes, endnotes, and an abstract of 150–200 words.

The wordage of review is about 20000 typographical units.

7–10 keywords.

Formatting and templates

MS Word, single space, TNR 14.

Margins: right 2 cm, left 2 cm, top and down – 2 cm.

Text alignment in breadthwise. Indenture – 1,25.

Please submit illustrations of high quality (600 dpi for shades of gray and 300 dots per inch for color, in the correct size).

If you use photos, images and other visual materials that are property of other persons, please provide the necessary permission of the right holder to reuse them.

Tables and graphs should be available for editing and presented as a separate file. If the manuscript contains equations, make sure that they are also editable.

Quoting sources (acts, statistical data, archival materials, interviews, memoirs, etc.) are paginated (at the bottom of the page) and continued numbering by the requirements of Harvard Style

Cited articles and books in-text:

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

(Mitchell, 2010; 2017)

(Smith, no date: 15)
(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Format bibliographic list (references) in Harvard Style.

If it is applicable, please indicate DOI of cited articles and books.

Book:

Mitchell, J.A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Stone, S.J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher

A chapter in edited book:

Gray J.N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N.T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

No author:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

On-line book:

Stoker, L.A., Falker, J. and Hatcher, K.P. (2016) *Grey*. *E-book library* [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10 September 2016)

Article:

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296

Hunter, F.A. 'How political order changed?', *The Journal*, 34(8) [online]. Available at: <https://www.thejournal.com> (Accessed: 15 May 2018)

Unpublished thesis:

Leckenby, R.J. (2005) *Dynamic characterization and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

For instructions that are more detailed please see:

URL: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>

Вестник Пермского университета.
Политология
2022. Том 16. № 4

Bulletin of Perm University.
Political Science
2022. Vol. 16. № 4

Научное издание

Редактор *Л. Л. Савенкова*
Корректор *Л. Л. Соболева*
Компьютерная верстка *Н. М. Беляевой*

Подписано в печать _____.____.2022.
Выход в свет _____.____.2022.
Формат 60x84/16. Усл. печ. _____.____.
Тираж 500 экз. Заказ ____.

Адрес учредителя, издателя и редакции:

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
(Историко-политологический факультет)

Издательский центр ПГНИУ
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография ПГНИУ
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Распространяется бесплатно и по подписке

Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте
«Пресса России. Объединенный каталог» <https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/i41006/>
Подписной индекс 41006